ВОЙНА И МЫ

Анатолий Терещенко

Чистилище СМЕРШа

Сталинские «волкодавы»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что бы там ни врала антисталинская пропаганда, легендарный СМЕРШ не был филиалом преисподней, а военные чекисты — исчадиями ада и демонами во плоти. Скорее уж военная контрразведка сравнима с Чистилищем, через которое в годы Великой Отечественной прошли сотни тысяч немецких военнопленных и миллионы советских граждан, вырвавшихся из «котлов», возвращавшихся из вражеского плена и с принудительных работ.

Вопреки расхожим мифам, деятельность СМЕРШа не сводилась к силовым задержаниям с «качанием маятника» и стрельбой с обеих рук «по-македонски» — в основном это была рутинная, тщательная, скрупулезная работа по сбору и анализу информации, может, не такая эффектная, как в кинобоевиках, но зато гораздо более эффективная. На счету Главного управления контрразведки «Смерть шпионам!» НКО СССР десятки тысяч разоблаченных немецких агентов и военных преступников, пособников врага и карателей, но главное — благодаря оперативно-розыскной и следственной работе военных чекистов были сняты подозрения с миллионов честных советских людей.

«Моменты истины» и подвиги сталинских «волкодавов», зачистка тыла Красной Армии от вражеских шпионов и диверсантов, погоня за «голубоглазыми демонами Рейха», охота за предателями и палачами — эта книга впервые проливает свет на неизвестные эпизоды тайной войны, воздавая должное лучшей военной контрразведке в истории — непобедимому и легендарному СМЕРШу.

- Анатолий Степанович Терещенко
  - От автора
  - Руководство к действию
  - Правовая база оперативного сита
  - СССР и Женевская конвенция о военнопленных
  - Лейтенант Ритц из «Цеппелина»
  - Немецкий «перебежчик»
  - Румынские разведчики
  - Пленение Антонеску
  - Дело обер-лейтенанта Биттига
  - По следам голубоглазого зверя
  - В поисках предателей
  - Конец финского агента
  - Тайное оружие — проказа

- Шпионский наговор
- Преступники в фельдмаршальских погонах
- Смерть под «Танго смерти»
- Предательство грязных рук
- Изверги в капкане
- Резидент ошибся
- Цифра-разоблачитель
- Палачи — Еккельн и Арайс
- Немецкая берлога для «крота»
- В борьбе с эстонской «Омакайтсе»
- Спецсообщение № 58
- По следу палачей
- Зафронтовой агент
- Предатели из Туркестанского легиона
- Сито СМЕРШа
- «Вервольф» — последняя надежда
- СМЕРШ на японском фронте
- Розыск длиною в 25 лет
- Предательская татуировка
- Эпилог
- Библиография

Анатолий Степанович Терещенко Чистилище СМЕРШа. Сталинские «волкодавы»

От автора

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ РАЗЫСКНИКОВ СМЕРША — ПОСВЯЩАЕТСЯ.

Оформление серии П. Волкова.

На переплете использована фотография, предоставленная В. М. Жураховым.

Почти все люди охотно расплачиваются за мелкие одолжения, большинство бывает признательно за немаловажные, но почти никто не чувствует благодарности за крупные.

Ф. Ларошфуко.

СМЕРШ — именно под этой короткой, как выстрел, аббревиатурой вошли в советскую и мировую историю органы военной контрразведки СССР в период военного лихолетья и первый послевоенный год.

О важной и продуктивной разыскной работе армейских чекистов периода СМЕРШа многие годы чиновники, историки и публицисты в основном молчали как в предательски убитом Советском Союзе, так и в появившейся новой России. А если говорили и писали, то в такой информации всячески подчеркивалось о неоднозначной, мягко говоря, оценке деятельности особистов и личности их руководителя — комиссара госбезопасности 2-го ранга, а потом генерал-полковника В.С. Абакумова, арестованного при Сталине и расстрелянного при Хрущеве. Абакумовская косая тень, созданная завистниками и злопамятными чиновниками, падала и на сотрудников особых отделов МГБ и КГБ.

Заказные потоки необоснованных упреков в адрес армейских чекистов, высоко оцененных даже противником, о пьянстве и отсидке в тылах во время боевых действий, о том, что с освобожденными советскими военнопленными в СССР обращались хуже, чем с взятыми в плен немцами, попирали здравый смысл и туманили головы.

— На войне, как на войне — всякое бывало, — говорил участник Великой Отечественной с первого ее дня и до победного салюта, мэтр советской военной контрразведки генерал-лейтенант Н.И. Железников, бывший начальник 1-го контрразведывательного факультета при учебе автора в Высшей

школе КГБ. — Были и пьяницы, и мерзавцы среди нашего брата, как и в других ведомствах, но героического, похвального, заслуживающего всяческого уважения, несомненно, больше. Огромный вклад в нашу Победу ратным трудом и оперативным искусством внесли военные контрразведчики-разыскники. Я это авторитетно утверждаю! Оплевать это могут только уже новые мерзавцы.

Эти слова записаны у автора книги на странице дневника той поры. Сказано жестко, но правильно с учетом того, чем частично в последнее время поделились наши архивы.

Да, всемирная сеча, затеянная чудовищем в облике человека, была особенной — крайне античеловечной по своей сути. Ее такой, с этническим подтекстом, видели Гитлер и его камарилья еще задолго до 1941 года. Жестокость поражала, жестокость унижала, но жестокость и закаляла характер тех, кто ей противостоял.

— Вся известная нам история, — говорил Иоахим Фест, автор трехтомной работы «Гитлер», — не знает такого явления, как он, но следует ли его называть «великим»? Никто не вызывал столько восторга, истерии и благих ожиданий, как он, но никто и не вызывал столько ненависти. Нет другого такого, кто, как он, всего за несколько лет единолично придал бы ходу времени такие ускорения и так изменил бы состояние мира; нет другого такого, кто оставил бы за собой такой след из развалин. Лишь коалиция почти всех государств мира после шести лет войны устранила его с лица земли… убила его «как бешеную собаку».

И в этом коалиционном букете, если можно так выразиться, ярче других горят цветы памяти о советских воинах — павших и живых, кто первым принял на себя удар всей мощи Третьего рейха, остановил коричневого зверя, отбросил его за пределы своих границ и наконец-то добил в его собственном логове.

С одинаковой степенью ответственности трудились советские люди — в армии и флоте, разведке и контрразведке. Все приближали победу над германским человеконенавистническим нацизмом — солдаты и офицеры, рядовые и полководцы, труженики заводов и полей.

Ни в коем случае совсем не мрачным пятном являлась умопомрачающая по масштабам, деликатная работа органов госбезопасности в лице ГУКР СМЕРШ по линии «просева» немецких военнопленных и наших граждан, возвращающихся из плена, с принудительных работ и выходивших из окружения, в поисках оставшейся агентуры и предателей — пособников фашистов.

Другой проблемой было установление виновных в

злодеяниях против наших граждан на оккупированных фашистами территориях и передача материалов в суды и трибуналы.

Действительно, одной из важнейшей задач особых отделов НКВД СССР и подразделений Главного управления контрразведки (ГУКР) СМЕРШ Народного комиссариата обороны (НКО) СССР в годы войны была работа среди военнопленных вражеских армий — вермахта и его сателлитов в целях розыска агентуры и функционеров спецслужб противника. Такая же, только с более обширной географией, деятельность под названием фильтрационная проводилась среди наших военнослужащих и мирных граждан, прорывавшихся из окружения или бежавших из фашистского плена, а также перемещенных лиц, вывезенных на работу в Германию.

Небезынтересна и современная оценка, данная работе смершевцев директором Департамента военной контрразведки генерал-полковником Безверхним А.Г. в одном из интервью газете «Новости разведки и контрразведки» в 2003 году: «Нередко в адрес органов СМЕРШа раздается критика в связи с проводившейся ими фильтрационной работой. В 1941 году И.В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности.

Фильтрация военнослужащих — выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров. Постановлением СНК от 6 января 1945 года при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов СМЕРШа. Создавались сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией.

Фильтрационная работа требовала от сотрудников СМЕРШ не только высочайшего профессионализма, но и большого гражданского мужества. Особенно сложно было ее вести среди бывших командиров и бойцов Красной Армии. Допросы смершевцев казались им оскорбительными и несправедливыми. В процессе фильтрационной работы органами СМЕРШ было выявлено несколько тысяч агентов гитлеровских спецслужб, разоблачены десятки тысяч карателей и фашистских пособников.

Но главным итогом явилось то, что с миллиона советских людей было снято клеймо «врага народа». Однако на этом участке не удалось избежать и трагических ошибок: ведь перед военными контрразведчиками в последние месяцы 1945 года проходили

миллионы советских военнослужащих и граждан, угнанных на принудительные работы в Германию…»

Сегодня появилась целая плеяда бесстрастных, честных и объективных исследователей огромной массы тех рассекреченных документов, которые надо было уяснить и упорядочить, поистине идущих «из архивной тьмы» и зазвучавших сегодня настоящими «письменами», — д. Колпакиди, К. Дегтярев, А. Север, Д. Прохоров, Л. Иванов, В. Павлов и ряд других.

Но вернемся к объекту работы СМЕРШа — контингенту граждан того времени. Именно вышеупомянутая категория советских людей являлась для немецких спецслужб солидной вербовочной базой. А потому, естественно, представляла повышенный интерес для советской военной контрразведки. Тем же самым занимались и наши союзники.

Как писали историки органов СМЕРШа, по своему размаху задействованных негласных сил и средств оперативно-разыскная и следственная работа в ходе и по окончании Второй мировой войны не имела аналогов в истории спецслужб мира.

Немецкие военнопленные стали появляться только к исходу 1941 года. Так, по состоянию на 1 января 1942 года, после битвы под Москвой, численность плененных гитлеровцев составила чуть более 9 тысяч.

А на следующий год в ходе Сталинградской эпопеи в плен попали 151 246 человек, в их числе 2500 офицеров, 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом…

Свыше четырех миллионов немецких военнопленных прошло через «сито» всевозможных проверок. Всего с 22 июня 1941-го по 8 мая 1945 года советские войска пленили 4 377,3 тыс. военнослужащих противника.

После разгрома Квантунской армии их численность увеличилась еще на 639 635 человек.

Однако не все взятые в плен направлялись в лагеря. На завершающем этапе войны после первичной проверки большая часть пленных отправлялась на родину.

Наряду с военнопленными на территориях стран Восточной Европы, освобожденной от немецко-фашистских войск, были интернированы и помещены в лагеря 208 239 человек, «способных носить оружие», и 61 573 Функционера низовых фашистских партийных и административных органов. Это было сделано в целях пресечения террористических и диверсионных актов в тылу наступающих войск Красной Армии.

Еще в самые первые дни войны органы НКВД предпринимали попытки развернуть более тридцати приемных пунктов для военнопленных. Однако специфические условия начала войны и

наши возможности позволили создать только девятнадцать.

1 июля 1941 года Совет народных комиссаров (СНК) СССР утвердил «Положение о военнопленных». Надо отметить, что все основные его пункты соответствовали букве Женевской конвенции от 1929 года и гарантировали жизнь военнопленным, необходимое медицинское обслуживание и даже отдых.

В середине же войны, и особенно в ее конце, когда потоки военнопленных существенно возросли и появилась серьезная проблема с репатриантами, вопросам фильтрационной работы стали уделять больше внимания.

Как вспоминал сослуживец автора по Центральному аппарату военной контрразведки генерал-лейтенант А.И. Матвеев, участник штурма Берлина и активной оперативно-разыскной работы: «Близился конец Великой Отечественной войны советского народа с германским фашизмом. Шли ожесточенные бои на подступах к Берлину. Сломлено сопротивление фашистских войск на Зееловских высотах.

В это же время в отделы военной контрразведки СМЕРШ из различных источников стала поступать информация о том, что из Берлина и его окрестностей в срочном порядке эвакуируются различные фашистские спецорганы с остатками разведшкол и различных курсов, которые были сформированы из изменников и предателей нашей родины.

Приходили также данные, что руководители абвера пытаются вступить в контакт со спецслужбами наших союзников. С этой целью они намереваются эвакуировать на запад ценную агентуру и специалистов по проведению подрывной работы.

Перед военными контрразведчиками была поставлена задача — организовать тщательную проверку поступающих данных. Добыть доказательства подобных действий или опровергнуть их. Особое внимание обращалось на выявление позиции союзников».

Для содержания военнопленных на территории СССР и Других государств помимо 24 фронтовых приемно-пересыльных лагерей были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских, более 500 стационарных, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан.

За 1944–1945 годы были осуждены свыше 98 ООО репатриантов. В следственных изоляторах тюрем содержалось еще свыше 1 866 тыс. бывших военнопленных и более 3,5 миллиона гражданских лиц.

Отказались вернуться в СССР свыше 450 ООО человек, в том числе около 160 ООО бывших военнопленных.

Всю эту работу подчиненные Абакумова осуществляли во

взаимодействии с Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и заграничных резидентур 1-го Управления (ПУ) НКГБ СССР и ГРУ Генерального штаба (ГШ). При этом основные усилия были направлены на выявление агентуры германских спецслужб и изобличение военных преступников.

Армейскими чекистами проводилась глубокая и всесторонняя проверка военнопленных с использованием в полном объеме всего арсенала оперативно-технических возможностей. Активно использовался институт агентуры и доверенных лиц. Прицельно и глубоко работали следственные работники.

В ходе проверки здесь подбиралась, обучалась и забрасывалась наша агентура в подразделения абвера и «Цеппелина», а также добывалась важная разведывательная информация.

Основная тяжесть этой работы легла на плечи сотрудников 2-го отдела ГУКР СМЕРШ НКО СССР. С июля 1943 года и до конца войны этот отдел возглавлял полковник Сергей Николаевич Карташов (1914–1979 гг.). С 1937 по 1941 год — сотрудник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. С 1941 по 1943 год — заместитель начальника отделения 3-го Управления НКО, начальник отделения Управления особых отделов НКВД СССР.

С 1943 по 1946 год — начальник 2-го отдела Главного управления контрразведки СМЕРШ, а с 1946 по 1949 год — начальник 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР. В период с 1949 по 1950 год — советник МГБ СССР при УГБ Венгерской Народной Республики. С 1951 по 1952 год — заместитель начальника 1-го управления МГБ СССР. С 1953 по 1954 год находился в резерве назначения 2-го Главного управления МВД СССР. В 1954 году назначен начальником 7-го отдела 2-го Главного управления МВД СССР.

Как отмечал при встрече с автором книги подчиненный Карташова, участник войны, сотрудник СМЕРШа полковник Козловцев Леонтий Иванович: «Его феноменальная память и невероятная работоспособность поражали даже немало повидавших контрразведчиков. Он наизусть знал все псевдонимы своей агентуры и материалы большинства дел. Помнил сотни имен, фамилий и кличек разоблаченных агентов противника.

Сергей Николаевич практически ежедневно готовил обобщенные справки для доклада руководителю СМЕРШа — генерал-полковнику В.С. Абакумову, в Генеральный штаб ВС СССР, а также распоряжения и ориентировки в управления военной контрразведки фронтов.

Не было дня, чтобы в Москву не приходили материалы о выявленных и разоблаченных в лагерях и пунктах сотрудниках

спецслужб фашистской Германии и милитаристской Японии. А ведь завербованные и подготовленные ими агенты продолжали стрелять в спину бойцам и командирам Красной Армии, готовили террористические акты и диверсионные операции. Все эти действия мешали восстановлению мирной жизни на освобожденных территориях…»

Прежде чем попасть в плен, солдаты и офицеры вермахта, сотрудники гестапо, абвера, СС, СД и других специальных служб гитлеровской Германии воевали каждый своим оружием с частями, штабами и тыловыми подразделениями Красной Армии. Поэтому вполне понятно, что основой тайной войны оставалась борьба, выявление агентуры противника.

Это рутинная, но нужная работа для Вооруженных Сил и СМЕРШа, сотрудники которого оберегали Красную Армию от опасных ударов в спину.

Руководство к действию

Искать и обезвреживать вражескую агентуру — вот главный девиз любой контрразведки. Армейским чекистам в годы войны выпало противостоять этому крайне опасному тайному оружию, противостоять в боевых условиях.

Инструкция СМЕРШа по организации розыска вражеской агентуры была утверждена ГУКР НКО СМЕРШ 9 сентября 1943 года и объявлена директивой ГУКР НКО СМЕРШ № 49519 от 9 сентября 1943 года.

В ней, в частности, говорилось, что «розыск и ликвидация агентуры, забрасываемой противником на нашу сторону, является важнейшей задачей органов СМЕРШа.

Для успешной борьбы с агентурой разведки противника необходимы:

а) правильная и четкая организация розыскной работы;

б) систематический контроль за выполнением мероприятий, направленных на выявление, розыск и задержание вражеских агентов;

в) умелое использование всех агентурных и иных возможностей по выявлению и розыску агентуры противника;

г) тщательный допрос задержанных диверсантов об известных им германских агентах с уточнением данных, облегчающих их розыск в нашем тылу;

д) быстрое оперативное использование добытых материалов;

е) немедленная информация вышестоящих инстанций о каждом выявленном и задержанном агенте разведки противника, его показаниях о других известных ему агентах, новых методах работы вражеской агентуры;

ж) контакт в разыскной работе с органами НКГБ и НКВД. Розыскная работа требует от оперативного состава органов СМЕРШа исключительной оперативности, большой инициативы и изобретательности.

1.1. Основание для розыска

Розыску подлежат все без исключения агенты разведки противника и, в первую очередь, уже переброшенные на нашу сторону или намеченные к выброске в ближайшее время.

Основанием для объявления в розыск агента вражеской разведки являются:

а) показания арестованных и разоблаченных агентов разведки противника;

б) заявления и показания свидетелей;

в) показания военнопленных, бывших официальных

сотрудников разведки противника;

г) сообщения зафронтовой агентуры и других наших агентов;

д) списки и другие материалы на агентуру, изъятые в разведывательных органах противника.

Материалы, послужившие основанием для розыска, не должны вызывать никаких сомнений в их правдивости, поэтому при допросах заявителей и свидетелей необходимо тщательно выяснять, не являются ли их показания оговором или результатом сведения личных счетов, и, по возможности, перепроверять эти показания через других лиц.

Все добытые материалы немедленно сообщаются в Главное управление контрразведки СМЕРШ, которое на основании полученных материалов дает указание подчиненным органам СМЕРШа по ВЧ или шифром о розыске вражеских агентов, переброшенных на нашу сторону или подготовленных к выброске в ближайшее время.

1.2. Организация местного розыска

Получив данные о выброске агентов и уточнив по возможности время, место и обстоятельства выброски, немедленно:

а) организует розыск и задержание;

б) ориентирует о выброске ближайшие органы СМЕРШа, местные органы милиции и НКВД, которые принимают меры розыска по своей линии, а также в вышестоящий орган СМЕРШ.

1.3. Использование перевербованных агентов разведки противника

Для активизации работы по розыску вражеской агентуры надлежит использовать некоторых явившихся с повинной агентов разведки противника.

Перевербовка и освобождение агентов разведки противника в целях розыска германских шпионов и диверсантов, а также лиц, известных им по совместному пребыванию в лагерях военнопленных, производятся только по предварительной санкции Главного управления контрразведки СМЕРШ и при наличии следующих данных:

а) явка агента с повинной была действительно добровольной;

б) агент дал конкретные показания о себе, назвал значительное количество известных ему германских шпионов и диверсантов;

в) показания, полученные от агента, не вызывают сомнений в их правдоподобности, а также и его поведение не вызывает никаких подозрений;

г) допросом других арестованных агентов не установлена изменническая, предательская деятельность вербуемого агента на

территории, оккупированной немцами, в лагерях военнопленных и в школе германской разведки;

д) агент переброшен противником на нашу сторону не свыше 2–3 месяцев тому назад и обладает хорошей зрительной памятью».

Следует заметить, что перевербовка вражеской агентуры сопрягалась с дезинформацией противника. Это прекрасно понимали сотрудники госбезопасности. Так, в докладной записке Л.П. Берии Сталину о задержании агентов германской разведки говорилось:

«Сов. секретно
25. 04.1942 г.
№ 732 / б
г. Москва
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
Товарищу Сталину

В марте — апреле 1942 года органами НКВД задержано 76 агентов германской разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп и в одиночку для шпионской и диверсионной работы в гг. Вологда, Ярославль, Иваново, Александров (Ивановской области), Пенза, Молотов, Тамбов, Куйбышев, Сталинград, Казань, Горький и в войсковых тылах Западного фронта.

У задержанных изъяты 21 портативная приемопередаточная радиостанция, через которые они должны были шифром передавать собранные сведения и сообщать результаты диверсионных действий.

Все эти германские агенты являются бывшими военнослужащими Красной Армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах.

Из них 25 человек бывших средних командиров Красной Армии, 19 младших и 32 рядовых бойца.

Часть переброшенных агентов (23 человека) добровольно явились в органы НКВД с повинной.

В целях ограничения активности германских разведывательных органов в указанных выше городах и создания видимости работы переброшенных шпионских групп и одиночек по заданию германской разведки, по 12 захваченным радиостанциям противника нам удалось установить радиосвязь с немецкими разведывательными органами в гг. Варшава (центр военной германской разведки), Псков, Дно, Смоленск, Минск, Харьков, Полтава.

НКВД СССР считает, что захваченные немецкие радиостанции

можно использовать в интересах Главного командования Красной Армии для дезинформации противника в отношении дислокации и перегруппировок частей Красной Армии.

Поэтому, если данное мероприятие будет признано Вами целесообразным, считаем необходимым поручить начальнику Оперативного Управления Генерального Штаба Красной Армии тов. БОДИНУ и начальнику Главного Разведывательного Управления тов. ПАНФИЛОВУ выработать порядок разработки материалов по дезинформации противника и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции.

Передача дезинформации противнику через захваченные рации будет обеспечиваться надежным контролем.

Прошу Ваших указаний.

Народный Комиссар Внутренних дел Союза ССР

Л. Берия».

Эта сторона контрразведывательной работы нашла отражение во многих книгах, вышедших в последнее время. Именно использование выявленной вражеской агентуры в ходе розыска нанесло большой ущерб спецслужбам противника и обеспечило нашим войскам благоприятные условия в боях, сражениях и других боевых действиях.

1.4. Организация и порядок работы оперативно-разыскных групп

Оперативно-розыскная группа по активному розыску вражеской агентуры организуется в составе:

Старшего группы — оперативного работника СМЕРШа.

Перевербованного агента германской разведки.

Разведчика наружного наблюдения или младшего командира из приданной органам СМЕРШа воинской части.

Оперативно-розыскная группа должна вести розыск агентуры противника на коммуникациях, ведущих к линии фронта, и в населенных пунктах, представляющих для германских разведывательных органов интерес по сбору шпионских сведений и осуществлению диверсионных актов.

Район работы подвижной оперативно-розыскной группы должен совпадать с районами выброски и действия вражеской агентуры, обучавшейся в тех же школах германской разведки, где обучался перевербованный агент.

1.5. Заградительные мероприятия

Все заградительные мероприятия должны быть направлены на то, чтобы исключить для агентуры разведки противника возможность безнаказанного перехода линии фронта, передвижения в прифронтовой полосе и в глубоком тылу,

проживания в населенных пунктах и местах, удобных для укрытия.

Меры заграждения должны способствовать выявлению и аресту разведчиков и диверсантов, забрасываемых на нашу сторону.

«Проверка не должна ограничиваться просмотром документов. Необходимо запросить часть или учреждение, которыми якобы эти документы выданы, и лишь после подтверждения их подлинности считать проверку законченной».

Эта инструкция являлась основным документом, которым руководствовались военные контрразведчики во время поиска вражеской агентуры, забрасываемой в тыл Красной Армии.

Надо отметить, что начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумов постоянно контролировал этот важнейший участок контрразведывательной работы в армии. С течением времени в деятельности 2-го отдела и его подразделений в управлениях СМЕРШ фронтов все большую роль приобретала информационно-аналитическая работа, облегчающая поиск вражеской агентуры. Разработанная в сжатые сроки Карташовым и его подчиненными система учета поступающих данных позволяла быстро осуществлять обмен информацией между всеми подразделениями СМЕРШа и существенно повысить качество проверок подозреваемых лиц.

В поисковой работе среди военнопленных результативным оказалось использование агентов-опознавате-лей. Захваченные во время проведения чекистско-войсковых операций и радиоигр вражеские агенты и диверсанты хорошо знали в лицо своих хозяев из абвера и «Цеппелина», а также сослуживцев по разведшколам и курсам. После перевербовки они широко применялись в разыскной работе.

Так, бывший сотрудник 2-го отдела СМЕРШа полковник Н.В. Левшин, принимавший участие во многих разыскных операциях, рассказывал автору — своему ненному по службе в Южной группе войск (Венгрия), — что в его лагере имелось 7 агентов-опознавателей.

— Это было под Брянском, — поведал Николай Васильевич. — При передвижении по железной дороге поезд с оперативно-разыскной группой остановился на одной из узловых станций. С нами был хорошо проверенный агент-опознаватель. Решили зайти в станционный буфет. Там было много народа — какие-то помятые мешочники-спекулянты, крестьяне, рабочие-путейцы, солдаты с вещмешками и несколько офицеров. Вдруг наш проверенный агент подал сигнал — встретил «знакомого».

— И кто им оказался?

— Вместе учились в разведшколе.

— Дали им поговорить?

— А как же! Николай, так звали перевербованного нашего агента-опознавателя, огляделся и подошел к незнакомцу в форме старшего лейтенанта Красной Армии. Сначала гость побледнел, а потом, видно, взял себя в руки, и разговор получился. Николай задавал ему вполне объяснимые логикой такой встречи вопросы: когда и с кем прибыл, по какому адресу остановился, имеется ли у него радиостанция.

О себе наш агент заявил, что выполняет задание немецкой разведки, собрал много материалов, а передать их не может, так как радист с радиостанцией утонул в озере при приводнении. Назвал себя одиноким волком, отбившимся от стаи. Спросил о радиостанции только потому, что хочет передать данные о себе, собранных материалах и получить указания в направлении дальнейшей работы в тылу Красной Армии.

Свояк по разведшколе сначала переминался с ноги на ногу, видно, соображал, как действовать дальше, а потом все-таки поверил Николаю и сообщил ему всю необходимую информацию.

Задержание агента прошло без эксцессов. Он был препровожден в ближайший пункт милиции и подвергся тщательному личному обыску и первичному допросу.

— А какова была его дальнейшая судьба?

— Отправили в специальный лагерь, где продолжалась его дальнейшая проверка. С ним работали мои коллеги. Потом и он стал агентом-опознавателем…

Следует заметить, что в последние годы войны эффективность этой деятельности по розыску вражеской агентуры настолько возросла, что в каждом лагере создавались целые группы агентов-опознавателей от 10 до 15 человек.

Так, с конца 1944-го и на начало 1945 года только оперативным составом УКР СМЕРШ Ленинградского фронта было выявлено около шести десятков вражеских агентов.

Правовая база оперативного сита

Как известно, после начала Второй мировой войны, а если точнее с датой — 19 сентября 1939 года, по указанию советского правительства было организовано Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР.

Толчком к созданию этого подразделения послужили «освободительные походы» Красной Армии на запад, в результате которых на территории СССР появился значительный контингент польских военнопленных.

В тот же день — 19 сентября 1939 года НКВД СССР был утвержден приказ № 0308 «Об организации лагерей военнопленных». После чего были созданы 8 лагерей: в Старобельске, Козельске, Осташкове, Грязовце, Суздале и в других местах.

19 ноября 1939 года приказом НКВД № 0390 была утверждена «Временная инструкция о войсковой охране лагерей военнопленных частями конвойных войск НКВД СССР».

7 октября 1939 года издается специальная Директива НКВД СССР 3 456/190 «Об агентурно-осведомительной работе среди военнопленных».

29 декабря 1939 года приказом НКВД № 0438 вводится в действие «Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных».

Первые же лагеря для советских военнопленных были образованы после завершения неудачной советско-финской войны 1939–1940 годов.

Участник тех событий сержант В.К. Боярчук рассказывал:

«В марте 1940 года, когда было подписано перемирие, финны передали наших военнопленных — изможденных, обмороженных, инвалидов. По нашей стране их везли в санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Ни один из моих знакомых домой не вернулся. Говорили, что большинство их находилось в Южском лагере Ивановской области. И почти все были осуждены. Некоторых приговорили к расстрелу…»

По данным исследователя этой трагедии Б.В. Соколова, в лагере находилось 4897 человек. В течение лета и осени 1940 года допросы закончились. И дела бывших военнопленных были тут же отправлены на Особое совещание в Москву. Оттуда через несколько недель для каждого прибывшего из финского плена пришли отдельные решения. Многих осудили к разным срокам лишения свободы, 232 военнослужащих были расстреляны по приговорам судов. Больных и инвалидов отпустили по домам.

28 декабря 1941 года выходит ПРИКАЗ НКВД № 001735 — «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника».

Согласно приказу НКО СССР № 0521, для проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или окружении противника, в конце 1941 года начали организовываться армейские сборно-пересыльные пункты из расчета один на армию.

9 февраля 1942 года выходит приказ НКВД № 00249 — «Об организации оперативного учета в Особых отделах НКВД спецлагерей».

По вполне понятным причинам с 11 января 1945 года УПВИ реорганизуется в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД — МВД СССР.

С другой стороны, на фоне крупных поражений вермахта на фронтах шла активизация со стороны спецслужб в направлениях разведывательной, диверсионной и террористической деятельности в тылах Красной Армии.

Из управлений фронтов в ГУКР СМЕРШ НКО СССР постоянно шла и шла информация о разоблаченной вражеской агентуре, задержанных диверсантах и террористах. Так постепенно перед руководством 2-го отдела и Главного управления четко проступала тайная паутина разведывательных школ и диверсионных курсов гитлеровской Германии. Паучьи гнезда с лихорадочным постоянством готовили и забрасывали разными путями тысячи оперившихся и легших на крыло птенцов — шпионов, диверсантов и террористов — в наши тылы. У них были вполне определенные цели — разведка, организация диверсий и физического уничтожения командиров и политработников с замахом даже на жизнь (пример «майора» Таврина и его сподвижницы «младшего лейтенанта» Шиловой — 1944 год) Сталина и других руководителей Ставки ВГК страны.

ПРИКАЗ НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 года «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов Красной Армии от вражеских элементов и о назначении уполномоченных НКВД по фронтам». В нем говорилось:

«…Для обеспечения очистки фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов,

Приказываю:

1. Назначить уполномоченными НКВД СССР по фронтам:

По 2-му Прибалтийскому фронту — комиссара госбезопасности 3-го ранга т. Кубаткина (начальника управления НКГБ по Ленинградской области).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Железникова (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Абызова (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

По 1-му Прибалтийскому фронту — комиссара госбезопасности т. Ткаченко (уполномоченный НКВД И НКГБ СССР по Литовской ССР).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Ханникова (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Серебрякова (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

По 3-му Белорусскому фронту — комиссара госбезопасности 2-го ранга т. Абакумова (начальник Главного управления НКО СМЕРШ).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Зеленина (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-лейтенанта т. Любого (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

По 2-му Белорусскому фронту — комиссара госбезопасности 3-го ранга т. Цанаву (народный комиссар госбезопасности Белорусской ССР).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Едунова (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Рогатина (начальник войск НКВД по охране тыла Фронта).

По 1-му Белорусскому фронту — комиссара госбезопасности 2-го ранга т. Серова (заместитель народного комиссара внутренних дел СССР).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Вадиса (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Зимина (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

По 1-му Украинскому фронту — генерал-лейтенанта т. Мешика (заместитель начальника Главного управления НКО СМЕРШ).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Осетрова (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Зубарева (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

По 4-му Украинскому фронту — генерал-лейтенанта т. Селивановского (заместитель начальника Главного управления НКО СМЕРШ).

Заместителями — генерал-лейтенанта т. Ковальчука (начальник Управления СМЕРШ фронта) и генерал-майора т. Фадеева (начальник войск НКВД по охране тыла фронта).

2. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам, по мере продвижения частей Красной Армии, на территории, освобожденной от войск противника, немедленно проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских

разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от национальной принадлежности и гражданства; выявлять и изымать нелегальные радиостанции, склады оружия, подпольные типографии и другие материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы.

Особое внимание при этом обратить на обеспечение указанных мероприятий в городах, крупных населенных пунктах, железнодорожных узлах и промышленных предприятиях с тем, чтобы лишить агентуру противника возможности проведения подрывной работы.

Арестовывать также командно-оперативный состав полицейских органов, руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, военных комендантов, прокуроров, следователей, членов военных судов, трибуналов, руководителей областных, окружных, уездных дум и управлений, бургомистров, членов фашистских организаций, руководителей крупных хозяйственных и административных организаций, редакторов газет, журналов, авторов антисоветских изданий, командный и рядовой состав армий воюющих с СССР стран и так называемой «Русской освободительной армии», а также прочий подозрительный элемент.

При организации мероприятий по очистке освобожденных от войск противника территорий учесть, что германская разведка перед отступлением тщательно маскирует оставляемую агентуру.

При проведении указанных мероприятий уполномоченным НКВД СССР широко использовать органы СМЕРШа фронтов.

3. Для обеспечения предусмотренных настоящим приказом мероприятий:

а) заместителю наркома Внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга т. Обручникову направить в распоряжение каждого из уполномоченных НКВД СССР по 150 человек опытных чекистов;

б) для обеспечения чекистско-войсковых мероприятий уполномоченным НКВД СССР подчинить для оперативного использования войска НКВД по охране тыла фронтов численностью 31 099 человек и дополнительно выделить для их усиления 27 900 человек, из них:

По 2-му Прибалтийскому фронту 12-й, 130-й пограничные и дополнительно 338-й стрелковый полки НКВД Общей численностью 4020 человек.

% По 1-му Прибалтийскому фронту 31-й, 33-й, 216-й Пограничные и дополнительно 329-й стрелковый полки НКВД общей численностью 5004 человека.

По 3-му Белорусскому фронту 13-й, 86-й, 132-й, 217-й,

331-й пограничные полки и дополнительно 57-ю стрелковую дивизию внутренних войск НКВД в составе 369-й, 370-й и 371-й стрелковых полков общей численностью 12 035 человек.

По 2-му Белорусскому фронту 87-й, 218-й, 219-й,

332-й пограничные полки и дополнительно 63-ю стрелковую дивизию внутренних войск НКВД в составе 32-го мотострелкового, 273-го стрелкового и 108-го пограничного полков НКВД общей численностью 9993 человека.

По 1-му Белорусскому фронту 38-й, 127-й, 157-й,

333-й пограничные полки и дополнительно 64-ю стрелковую дивизию внутренних войск НКВД в составе 2-го, 18-го, 98-го пограничных полков и 145-го стрелкового полка войск НКВД общей численностью 11 160 человек.

По 1-му Украинскому фронту 16-й, 83-й, 334-й пограничные полки и дополнительно 11-й погранполк и 104-й погранотряд НКВД общей численностью 7331 человек.

По 4-му Украинскому фронту 90-й, 92-й, 337-й пограничные полки и дополнительно 59-ю стрелковую дивизию войск НКВД в составе 375-го, 376-го, 377-го стрелковых полков войск НКВД общей численностью 9456 человек.

4. Генерал-лейтенанту т. Стаханову обеспечить сосредоточение дополнительно выделенных соединений и частей войск НКВД в соответствии с дислокацией к 20 января 1945 года.

5. Начальнику отдела железнодорожных и водных перевозок НКВД СССР комиссару госбезопасности т. Аркадьеву обеспечить своевременную перевозку войск и оперативного состава к местам назначения.

6. Начальнику отдела правительственной ВЧ-связи НКВД СССР комиссару госбезопасности т. Андрееву обеспечить уполномоченных НКВД СССР бесперебойной ВЧ-связью как с центром, так и с их оперативными группами на местах.

7. Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР т. Чернышеву в трехдневный срок выделить соответствующие лагерные помещения для приема изъятых вражеских элементов.

8. Уполномоченному НКВД СССР приступить к исполнению своих обязанностей немедленно и о ходе выполнения настоящего приказа отчитываться ежедневно, а при возникновении необходимости — докладывать незамедлительно.

Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

В частичное изменение приказа № 0016 18 апреля 1945 года выходит приказ № 00315, совершенно секретно.

В приказной части его указывалось:

«1. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам впредь по мере продвижения частей Красной Армии на территории, освобождаемой от войск противника, при проведении чекистских мероприятий, обеспечивающих очистку тыла действующих частей Красной Армии от вражеских элементов, подвергать аресту:

а) шпионско-диверсионную и террористическую агентуру германских разведывательных органов;

б) участников всех организаций и групп, оставленных немецким командованием и разведывательными органами противника для подрывной работы в тылу Красной Армии;

в) содержателей нелегальных радиостанций, складов Оружия, подпольных типографий, изымая при этом материально-технические базы, предназначенные для враждебной работы;

г) активных членов национал-социалистской партии;

д) областных, городских и районных руководителей фашистских молодежных организаций;

е) сотрудников гестапо, СД и других карательных немецких органов;

ж) руководителей областных, городских и районных административных органов, а также редакторов газет, журналов и авторов антисоветских изданий.

2. Уничтожать на месте преступления, в соответствии с приказом НКВД СССР № 0061 от 6 февраля 1945 года, лиц, уличенных в совершении террористических и диверсионных актов.

3. Командно-политический и рядовой состав армии противника, а также военизированных организаций «Фольксштурм», СС, СА, а также личный состав тюрем, концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда направлять в лагеря для военнопленных НКВД СССР в установленном порядке.

4. Командный и рядовой состав так называемой «Русской освободительной армии» направлять в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР.

5. Прекратить отправку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии. Установить, что вывоз в СССР отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес, может быть произведен с санкции НКВД СССР.

6. Для содержания арестованных на месте уполномоченным НКВД СССР организовать необходимое количество тюрем и лагерей. Охрану этих тюрем и лагерей возложить на конвойные войска НКВД СССР, имеющиеся в распоряжении уполномоченных по фронтам. Зам. наркома внутренних дел СССР т. Чернышеву

совместно с уполномоченными НКВД СССР по фронтам в пятидневный срок разработать и представить мне на утверждение дислокацию организуемых тюрем и лагерей по фронтам.

7. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам пересмотреть материалы на всех арестованных, находящихся у них под стражей. Инвалидов, больных, нетрудоспособных, стариков свыше 60 лет и женщин из числа лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, из-под стражи освободить.

8. Комиссарам государственной безопасности 2-го ранга т. Чернышеву и Кобулову совместно с начальником ГУПВИ НКВД СССР т. Кривенко, начальником отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР т. Шитиковым организовать и провести необходимые мероприятия по фильтрации арестованных, вывозимых с фронтов в лагеря НКВД, руководствуясь при этом следующим:

а) лиц, подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа, оставить под стражей в лагерях для интернированных;

б) лиц, не подпадающих под действие пункта 1 настоящего приказа и в отношении которых не будет добыто дополнительных материалов, физически годных передать для работы в промышленность, а инвалидов, стариков и нетрудоспособных по мере окончания проверки освобождать и отправлять в организованном порядке к местам их постоянного жительства.

Народный комиссар внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

ПРИКАЗ

№ 00453 от 5 мая 1945 года. Совершенно секретно.

«О мероприятиях по очистке территории Восточной Пруссии от шпионов, террористов, диверсантов и иных враждебных элементов, действующих в тылу Красной Армии.

…приказываю:

1. Командировать в Восточную Пруссию заместителя наркома внутренних дел СССР генерал-полковника т. Аполлонова. С ним — начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии генерал-лейтенанта т. Горбатюка и начальника Управления контрразведки НКО СМЕРШ Московского военного округа генерал-лейтенанта т. Тутушкина.

2. Начальнику Управления контрразведки СМЕРШ 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту т. Зеленину выделить в распоряжение генерал-полковника т. Аполлонова 400 человек оперативных работников.

3. В целях улучшения организации очистки территории Восточной Пруссии от вражеских элементов т. Аполлонову:

а) создать оперативные сектора, возглавив их опытными

чекистами и укомплектовав соответствующим количеством оперативных работников;

б) придать каждому оперативному сектору необходимое количество войск НКВД, использовав в этих целях находящиеся в Восточной Пруссии войска НКВД — 57-ю дивизию внутренних войск НКВД трехполкового состава и 13-й, 31-й, 33-й, 86-й, 132-й, 217-й полки войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии;

в) пересмотреть дислокацию войск НКВД, находящихся в Восточной Пруссии, с расчетом создания в наиболее крупных городах боевых кулаков и о произведенных изменениях в дислокации этих частей доложить;

г) создать при каждом оперативном секторе группу

32

Чистилище СМЕРШа

из опытных чекистов-следователей; организовать необходимые тюремные помещения, обеспечив полную охрану заключенных;

д) навести должный общественный порядок в г. Кенигсберге, портах Пиллау, Эльбинг и других крупных городах Восточной Пруссии;

е) наладить связь с оперативными секторами, своевременно быть в курсе проводимой ими работы, обеспечивая практическое руководство их оперативной работой.

Народный комиссар внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

ПРИКАЗ

№ 00461 от 10 мая 1945 года. Совершенно секретно.

«В дополнение к приказу № 00315 от 18 апреля 1945 года,

Приказываю:

1. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам комиссару госбезопасности 2-го ранга т. Серову, комиссару госбезопасности 3-го ранга т. Цанаве, генерал-лейтенанту т. Мешику и генерал-лейтенанту т. Ковальчуку организовать лагеря и тюрьмы, согласно прилагаемых штатов и дислокации (приложение №№ 1 и 2).

2. Разрешить уполномоченным НКВД СССР по фронтам организовать группы по управлению лагерями и тюрьмами с количеством работников от 3 до 7 человек, в соответствии с количеством лагерей и тюрем на фронтах, а также выделить 1–2 человек для ведения оперативного учета и статистики.

Комплектование лагерей, тюрем и групп произвести в первую очередь за счет сотрудников и офицеров, находящихся в распоряжении уполномоченных НКВД СССР по фронтам, и

офицеров, получаемых от штабов фронта.

Учет арестованных в аппарате уполномоченного НКВД СССР по фронту производить согласно прилагаемой инструкции (приложение № 3). Начальнику 1-го спецотдела НКВД СССР полковнику госбезопасности т. Кузнецову централизованный учет этого контингента вести отдельно от общего учета преступников.

3. Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга т. Обруч-никову подобрать и в декадный срок направить в распоряжение уполномоченных НКВД СССР по фронтам недостающих начальников лагерей и тюрем, начальников учетных аппаратов и начальников снабжения лагерей. Генерал-лейтенанту т. Стаханову выделить в распоряжение т. Обручникова для комплектования аппарата лагерей на фронтах 250 человек из числа офицерского, сержантского и рядового состава войск НКВД и направить в распоряжение уполномоченного НКВД СССР по 4-му Украинскому фронту.

4. Начальнику Главного управления военного снабжения НКВД СССР генерал-лейтенанту интендантской службы т. Вургафту организовать через фронты снабжение продовольствием содержащихся в лагерях и тюрьмах интернированных (арестованных) немцев по нормам, установленным для военнопленных. Кадровый состав лагерей обеспечить по существующим нормам для военнослужащих.

5. Начальнику Центрального финансового отдела НКВД СССР генерал-майору интендантской службы т. Берензону обеспечить финансирование тюрем и лагерей при уполномоченных НКВД СССР по фронтам.

6. Уполномоченным НКВД СССР по фронтам докладывать в НКВД СССР о проводимой работе и произведенных арестах и задержаниях раз в пять дней по «ВЧ» или шифром по прилагаемой форме (приложение № 4).

О заслуживающих внимания происшествиях, арестах и задержаниях доносить немедленно.

7. Для разработки материалов, поступающих от уполномоченных НКВД СССР по фронтам, составления информации по этим материалам, оперативных ориентировок для органов НКВД, НКГБ, контрразведки СМЕРШ и проведения предварительных оперативно-следственных мероприятий по наиболее важным делам организовать в НКВД СССР особую оперативную группу в составе:

— полковника госбезопасности т. Людвигова (руководитель группы);

— полковника госбезопасности т. Михайлова (зам.

руководителя группы);

— полковника госбезопасности т. Майорова;

— подполковника госбезопасности т. Химченко;

— майора госбезопасности т. Леонова;

— майора госбезопасности т. Френкиной;

— капитана госбезопасности т. Соколова…

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР, Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

В приложениях к приказам приводился перечень с местами дислокации тюрем и лагерей при уполномоченных НКВД СССР по фронтам.

После завершения войны и образования Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), в дальнейшем Группы советских войск в Германии (ГСВГ), Берия подписал приказ № 00780.

В нем говорилось, что в связи с новой расстановкой войск Красной Армии на Западе утратили силу старые нормативные акты.

Нарком ВД приказал:

«1. Аппараты уполномоченных НКВД СССР по 2-му и 3-му Белорусским, 1-му и 4-му Украинским фронтам Расформировать.

2. Уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту переименовать в уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии.

3. Назначить уполномоченным НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии комиссара государственной безопасности 2-го ранга т. Серова.

4. Возложить на уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии следующие задачи:

а) организацию и руководство агентурно-оперативной работой на территории Германии, оккупированной советскими войсками;

б) выявление и ликвидацию шпионов, диверсантов, террористов, а также враждебных СССР организаций и групп как созданных и оставленных германскими разведывательными органами для подрывной работы в тылу Красной Армии, так и вновь возникающих;

в) розыск и изъятие военных преступников, сотрудников гестапо и других немецких карательных органов, руководящего состава областных, городских и районных национал-социалистских организаций и командно-политического состава военизированных организаций: «Фольксштурм», СС, СА, а также тюрем, концлагерей, военных комендатур и других военизированных учреждений фашистского государственного

аппарата;

г) выявление и ликвидацию нелегальных радиостанций, складов оружия, боеприпасов и подпольных типографий;

д) руководство работой проверочно-фильтрационных комиссий НКВД при лагерях для репатриируемых советских граждан;

е) руководство работой отдела НКВД по делам о военнопленных на территории советских оккупационных войск в Германии, контролирование и наблюдение за отправкой военнопленных в СССР и организацию передании германской администрации возвращаемых из плена больных и инвалидов немцев.

5. Выделить в распоряжение уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии комиссара государственной безопасности 2-го ранга т. Серова — 127-й, 157-й, 331-й, 333-й, 38-й, 105-й, 87-й, 219-й, 16-й и 83-й пограничные полки войск НКВД.

6. Уполномоченному НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии комиссару государственной безопасности 2 ранга т. Серову подчинить:

а) войска НКВД по охране тыла при Группе советских оккупационных войск в Германии;

б) лагери, тюрьмы и проверочно-фильтрационные пункты НКВД на территории Германии.

7. Тов. Серову о результатах проводимой работы систематически отчитываться перед НКВД СССР в установленном порядке.

8. Начальнику Главного управления контрразведки НКО СМЕРШ, комиссару государственной безопасности 2-го ранга т. Абакумову дать указание Управлению контрразведки НКО СМЕРШ Группы советских оккупационных войск в Германии, наряду с проводимой работой, оказывать т. Серову необходимую помощь в выполнении возложенной на него задачи.

9. Руководство работой проверочно-фильтрационных комиссий НКВД при лагерях для репатриируемых советских граждан и отделов НКВД по делам военнопленных. А также содержание тюрем и лагерей для заключенных на участке Северной группы войск Красной Армии в Польше, Центральной группы войск в Австрии, Венгрии и Чехословакии и Южной группы войск в Румынии и Болгарии возложить на начальников управления войск НКВД по охране тыла указанных групп войск.

Придать начальникам управлений войск НКВД по охране тыла Северной, Центральной, Южной групп советских оккупационных войск для выполнения вышеуказанных

обязанностей оперативных работников в 15 человек каждому…

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР;

Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

СССР и Женевская конвенция о военнопленных

Развязав Вторую мировую войну, гитлеровская Германия не столько проигнорировала некоторые пункты и параграфы общепринятых и установленных Гаагскими и Женевскими конвенциями правил ведения войн, сколько полностью их отбросила. Она не считалась ни с нормами международного права, ни с требованием человеческой морали, прибегая к самым жестоким методам и средствам, беспощадно разрушая без всякой военной необходимости города и села, истребляя мирное население, превращая оккупированные территории в «выжженную землю», применяя нечеловеческие пытки, изощренную жестокость к военнопленным и гражданским лицам.

Характерными чертами преступлений немецких фашистов было то, что они планировались заранее и готовились исподволь, одновременно с подготовкой планов очередных актов агрессии.

Приняв план нападения на Советский Союз под названием «Барбаросса», главари Третьего рейха разработали вместе с ним и ряд чудовищных документов, в которых преступления и зверства были возведены в разряд государственной политики.

В качестве примера можно привести ряд документов, разработанных перед нападением на СССР:

— «Распоряжение об особой подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск от 13 мая 1941 г.». Оно предусматривало массовое уничтожение советского мирного населения;

— «План Олденбург» и «Зеленая папка» Геринга. Они определяли правила ведения экономической войны на оккупированной территории, под которой понималось ограбление захваченных районов и уничтожение их промышленного потенциала;

— «Директива ОКБ от 12 мая 1941 г.». Этот документ предписывал уничтожение советских политических работников и комиссаров.

Надо отметить, что в ходе самой войны рождались новые планы жесточайшего обращения с мирным населением, которые претворялись в жизнь с еще большим остервенением и изуверством.

К таким планам можно отнести:

— «Директива Геринга…» от 1 июля 1941 г. Она разрешала экономическое ограбление захваченных территорий и вывоз

награбленного в Германию;

— «Правила обращения с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. Практически они давали санкции на их безнаказанное уничтожение;

— «Приказ о беспощадном подавлении освободительного движения» от 16 сентября 1941 г. Этим приказом предусматривалось на оккупированных территориях по подозрению в причастности к партизанскому движению расстреливать заложников;

— Приказ «Мрак и туман» от 2 декабря 1941 г. о заключении без суда и следствия любого лица на оккупированных территориях.

Это только часть преступнейших приказов, подготовленных гитлеровским руководством к ведению войны на территории СССР. Надо сказать, что все они рассматривались нацистскими главарями как одно из важнейших средств достижения победы. Они считали, что одержат победу, а победителей, как говорится, не судят.

Гитлер в одной из бесед с Германом Раушнингом, состоящим в ближайшем окружении фюрера, президентом Данцигского сената, так прокомментировал цель этой политики: «Мы должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача… Одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы».

Кстати, Раушнинг вскоре разочаровался в нацизме и сбежал в Великобританию, где написал и опубликовал несколько книг с антигитлеровской направленностью. Основные его работы — «Зверь из бездны» (1940) и «Говорит Гитлер» (1941), в которых он последовательно разоблачал безжалостную сущность Гитлера и нацизма.

А с другой стороны, гитлеровская пропаганда постоянно пугала своих солдат и офицеров бесчеловечным отношением россиян к военнопленным «оси», особенно солдатам и офицерам Третьего рейха. Геббельс неоднократно в своих выступлениях подчеркивал, что немецкому солдату опасно попадать в плен к недочеловекам-вампирам. Там якобы в их лагерях под открытым небом германские солдаты и офицеры обречены на неминуемую гибель от холода и голода. И все потому, что, мол, правительство Советского Союза проигнорировало практически все положения Женевской конвенции о военнопленных, подписанной 27 июля

1929 года.

Не отсюда ли пошел гулять по просторам сначала мировой желтой прессы, а потом и современной России тезис, а точнее, опасное заблуждение, о том, что Советский Союз, не признавший настоящую Конвенцию, обрек таким образом советских солдат и командиров на неисчислимые страдания в немецком плену в годы Второй мировой войны.

Отечественные шулеры от истории и литературы и всякого рода «правозащитники», подкармливаемые западной «зеленью», длительное время утверждали, не удосужившись заглянуть в архивные святцы, и сегодня в своих опусах на страницах газет, журналов и книг продолжают жевать одну и ту же геббельсовскую жвачку. Суть ее общеизвестна — русским военнопленным плохо из-за того, что якобы Сталин не подписал Конвенцию.

За годы Второй мировой войны через лагеря смерти прошли 18 миллионов человек, из них около пяти миллионов — граждане Советского Союза. Всего на территории Германии действовало более 14 тысяч таких лагерей.

Женевская конвенция 1929 года содержала запрет не только на жестокое обращение, всякого рода оскорбления и угрозы, но и на применение мер принуждения для получения от военнопленных сведений военного характера. Для пленных допускалось предельное наказание в виде тридцати суток ареста, а ограничения в еде применялись лишь в том случае, если это позволяло состояние здоровья военнопленного. В то же время не допускалось организации никаких тюрем и никаких расстрелов по этническому признаку. Гарантировался доступ представителей Красного Креста в лагеря. Конвенцию поддержали 47 государств, в том числе и Германия.

— Хотя, если вдуматься, — писал Ю. Веремеев, — то уже тот факт, что Германия подписала в свое время эту Конвенцию, обязывающую гуманно обращаться с любыми военнопленными вообще, превращает стенания «правозащитников» в лицемерие и явный обман. Да и что мешало Гитлеру обращаться по-человечески с пленными красноармейцами?

Ответ на этот вопрос лежит в плоскости идеологии. В секретном документе канцелярии Третьего рейха № 39058/41 от 8.9.41 г. — «Распоряжение об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных» в первой же главе под названием «Общие вопросы обращения с советскими военнопленными» говорилось: «Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед немецким солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в духе разрушающего

большевизма.

Борьба с национал-социализмом привита ему в плоть и кровь. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением…»

А вот еще отрывок из одного немецкого документа, подписанного Кейтелем, а написанного доктором Геббельсом. Фельдмаршал только подмахнул его своей крючковатой подписью:

«Верховное Командование Сухопутных Сил. Берлин. 8 октября 1941 г.

Советский Союз не присоединился к соглашению от 27.7.1929 г. относительно обращения с военнопленными. Вследствие этого нам не угрожает предоставление соответствующего снабжения советским военнопленным, как по качеству, так и по количеству…»

Гитлер счел себя вправе жестоко обращаться с советскими военнопленными не потому, что Сталин якобы не присоединился к Конвенции, а потому, что наши солдаты были идеологическими и этническими врагами нацизма и германцев. Гитлер начал войну против СССР не как войну государства с государством, а как способ уничтожения страны с иной идеологией, с другим этносом. И Женевская конвенция здесь абсолютно ни при чем.

— А как же горькие слезы А.И. Солженицына, — писал в Интернете тот же Ю. Веремеев, — о тяжкой участи красноармейцев в плену по вине Сталина? А это просто ложь. Этому разоблачителю «тоталитарного режима» в нашей стране было просто крайне необходимо доказывать, что Сталин, а вместе с ним социализм и советский строй ужасные в своем существовании. Еще бы, светила Нобелевская премия. А в этом случае все средства хороши, когда Запад санкционировал возглас: «Ату их, Советов вместе с народом».

Вы скажете, что Солженицын не знал, что СССР подписал Конвенцию еще в 1931 году, а потому в книге «Архипелаг ГУЛАГ» 1990 года издания искренне изложил свое видение проблемы. Но в эти годы он жил в США, где копии этого документа имелись в национальной библиотеке и библиотеке Конгресса США. Получается одно из двух: или он не знал о существовании советского документа, или не хотел знать.

А вот другой разоблачитель сталинского режима, неудачник в разведке и предатель по своей сущности, господин В.Б. Резун, пишущий под псевдонимом Виктор Суворов, упоминает в своих

книгах сцены, «как американские, английские, французские и даже польские военнопленные с презрением отвергали немецкую похлебку и наслаждались продуктовыми посылками, присылаемыми из дома через Красный Крест».

А вот наши бедные, брошенные Сталиным красноармейцы не получали даже сносного питания.

Получается, что Гитлер очень хотел облегчить их участь, но не мог. Ну, как тут дашь лишний кусок хлеба советскому военнопленному, если Сталин не захотел подписать Конвенцию. В таком случае его Германию весь мир может осудить.

И тут резуновская злонамеренная ложь — в его распоряжении были лучшие библиотеки Лондона, где он укрылся, как трус и преступник, и где мог легко ознакомиться с копией советского документа. Но за сладкий кусок западного пирога можно и не то солгать. И он лжет до сих пор.

Для того чтобы поставить точки над «i» в вопросе о Конвенции, приведу исторический текст.

«Нижеподписавшийся народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик настоящим объявляет, что Союз Советских Социалистических Республик присоединяется к конвенции об улучшении участи военнопленных, раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 г.

В удостоверение чего народный комиссар по иностранным делам Союза Советских Социалистических Республик, должным образом уполномоченный для этой цели, подписал настоящую декларацию о присоединении.

Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета Союза Советских Социалистических Республик от 12 мая 1930 года, настоящее присоединение является окончательным и не нуждается в дальнейшей ратификации.

Учинено в Москве 25 августа 1931 г.

Литвинов».

Этот документ — для всяких Резунов, Солженицыных и им подобных — находился в ЦГАОР СССР, фонд 9501, опись 5, ед. хран. 7, лист дела 22, если архивы не почистили горбачевские «перестройщики» и ельцинские «реформаторы».

Именно согласно требованиям этой Конвенции содержались в советском плену немцы, это подтверждают многие вышеприведенные нормативные документы НКВД СССР. По ним они жили и трудились, частично восстанавливая порушенные ими же объекты народного хозяйства нашей страны.

А сколько благородства и сострадания проявляли наши женщины, бросавшие в проплывающие по городам и селам

колонны немецких военнопленных ломти хлеба и картофелины в «мундирах». Этих примеров доброты не счесть. О них писали очевидцы — военные журналисты и писатели того времени.

Лейтенант Ритц из «Цеппелина»

Этот случай произошел в сентябре 1943 года в войсках Южного фронта (ЮФ), образованного директивой Ставки ВГК от 30 декабря 1942 года на базе расформированного Сталинградского фронта. 20 октября 1943 года ЮФ был переименован в 4-й Украинский.

После провала операции вермахта «Цитадель» в ходе Курской битвы немецкое командование рассчитывало упорной обороной остановить наступательный порыв Красной Армии и сохранить за собой важнейшие экономические районы восточнее Днепра, который представлял собой серьезную естественную преграду для наступающих войск. Одновременно противник ускорил строительство стратегического оборонительного рубежа, названного «Восточным валом», главной частью которого был водный барьер — могучий Днепр.

По фронту от Навли до Таганрога нашим частям противостояли две крупнейшие немецкие группировки: группа армий «Центр» — командующий генерал-фельдмаршал Г. Клюге и группа армий «Юг» — командующий генерал-фельдмаршал Э. Манштейн. Эти две армейские группы располагали 62 дивизиями, в том числе 14 танковыми и моторизованными. Наземные войска поддерживались силами 4-го и 6-го воздушных флотов.

В августе — сентябре Красная Армия разгромила немецкие войска на Левобережной Украине и в Донбассе. Советские воины вышли к Днепру в его среднем течении на 750-километровом фронте, форсировали реку и захватили 23 плацдарма.

Во время одного из боев в плен попали несколько немецких офицеров, в том числе и назвавший себя лейтенантом вермахта некий Ритц. Сотрудники 3-го отделения фронта группу пленных фашистских вояк тщательно обследовали — допросили и обыскали…

Один из агентов-опознавателей указал, что лейтенанта Ритца он видел в штаб-квартире группы армий «Юг» во время его посещения подразделения «Цеппелин».

Поначалу немецкий офицер пытался убедить агента в том, что тот обознался, что он воевал совсем на другом участке фронта. Но у агента-опознавателя была цепкая зрительная память.

В ходе проведения дополнительных агентурных и оперативно-технических мероприятий военным контрразведчикам удалось получить подтверждающие данные о принадлежности Ритца к немецкой разведке.

Начальник отдела материалы по этому военнопленному доложил начальнику Управления СМЕРШ фронта генерал-майору Николаю Кузьмичу Ковальчуку.

Сразу же об этом факте было ориентировано Главное Управление КР СМЕРШ НКО СССР. От комиссара госбезопасности 2-го ранга В.С. Абакумова пришел ответ: «Выясните подробности служебной деятельности лейтенанта Ритца… Используйте его информацию для поиска агентуры противника и армейских нужд… Он может быть глубоко осведомлен о местах дислокации разведшкол и диверсионных курсов, а также расположении и концентрации немецких войск…»

Понимая, что в руки армейских чекистов попала важная птица, Ковальчук поставил в известность об этом факте своего командующего — генерала армии Ф.И. Толбухина. Зайдя в кабинет командующего, Николай Кузьмич заметил:

— Федор Иванович, через наши оперативные возможности среди военнопленных выявлен офицер из «Цеппелина», который, несомненно, может знать кое-что, а может, и многое, о расположении противостоящих нам частей.

— Николай Кузьмич, все правильно — хорошенько попытайте его по этим вопросам вместе с нашим главным военным разведчиком. Нам сейчас очень важна и интересна информация, где что стоит и что строится из оборонительных редутов. Если сможете что-нибудь выудить у него о планах гитлеровцев, поставьте меня немедленно в известность.

Спустя несколько дней Ковальчук и начальник разведки фронта генерал-майор Грязное буквально выжали из немецкого офицера все необходимые данные об объектах — будущих целях нашей артиллерии и авиации, что помогло с меньшими потерями сломить сопротивление неприятеля.

Что же касается оперативной информации, то на последующих допросах он подробно рассказал о структуре «Цеппелина» (условное наименование «Унтернемен Цеппелин» — «Предприятие Цеппелин») — специального разведывательно-диверсионного органа, созданного в марте 1942 года РСХА.

— В своей деятельности «Цеппелин», — рассказывал Ритц, — руководствуется так называемым планом действий для политического разложения Советского Союза. В этом органе созданы специальные группы действия: разведывательные, пропагандистские, повстанческие и диверсионные. Немцы стараются организовать и поддерживать сепаратистские движения на основе буржуазно-националистических элементов, направленные на отторжение союзных республик от СССР и организацию марионеточных «государств» под протекторатом

гитлеровской Германии. С этой целью Главное управление имперской безопасности совместно с имперским Министерством по делам оккупированных восточных областей в 1941–1942 годах создали в Берлине несколько «национальных комитетов»: Грузинский, Армянский, Азербайджанский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Вол-го-Татарский и Калмыцкий. Большая работа офицерами «Цеппелина» проводится в созданном «Русском комитете» во главе с генералом Власовым.

— Назовите места дислокации штаб-квартиры и имена руководителей вашей организации, — задал ему вопрос следователь.

— Руководящий центр «Цеппелина» до весны 1943 года находился в Берлине, в служебном здании четвертого управления РСХА, в районе Грюнвальд, Беркаерштрассе, д. 32/35, а затем в районе Ванзее — Потсдамерштрассе, д. 29.

Сначала «Цеппелин» возглавлял штурмбаннфюрер СС Курек, потом его сменил штурмбаннфюрер Редер. Сейчас его возглавляет оберштурмбаннфюрер СС доктор Грефе.

Затем Ритц подробно остановился на структуре отделов и подотделов «Цеппелина». Рассказал об особых лагерях и главных командах — «Русланд норд» и «Русланд зюд», а также о воинских формированиях и их местах дислокации.

В результате предметной работы с офицером германской спецслужбы военные контрразведчики получили сведения о 17 кадровых сотрудниках и 25 агентах, а также о диверсантах, заброшенных или готовящихся к выброске в тыл войскам Красной Армии.

Масштабы деятельности подразделений «Цеппелина» впечатляли. Всего на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательных и контрразведывательных команд абвера и СД и около 60 школ, готовивших шпионов, диверсантов и террористов.

Немецкий «перебежчик»

Это случилось жарким летом 1943 года — переломного года в войне с фашистской Германией. Части Красной Армии, обретя уверенность и приобретя опыт побед, постепенно выдавливали гитлеровские войска со своей земли и гнали их на Запад, откуда они пришли непрошеными гостями.

Позади победоносные, ставшие легендарными битвы за Москву и Сталинград. Впереди ждала еще одна на Курской дуге. Измотав и обескровив ударные немецко-фашистские группировки в оборонительных боях, советские войска создали благоприятные условия для перехода в наступление. Битва на Курской дуге, особенно в районе неприметной деревни Прохоровка, где сошлись лоб в лоб лучшие танковые силы воюющих армий, окончательно развеяла миф, созданный фашистской пропагандой, что советские войска могут удачно воевать только под сезонной защитой коварной распутицы и такого же по вредности «генерала Мороза».

Значение победоносного сражения для советских войск было так велико, что всегда спокойный и уравновешенный американский президент Ф.Д. Рузвельт, не сдержав эмоций, заявил: «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!»

Конечно, он лукавил, потому что подготовка к операции «Оверлорд» — открытие второго фронта — проходила под неослабным вниманием американского президента и британского премьер-министра, но все же в этой оценке американца была устрашающая правда, что Советский Союз способен разгромить фашистскую Германию сам. А такой поворот событий, как говорится, не входил в планы западных союзников. Они хотели из войны извлечь своеобразные дивиденды.

Накануне этой грандиозной битвы немецкие спецслужбы, особенно абвер, делали все возможное, чтобы добыть сведения о местах расположения наших войск, сосредоточенных на направлениях как тактических, так и стратегических ударов.

Надо отметить, что на этом театре военных действий противостояла нашим войскам группировка вермахта, которая в соответствии с оперативным приказом ОКВ № 6 — «Цитадель» совершала наступление в полосе около 40 километров и стремилась нанести удар вдоль железной дороги Орел — Курск. В группировку входили соединения и части 2-й танковой и 9-й полевой армий группы «Центр».

Не безынтересен в связи с этим документ, подписанный

начальником Управления контрразведки СМЕРШ Юго-Западного фронта генерал-майором П.И. Ивашутиным, о переходе линии фронта и сдаче в плен ефрейтора вермахта Генриха Суммера.

Указание УКР СМЕРШ Юго-Западного фронта № 11194/2 подчиненным органам о тщательной проверке перебежчиков из немецко-фашистской армии.

24 июня 1943 г.

«8 июня с.г. в районе Лисичанска перешел линию фронта и сдался нашим частям ефрейтор германской армии Суммер Генрих, 1922 г. рождения, уроженец Баварии.

Будучи доставлен в КРО СМЕРШ армии, Суммер заявил, что «он не верил в победу Германии, антифашистски настроен и собирался перейти на сторону Красной Армии еще до приезда на фронт».

Суммер дал довольно обширные показания о предстоящем наступлении германских войск в районе г. Орла, а также организации в широком масштабе противохимической защиты противником, изобретении каких-то особых газов и прочее.

Несмотря на показания, которые заслуживали оперативного интереса, обращало на себя внимание, что Суммер — антифашист, но ничем конкретным не подтвердил свое враждебное отношение к гитлеровской Германии, хотя мог, если верить его возможностям, принести шифры, коды, применяемые немцами при переговорах по радио, и другое.

В ночь на 21 июня Суммер, знавший русский язык, обработал сидевшего вместе с ним арестованного в подозрении в шпионаже Гарбузова и военнопленного поляка Сикорского. Он их уговорил совершить побег. Группа напала на охранявшего их часового Глухова и пыталась задушить. Глухов при обороне применил оружие, убил Суммера и Гарбузова, а Сикорского ранил.

Допрошенный о происшествии Сикорский показал, что Суммер переброшен германским командованием с заданием выяснить расположение частей и штабов по реке Северский Донец на участке 3-й гвардейской армии. Находясь в камере, Суммер заявил, что «немцы подготовлены к наступлению и он должен возвратиться к своему командованию не позднее 22 июня, хотя бы это стоило ему жизни.

Произошедший случай с Суммером подтверждает нашу ориентировку, что германская военная разведка вербует и перебрасывает на нашу сторону военнослужащих немецкой армии под видом перебежчиков для разведки и дезинформации командования Красной Армии.

Предлагаю:

1. Обращать особое внимание на перебежчиков и

военнопленных, знающих русский язык, легко дающих показания по каким-то особым сенсационным вопросам, обеспечивая их надежной охраной и крепкой агентурой.

2. Проверять обстоятельства перехода в этих случаях линии фронта, чтобы лишний раз убедиться в искренности перебежчика германской армии, учитывая, что противник будет направлять агентуру из военнослужащих германской армии для указанной выше цели.

3. О переходе линии фронта и добровольной явке к нам военнослужащих армии противника, как вам уже предлагалось, немедленно сообщать телеграфом.

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ

Юго-Западного фронта Генерал-майор Ивашутин».

Румынские разведчики

3-й Украинский фронт был образован на юго-западном направлении 20 октября 1943 года на основании приказа Ставки ВГК от 16 октября 1943 года путем переименования Юго-Западного фронта.

В августе 1944 года в ходе проведения Ясско-Кишиневской стратегической операции войсками 3-го Украинского фронта была освобождена вся территория Молдавии, а Румыния объявила войну фашистской Германии.

7 августа 1944 года во время короткого боестолкновения на правом берегу реки Прут в советский плен попала группа румынских военнослужащих. В их числе оказался раненый майор без каких-либо документов.

Начальник 2-го отдела УКР СМЕРШ фронта доложил руководителю — генерал-майору П.И. Ивашутину о подозрительном майоре.

— Товарищ генерал, меня насторожил тот факт, что все офицеры при документах, только у одного майора они отсутствуют, — насторожился начальник отдела.

— Значит, что же выходит: или он их утерял, или ему есть что скрывать, — задумчиво проговорил Петр Иванович Ивашутин.

— Думаю, тут больше тянет на второй вариант — скрывает что-то бестия… Глазки бегают, говорит зачастую невпопад, словно чего-то и кого-то остерегается.

— Что же, проверьте эти версии и найдите истинный ответ на такое поведение задержанного. Подключите агентуру из числа румынских военнопленных. Сейчас этих «мамалыжников» у нас предостаточно, — спокойно рассуждал генерал.

Пока пленный майор приходил в себя после контузии, были допрошены остальные военнопленные. Один из них назвал в числе задержанных в группе двух офицеров румынской разведки — Нацеску и Маринеску.

Офицеры 2-го отдела решили детально поработать с ними. Проведя личный обыск, смершевцы обнаружили у румын прямые улики их принадлежности к спецслужбам — шифрблокноты и коды. Тем ничего не оставалось делать, как чистосердечно признаться, что они действительно являются кадровыми офицерами разведорганов Румынии, а «контуженный» майор их начальник — руководитель разведцентра «Н» 2-й секции генштаба румынской армии по фамилии Ботезату.

После поправки майор Ботезату дал контрразведчикам ценные показания не только по структуре разведцентра, но и всех

разведывательных и контрразведывательных органов Румынии. Раскрыл три резидентуры, оставленные на освобожденных территориях Молдавии и Одесской области, назвал ценную агентуру, находившуюся у него на личной связи. Правдоподобность его показаний вскоре подтвердилась. Сотрудниками СМЕРШа была арестована его сеть.

Начальник Управления КР СМЕРШ фронта генерал-майор П.И. Ивашутин много интересного почерпнул, присутствуя на допросах румынского разведчика, высветившего историю создания тайной службы Румынии — Сигуранца. Оказывается, румынскую охранку возглавлял с 1924 по 1940 год, создавая ей мрачный имидж, потомок запорожских казаков Михаил Морузов. Его карьера началась еще во время Первой мировой войны, когда он согласился с ролью агента генерального штаба Румынии.

Он занимался установлением активистов революционных комитетов в русской армии, склонявших к дезертирству румынских солдат, имевших русское и украинское происхождение. Так ему впервые пригодились его русские корни. С началом же Второй мировой войны он с одинаковой степенью напряженности работал против немецкой и советской разведок. Морузов даже разоблачил в Бухаресте глубоко законспирированную немецкую резидентуру, которую возглавлял полковник фон Майер. Потом переориентировал Сигуранцу на борьбу с советской агентурой.

Надо отметить, что руководством советских органов госбезопасности румынская разведка рассматривалась в одном ряду с польской Дефензивой, французской Сюрте Женераль и британской Интеллидженс Сервис в качестве главного противника. Руководство НКВД СССР подозревало румын не только в проведении подрывной деятельности, но и в поддержке троцкистских организаций как за границей, так и на территории Советской России.

Так, в газете «Правда» от 21 июля 1937 года в статье под названием «Шпионский интернационал» утверждалось:

«Выполняя задание обер-шпиона Троцкого, Гелертер, с ведома румынской разведки (Сигуранца), широко развернул работу своей группы (Партия унитарных социалистов). Эта троцкистско-шпионская шайка всячески срывает создание единого фронта в Румынии, единство профсоюзов, распространяет клевету против СССР, выдает Сигуранце коммунистов».

Правда в этой статье была одна, а именно — в Румынии действительно расстреливали коммунистов пачками. А что касается Морузова, то его русское происхождение в конце концов

погубило и его самого.

С началом войны главу румынской спецслужбы начали подозревать в двойной игре. Ярый антикоммунист в 1940 году был неожиданно арестован и тут же расстрелян по обвинению в сотрудничестве с НКВД. Не помогло сохранить ему жизнь и заступничество всесильного в то время шефа абвера адмирала Канариса, на кого, по всей вероятности, он тоже активно работал.

Управление СМЕРШ фронта уже располагало материалами, что Сигуранца отличалась крайне жестокими методами работы в захваченных советских городах Одессе и Кишиневе. Во время борьбы с партизанами и военнослужащими в одесских катакомбах в начале войны каратели зверели при допросах военнопленных. Устраивали пытки, избивали, выдирали щипцами ногти, насиловали женщин.

С начала июля до середины сентября 1941 года части Отдельной Приморской армии и подразделения Черноморского флота героически обороняли Одессу. Но силы были неравными. С каждым днем становилось все более ясно, что рано или поздно город придется оставить врагу. Но сопротивление оккупантам продолжалось…

По личному указанию наркома внутренних дел СССР для оказания помощи местным органам НКВД в создании резидентур, разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов на случай оккупации города из Москвы в Одессу выехал сотрудник центрального аппарата НКВД капитан госбезопасности Владимир Александрович Молодцов.

Центр не настаивал, чтобы контрразведчик обязательно остался в городе, но офицер принял окончательное решение — остаться!

Москва ответила согласием. Ядро подпольной организации составили чекисты: Сергей Виноградов, Петр Морозовский, Тамара Мижгурская, Павел Шевченко, Петр Балонин, Иван Петренко, Иван Гринченко и радист Евгений Глушков.

При резидентуре Молодцова (оперативный псевдоним «Бадаев») было создано два партизанских отряда, руководимых местными гражданами Афанасием Клименко и Антоном Федоровичем. Для жизнеобеспечения отряда Клименко в катакомбах подготовили специальную базу. Под землей хранились продукты питания, рассчитанные на шестимесячное пребывание под землей до полусотни человек. Туда же завезли взрывчатку, оружие и боеприпасы.

16 октября 1941 года, в день оккупации города немецко-румынскими войсками, в одесские катакомбы через шахту в селе Нерубайское вошел весь партизанский отряд Клименко и

руководящий состав резидентуры.

О том, что в оккупированной Одессе остались партизаны и подпольщики, румынской контрразведке было известно. В одном из ее документов, захваченном после войны, по борьбе с партизанским движением говорилось:

«Советское правительство организовало и хорошо снабдило партизан на потерянных территориях. Они составляют невидимую армию коммунистов на этих территориях и действуют со всем упорством, прибегая к самым изощренным методам выполнения заданий, ради которых они оставлены. Вообще все население, одни сознательно, другие несознательно, помогает действиям партизан».

Партизанами и подпольщиками проводилась определенная положительная работа: уничтожалась живая сила противника, подрывались железнодорожные пути и склады с продовольствием и вооружением, пускались под откосы поезда, велась агентурная разведка побережья…

Центр периодически принимал сообщения от «Кира» (радиопозывной Молодцова). Документы, начинающиеся словами: «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает…» — нередко ложились на стол руководителю НКВД и даже Верховному главнокомандующему. Сталин их внимательно читал…

Но случилось предательство со стороны… руководителей партизанских отрядов, сначала Антона Федоровича, а затем и Афанасия Клименко. Согласились сотрудничать с Сигуранцей еще несколько арестованных подпольщиков, в том числе и радист отряда Евгений Глушков, инициативно предложивший свои оперативные услуги недавнему противнику.

Как писал Олег Матвеев по этому поводу в газете «Независимое военное обозрение»:

«По заданию немецких спецслужб с августа 1942-го по ноябрь 1943 г. он поддерживал по рации связь с Москвой, дезинформируя о партизанском отряде и требуя прислать помощь. Однако уже в сентябре 1942 г. на Лубянке пришли к выводу, что Глушков работает под контролем, и включились во встречную дезинформационную радиоигру с противником».

8 февраля 1942 года Владимир Молодцов вместе с Тамарой Межигурской во время выхода из катакомб были выслежены и схвачены румынской контрразведкой возле дома Антона Федоровича.

По доносам предателей за небольшой промежуток времени было расстреляно более тридцати партизан.

Суд над Молодцовым, Межигурской и Шестаковой состоялся

28 мая 1942 года. Они сидели на скамье подсудимых, закованными в цепи кандалов. После того как 29 мая был зачитан приговор военно-полевого суда, по которому все трое приговаривались к расстрелу, на предложение подать прошение на имя короля о помиловании чекист категорически отказался, заявив: «Мы на своей земле и у врага помилования не просим!»

В июле 1942 года герои были расстреляны.

После освобождения Одессы войсками Красной Армии органы военной контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта разыскали Афанасия Клименко, Антона Федоровича и других предателей…

Все они были судимы военным трибуналом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года капитану госбезопасности Владимиру Молодцову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Большую роль в расследовании причин провала Одесского подполья и розыска предателей для привлечения их к суду военного трибунала сыграли армейские чекисты 2-го отдела УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта.

★★★

В ходе проведения разыскной работы оперсоставом 2-го отдела этого же фронта в лагере военнопленных № 22 было установлено, что унтер-офицер Остермайер не пехотинец, а кадровый военный разведчик, располагавший, как выяснилось потом, интересной информацией.

Через агента-опознавателя, сослуживца проверяемого по 219-му полевому резервному батальону, было установлено, что он до пехотного подразделения проходил службу в подразделении абвера, в частности в «абвер-группе-253».

На допросе немец все-таки признался в принадлежности к германским разведорганам и раскрыл «профессиональный профиль» — специалист по диверсиям. Оказалось, что он готовил диверсионные команды и забрасывал их в тыл наших войск.

В ходе дальнейшей работы с Остермайером стал известен перечень конкретных диверсионных устремлений абвера в зоне ответственности 3-го Украинского фронта. Об этих сведениях начальником военной контрразведки П.И. Ивашутиным сразу же было доложено командующему фронтом Маршалу Советского Союза Ф.И. Толбухину, который приказал начальнику штаба фронта генерал-полковнику С.С. Бирюзову усилить охрану означенных для диверсий объектов.

Через некоторое время у этих сооружений (складов, ангаров и железнодорожных магистралей) действительно было задержано несколько диверсантов, что говорило о честном сотрудничестве немца со смершевцами.

По мере дальнейшей работы с абверовцем стали известны сведения о структуре и численности «абвергруп-пы-253», входившей в состав «абверкоманды-212», о закладке на территории Италии 150 тайных складов с оружием и взрывчаткой. Назвал он псевдонимы и реальные фамилии диверсантов, которые должны были осуществить подрывы тыловых объектов в полосе действий фронта.

Результаты работы военных контрразведчиков фронта докладывались в Центр — Абакумову и Карташову…

Пленение Антонеску

В отечественной исторической литературе по поводу пленения румынского диктатора и соратника Гитлера по войне против Советского Союза Иона Антонеску было много разночтений, так как пытались писать об этом люди несведущие, далекие от сердцевины тех событий.

Впервые автор услышал подробности этой истории в Киеве от Михаила Артемьевича Белоусова — генерал-майора, бывшего начальника Особого отдела КГБ Киевского военного округа. Потом он продублировал эти сведения в одном из своих выступлений в Высшей школе КГБ.

Во время войны М.А. Белоусов служил в управлениях КР СМЕРШ Юго-Западного, Сталинградского, Донского и Южного фронтов.

Это он, будучи старшим оперуполномоченным, в тяжелейшие своей трагичностью сентябрьские дни 1941 года выходил из окружения вместе с начальником военной контрразведки фронта, комиссаром госбезопасности 3-го ранга Анатолием Николаевичем Михеевым.

Это Белоусов был свидетелем гибели А.Н. Михеева, а также командующего Юго-Западным фронтом Героя Советского Союза генерал-полковника М.П. Кирпоноса, его начальника штаба генерал-майора В.И. Тупикова, члена Военного совета М.А. Бурмистенко и других офицеров и генералов Управления фронта.

Комиссар госбезопасности и командующий погибли, попав в окружение и отбиваясь от атакующих гитлеровцев в Полтавской области. В бою под урочищем Шумейково вместе с ними пали смертью героев несколько штабных генералов, офицеров и десятки солдат из охраны штаба. Старшему оперуполномоченному Михаилу Белоусову удалось вырваться из пекла.

В послевоенный период он находился на руководящей работе в ОКР военно-морских баз, с 1948 года трудился в подразделениях Прибалтийского военного округа, в УКР МГБ — ОО КГБ Приморского, Дальневосточного, Прикарпатского военных округов. В 1956–1958 годах — начальник Особого отдела Киевского военного округа (КВО). В июле 1958-го и по июнь 1962 года — начальник Управления особых отделов КГБ Группы советских войск в Германии. С июля 1962 года — вновь начальник ОО КВО. В отставку ушел в далеком для современников 1966 году.

В своем выступлении в Высшей школе он подчеркивал, что

Ион Антонеску и его брат были арестованы не военной контрразведкой СМЕРШ, как писали некоторые борзописцы, а офицерами королевской канцелярии вместе с королем Михеем Первым. Хотя нужно отметить, что всю подготовительную работу к переходу Румынии из лагеря союзников Третьего рейха в антигитлеровскую коалицию и акту ареста бухарестских коллаборационистов готовили армейские чекисты во главе с начальником УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта генерал-лейтенантом П.И. Ивашутиным, вместе с представителями Центра. Конечно же, не был в стороне и командующий фронтом Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин. Конвой для арестованных был военным.

Вот как вспоминал об этом эпизоде сам король:

«23 августа я вызвал к себе самого Антонеску и его брата Михая, который был вице-премьером. Со мной был начальник королевской военной канцелярии генерал Константин Сэнэтэску. Я сказал Антонеску: «Мы должны запросить перемирия». Антонеску ответил: «Я ничего не могу предпринять, не спросив прежде разрешения у Гитлера». Тогда я сказал: «Ну что же, стало быть, я больше ничего не смогу сделать». Это была кодовая фраза. Тут же распахивается дверь, и входят мой адъютант капитан Думитреску и с ним три сержанта. У всех в руках пистолеты. Они сказали Антонеску: «Вы арестованы». Антонеску был в ярости. Он заорал на генерала Сэнэтэску: «Я не оставлю страну в руках ребенка!» Антонеску и его брата увели, а я стал формировать новое правительство, куда вошли в основном военные, которых Антонеску уволил из армии за симпатии к союзникам…»

Многоходовая комбинация по внедрению в новое правительство Румынии коммунистов увенчалась успехом. Сталин высоко оценил податливость и сообразительность короля и только поэтому наградил его высшим полководческим орденом — «Победа». А вот Антонеску с наградами не повезло — 17 мая 1946 года он был приговорен румынским судом в Бухаресте к смертной казни. Вскоре приговор правоохранительные органы привели в исполнение.

В 1990 году «демократическим» режимом в Румынии Антонеску был полностью реабилитирован со снятием против него всяких обвинений. О времена, о нравы!

Чтобы ничего не выдумывать при воспоминаниях того давнего выступления Белоусова, есть смысл процитировать фрагменты статьи о нем Бориса Сыромятникова, недавно опубликованной в газете «Военно-промышленный курьер»:

«Я тогда имел звание подполковника, служил в военной контрразведке СМЕРШ. Мне было приказано принять

задержанных — Иона Антонеску и его подручных, в том числе и брата маршала министра иностранных дел Михая Антонеску, на станции Бельцы — это порядка 500 км от Бухареста. Мне было сказано, что задание я получил сугубо секретное, ответственное, особое. Румынские руководители должны быть доставлены в Москву живыми и невредимыми. С момента взятия их под стражу молодым королем Михаем прошла неделя. Враждебные нам силы — сторонники Антонеску в Румынии, Гитлер в Германии — конечно, знали, что они были увезены из дворца Бондарашем и переданы советскому командованию. Гитлеру было крайне невыгодно, чтобы его ближайший партнер оказался в распоряжении Советского Союза. У Гитлера с Антонеску более близкие отношения, чем с другими руководителями стран-сателлитов.

Начальником управления СМЕРШ фронта мне было Лишь обещано позвонить по «ВЧ» наркому внутренних Дел Молдавии и попросить его оказать мне помощь. Вопросов пришлось решать много. Как организовать спецпоезд? Сколько дней мы будем в пути, как, чем и где будем кормить задержанных (для себя мы взяли на неделю сухой паек), кто за ними будет осуществлять медицинский надзор? Если у меня создадутся условия для бесед с задержанными, то о чем с ними можно говорить и на каком языке? В нашей группе не было переводчика с румынского языка.

Все эти вопросы имели существенное значение, и их надо было разрешить в Бельцах. Поэтому еще в пути я отдал своим двум старшим оперуполномоченным — капитанам Зеленову и Яковлеву — распоряжение: по прибытии в Бельцы немедленно связаться с уездным отделом НКВД и начальником располагающегося там фронтового госпиталя, с их помощью подобрать для поездки с нами переводчика, врача. Повара, знающего румынскую кухню, официантку и парикмахера.

Сам же по приезде в Бельцы срочно разыскал уполномоченного транспортного отдела НКВД и через него стал выяснять возможность для оформления спецпоезда. К нашему приезду сюда не поступило сверху об этом никаких указаний. Пришлось немедленно установить связь по селектору и просить прибыть наркома внутренних дел Молдавии генерал-майора Мордовца. Он прибыл и сообщил, что начальник управления контрразведки фронта ему уже звонил и он принимает меры: где-то к 14.00 из Кишинева в Бельцы прибудет паровоз с подобранной бригадой и вагоном-салоном, которым пользовались немцы.

По рекомендации уполномоченного транспортного отдела станции Бельцы было решено оформить спецпоезд из пяти вагонов: товарного, вагона-кухни, салона, спального для «гостей»

и оперработников, а также пассажирского для охраны. Вопрос о том, какая будет дана «улица» нашему поезду, я решил с начальником транспортного управления НКВД СССР.

Мне вменялось в обязанность при остановках для пополнения паровоза топливом и водой доносить по селектору о состоянии «груза» начальнику транспортного управления НКВД, а он об этом будет информировать ГУКР СМЕРШ.

Румын на станцию Бельцы доставил армейский кон-рой. Старший работник штаба фронта генерал-майор Захаров попросил, чтобы этим же поездом следовать в Москву: у него там семья, которую он давно не видел, а ему предоставили недельный отпуск. Я не стал возражать. Захаров мне рассказал, что в пути следования он ехал с Антонеску, но с ним почти не разговаривал. Остальные четверо румын находились в двух других легковых машинах. Вели себя в дороге крайне настороженно.

Кроме прочего, оказывается, им было сказано, что их «везут в Москву на переговоры об условиях перемирия». Для меня эти слова стали неким ориентиром, как к ним относиться в пути.

Захаров распорядился выводить из машин задержанных. Наш переводчик предложил им почиститься и принять душ. Все, кроме министра иностранных дел Михая Антонеску, промолчали, а он отозвался на это с благодарностью. Я отдал распоряжение, и капитан Котов повел их в душ. Затем «подопечные» были размещены по купе спального вагона. Мы расположили в купе по одному румыну и нашему оперработнику, а для Иона Антонеску, переводчика и меня отвели два смежных купе с внутренней дверью.

В Москву прибыли вечером. Нас встретили руководящие работники ГУКР СМЕРШ. Своих «подопечных» мы доставили на одну из дач в Подмосковье. Затем ночью я был принят заместителем начальника ГУКР генерал-лейтенантом Н.Н. Селивановским, которому доложил о поведении румын в пути.

А в 4 часа утра о доставке в Москву клики Антонеску было доложено Сталину».

Следует заметить, что в числе арестованных находились: начальник разведывательного центра «Н» 2-й секции румынского генштаба Батезату, заместитель начальника разведывательного центра № 2 «специальной службы информации» Румынии Шербанеску, резидент германской разведки немец Штиллер, резидент гитлеровского разведывательного органа «Абверштелле — Вена» — Царану и другие высокопоставленные функционеры армии и спецслужб Румынии.

Органами СМЕРШа было установлено, что германская и румынская разведки активно использовали для шпионской

работы против Красной Армии белогвардейцев и участников различных зарубежных антисоветских организаций.

В Бухаресте после отъезда Антонеску в Москву было арестовано 99 участников этих организаций. Среди задержанных находились: генеральный секретарь головной войсковой рады украинской военной организации в Европе — Пороховский, доктор экономических наук Трепке, генерал-лейтенанты Дельвиг и Геруа, полковник В.Е. Жолондковский и другие.

Всего на 15 ноября 1944 года в результате «зачистки» освобожденной территории в полосе действия 3-го Украинского УКР СМЕРШ фронта было арестовано 794 сотрудника и агента разведки и контрразведки противника.

Дело обер-лейтенанта Биттига

Рославль на Смоленщине. Осень 1943 года. После выигранной Красной Армией битвы на Курской дуге пришел черед новых побед. Войска Западного фронта под командованием генерал-полковника В.Д. Соколовского в ходе Смоленско-Рославльской операции 25 сентября освободили город.

Думается, читатель помнит Серпилина из романа К. Симонова «Живые и мертвые», который, прибыв в военный Рославль, глазами писателя увидел:

«Серпилин запомнил Рославль приветливым зеленым городком. На девятый день войны их эшелон остановился здесь, на станции, и никому еще не приходило в голову, что ехать оставалось всего ничего до Могилева…

Машина поднялась в гору по исковерканной булыжной мостовой. Главную улицу Рославля было не узнать: две стоявшие при дороге старые церкви разрушены. Одна избита снарядами и вся в дырах, у другой колокольня обрушилась горой битого кирпича: бомба ударила под самый корень.

По обеим сторонам улицы все, что было деревянного, сгорело; среди пустырей полуразбитые каменные дома — нежилые и жилые, с пробоинами, на скорую руку залатанными кирпичом, взятым с других развалин.

Уцелели только деревья, но и их стало меньше, чем раньше, — спилили на дрова…»

Так вот в одном из чудом уцелевших домов в ту радостную для рославльцев осень обосновалась военная комендатура. Управление городом в первые же дни после освобождения, как обычно, взяли на себя военные. Длинная очередь военнослужащих и местных граждан стояла на прием к коменданту — седовласому уставшему общевойсковому майору с посеревшим от бессонницы лицом. Среди ожидавших приема посетителей была и молодая девушка. И вот, когда толпа рассосалась, она вошла в прокуренную комнату.

— С каким вопросом ко мне? — поднял высоко брови майор.

— У меня живет немец, — краснея и волнуясь, ответила гостья. — Но он целиком наш сторонник, добрый и честный человек, ненавидит фашистов и Гитлера. Он сбежал из части, понимая, что скоро наступит конец Германии…

«Это не по моей части, — подумал старый пехотинец. — На хрен мне возиться еще с этим добропорядочным фрицем и разбираться с их страстями».

Он направил Анну Астафьеву, так представилась девушка, к

военным контрразведчикам, которые подчинялись УКР СМЕРШ Центрального фронта.

Там в беседе с оперативным работником, старшим лейтенантом Стариновым, девушка «поведала необычную для военного времени романтическую историю». Она рассказала, как однажды вечером к ней на улице пристали пьяные немецкие солдаты. Случайно оказавшийся поблизости ефрейтор Клаус Биттиг защитил ее и проводил до дома. Потом он несколько раз заходил к ней на квартиру, приносил продукты и помогал деньгами. Так постепенно между ними складывались добрые отношения. Инициатива в глубоком чувстве больше исходила со стороны немца.

— Где сейчас находится Клаус? — естественно, поинтересовался Старинов.

— У меня дома.

— Чем он объяснял побег из части?

— Непринятием гитлеровского режима…

— Кого, кроме вас, он знал в городе?

— Никого… не было у него в Рославле других знакомых.

— Что собирается делать?

— Устроиться на работу и помогать нашей семье, — ответила Аня Астафьева, участница недавнего рославльского подполья.

Во время беседы, а скорее допроса, у начальника отдела военной контрразведки капитана Москалева ефрейтор Биттиг почти слово в слово подтвердил рассказ своей дамы сердца, дополнительно сообщив, что служил в секретном отделе штаба армейского корпуса.

«Зачем думать и мечтать о журавле, когда у меня синица в руке, — подумал военный контрразведчик. — В случае вербовки и переброски его за линию фронта откроется прямой путь ко многим тайнам гитлеровского армейского командования. Медлить нельзя. Время работает против этой затеи. Германская контрразведка тоже не спит и тщательно будет проверять прорвавшихся своих солдат из окружения».

В то же время он понимал, что в ставке на Биттига есть рискованная компонента — слишком мало он знал о немецком ефрейторе. В приемно-пересылочном армейском пункте для немецких военнопленных ни ему, ни Старинову не удалось найти его сослуживцев. Соседи Астафьевой ничего существенного не добавили к тому, что стало известно контрразведчикам.

И все же на имя начальника Управления контрразведки СМЕРШ Центрального фронта генерал-лейтенанта Александра Анатольевича Вадиса была отправлена обобщенная справка на Биттига с замыслом вербовки его и переброски через линию

фронта.

С ответом фронтовое управление СМЕРШ не задержалось. Москалев получил на проведение такой операции разрешение, обставленное различными советами о тщательной перепроверке всех объяснений немецкого ефрейтора.

А дальше события развивались так: Биттиг охотно согласился на сотрудничество и дал подписку о неразглашении факта установления негласного контакта с советской военной контрразведкой под псевдонимом «Штабист». По этому случаю на столе появилась бутылка водки и нехитрая армейская закусь.

— А теперь, Клаус, — заметил Москалев, — я предлагаю нам всем троим сфотографироваться. — Это предложение Биттиг воспринял без энтузиазма.

На второй день снова троица встретилась. Москалев показал сделанную фотографию и попросил на обратной ее стороне еще раз подтвердить советским контрразведчикам свою преданность и готовность выполнить задание.

— Зачем это? — настороженно спросил — естественно, на немецком — ефрейтор.

— Для закрепления нашей дружбы, — улыбнулся капитан.

— Если так, то почему бы и не написать, — кисло проговорил Клаус.

С этого момента наступил период интенсивной подготовки «Штабиста» к внедрению в гитлеровский армейский штаб. Ефрейтор, на удивление «педагогов», оказался весьма смышленым и способным учеником. Как говорится, все схватывал на лету, и на второй день занятий говорили на одном языке — языке разведки.

Решили подготовить два варианта задания, согласовав их с руководством УКР СМЕРШ Центрального фронта.

Первый: после возвращения в часть и получения доступа к секретным планам гитлеровцев вы должны снять копии важных документов и с ними перейти линию фронта.

Но здесь была одна зазубрина — агент совершенно не знал русского языка, а без этого пройти почти полсотни километров по незнакомой местности дело рискованное, если не несбыточное и невозможное.

И второй: после возвращения в часть и получения доступа к секретным планам гитлеровцев вы должны снять копии важных документов и всю собранную информацию передать нам через связника. Именно на этом варианте стал настаивать смышленый агент «Штабист».

Это еще более усилило подозрения чекистов о возможной подставе со стороны гитлеровской разведки. Вот уж

действительно, чем меньше мы знаем, тем больше выказываем подозрений. А знали армейские чекисты о немецком ефрейторе очень мало. Вокруг «Штабиста» была абсолютная пустота, не за что было зацепиться.

После беседы с Биттигом Москалев возвратился к себе в кабинет и в который раз стал внимательно перечитывать материалы дела на перебежчика, пытаясь найти важную зацепку, которая бы привела к раскрытию хитроумного плана, возможно, задуманного немецкой разведкой.

«Если Клаус враг и осел в городе для сбора информации о наших войсках, — размышлял Москалев, — то у него должен быть связной, который забирал бы у агента секретные материалы и передавал немцам по радио или курьерским способом через линию фронта». Если это так, то надо искать затаившегося недруга в городе. Но ведь проверка указанных Астафьевой адресов, где она видела Биттига, тоже ничего не дала. Хозяева пяти квартир не вызывали никаких подозрений, а в двух других жильцы отсутствовали.

★★★

Старинов решил переговорить с солдатами из комендатуры, задержавшими ефрейтора, в надежде, а вдруг что-нибудь прояснят они.

«Что меня толкнуло на этот шаг, — рассуждал старший оперуполномоченный КР СМЕРШ. — Наверное, интуиция, которая никогда не подводит того, кто ко всему готов. Она — наш первый учитель. Я был готов ко всему из-за того, что появился в деле «Штабиста» напряг в уверенности запланированной операции. Сомнения у меня росли, ширились и, наконец, после встречи с бойцами превратились в навалившийся огромный ком полного недоверия к немцу».

И вот подчиненный в кабинете Москалева. Ни слова не говоря, Старинов выложил на стол начальнику кучу вещей, среди которых оказался фотоаппарат.

— Что это и откуда они у тебя? — непонимающе спросил капитан.

— Отобрал, вернее, предоставили наши солдаты.

— Не понимаю… Какие? И какое имеют отношение эти предметы к нашему главному делу? — чуть строже спросил Москалев.

— Прямое, самое прямое, — он назвал хозяина кабинета по имени и отчеству, чего раньше никогда не делал, и на лице

старшего лейтенанта расплылась довольная улыбка. — Это вещи, которые шустрые «комендачи» экспроприировали у нашего Клауса при задержании.

— Вот как?

— Да-да, пришлось немного постращать наших мародеров, так они все забранное у немца и принесли Мне, — с охотой докладывал подчиненный своему начальнику. — Кроме всего прочего, еще одна новость — в одном из двух пустовавших домов неожиданно появились жильцы.

— Что ж, интересно, интересно… Надо хозяина дома хорошенько проверить через наших коллег, кто он и как характеризовался до войны.

— Я навел справки. Перед войной он уже попадал в поле зрения органов госбезопасности, но последующие события, связанные с войной, помешали провести проверку до конца.

Подозрения Москалева начали оправдываться.

— Надо хорошо проработать адрес появившихся хозяев, — приказал начальник отдела оперативнику, а сам занялся с Биттигом подготовкой к заданию. Тот был возбужден и с трудом сдерживал волнение: ведь завтра предстояла его заброска в немецкий тыл.

Москалев, прежде чем пригласить Биттига в кабинет, разложил на столе некоторые вещи «Штабиста», в том числе и фотоаппарат.

Когда немец зашел в помещение, то, увидев фотоаппарат, слегка побледнел, но быстро справился с волнением. В дальнейшем разговоре с советским контрразведчиком он стал энергично отвергать связь с гитлеровской разведкой. Самозащиту строил на слабых доводах и трудно проверяемых аргументах. Испарина на лбу и бледность лица, чередуемая с покраснением ушей, выдавали в нем процессы глубокого волнения.

★ ★ ★

А тем временем Старинов, работая по адресу, выяснил интересные подробности о хозяине дома. Им оказался некий чех — Рудольф Гочекаль, попавший к нам в плен еще в годы Первой мировой войны и оставшийся затем проживать в приютившей его России. Он был тут же доставлен в отдел контрразведки СМЕРШ, где, поняв сложившуюся ситуацию, явно провальную для своего агента, не стал долго запираться. Гочекаль признался в причастности к германской разведке, сообщив, что начал работать на гитлеровскую спецслужбу с 1936 года. Перечислил

ряд выполненных им перед войной шпионских заданий. Последнее из них касалось организации связи с Биттигом, который был специально оставлен на советской территории для сбора развединформации.

Агента арестовали. На следующий день Москалев и Старинов решили допросить немецкого агента. Когда Биттиг вошел в кабинет, то увидел в углу странную фигуру человека с нахлобученной на лоб черной шляпой с большими полями.

— Проходите и садитесь, — предложил стул военный контрразведчик недавнему «Штабисту».

— Благодарю, — испуганно, как будто ожидая нового удара в своем разоблачении, по-змеиному прошипел Клаус.

Москалев выдержал некоторую паузу, затем вытащил из ящика большую фотографию и спросил:

— Взгляните, вы знаете этого человека?

Биттиг посмотрел на фото, его бросило в жар из-за понимания, что игра с чекистами окончательно проиграна. Это был портрет Гочекаля. В это время за спиной немецкого разведчика раздались шаги, и появился сам Гочекаль. Проигрыш стал очевиден, а поэтому Биттиг заговорил на хорошем русском языке.

О разоблаченном немецком лазутчике в Центр полетела шифротелеграмма:

«Оперсоставом УКР СМЕРШ НКО Центрального фронта был разоблачен агент немецкой разведки обер-лейтенант отдела 1 Ц армейского корпуса Клаус Биттиг, который по заданию начальника разведотдела капитана Виккопфа пытался осесть в тылу Красной Армии в городе Рославль Смоленской области для сбора шпионской информации».

Обескураженный быстрым разоблачением немецкий разведчик много чего интересного рассказал чекистам. Он поведал о структуре своего отдела, имеющейся на личной связи агентуре и дал установочные данные на ряд своих сослуживцев.

А что касается Астафьевой, то она легко попалась в расставленную Биттигом и его коллегами ловушку. Спектакль с закономерно трагическим концом для фашиста, игравшего «рыцарскую» роль, закончился судом. И все равно «Штабист» даже в таком виде — неудачника поработал на военную контрразведку.

По следам голубоглазого зверя

Это случилось коротким зимним днем 29 января 1943 года в Сталинграде. Во время прочесывания освобожденной территории города разведывательно-поисковая группа одного из полков Южного фронта в кирпичных развалинах школы обнаружила человекоподобное существо, одетое в грязные лохмотья. Вместо обуви ступни ног были замотаны в обрывки детского одеяла. На плечах болтался прорванный и прожженный в нескольких местах припорошенный известкой и бетонными мелкими осколками тулуп. Голова его была замотана в грязный женский платок, покрытый терракотовой пылью — следами кирпичного крошева. На наших солдат испуганно смотрели поблекшие серые водянистые глаза, когда-то имевшие, по всей видимости, голубой цвет.

Только по замусоленным погонам и нашивкам на порванном мундире они догадались, что перед нашими воинами стоит немецкий полковник. С ним был небольшой потрепанный кожаный чемоданчик, в котором лежали карта и исписанные мелким убористым почерком общие тетради.

Пока окоченевшего пленного вели в штаб к военным контрразведчикам, полковник сразу же приободрился — как-никак его вытащили из могилы, где он должен был бы замерзнуть.

— Этот тип, товарищ капитан, мне кажется, по вашей линии. При нем вот и чемоданчик, который может заинтересовать вашу службу, — пояснил один из разведывательно-поисковой группы.

— Ну что ж, молодцы! И его проверим, и с документами разберемся, — ответил старший оперуполномоченный капитан Федоров.

Скоро Федоров установил, что военнопленный — это командир 134-го пехотного полка вермахта полковник Бойе.

«Здесь, на Сталинградской земле, — подумал военный контрразведчик, — все они, некогда лощеные, высокомерные и наглые, полковники и генералы, я уж не говорю о солдатах, становились смирными, суетливыми и угодливыми».

На карте, изъятой из чемодана, немец расторопно и охотно стал указывать места расположения огневых позиций его части, оборонительных рубежей батальонов и их штабов, которые перестали уже существовать. Полковнику теперь нечего было скрывать — трехсоттысячная Сталинградская группировка немцев перестала существовать. В ходе проведения наступательной операции наших войск «Уран» и операции «Кольцо», целью

которой являлась ликвидация окруженных гитлеровских войск во главе с командующим 6-й полевой армией фельдмаршалом Паулюсом.

В ходе победоносного завершения этой операции было только подобрано с полей сражения более 140 тысяч убитых непрошеных гостей. А скольких врагов Сталинградская земля не показала, спрятанных в осыпавшихся траншеях и погребенных под обломкам обрушившихся стен зданий в городе. В плен попало более 91 тысячи человек, в том числе свыше 2,5 тысячи офицеров, а также 24 генерала.

Допрос подходил к концу. Полковник, хлебнувши горячего чая, стал уже успокаиваться. Но вдруг из чемодана военный контрразведчик высыпал на стол документы — тетради и фотографии. Бойе напрягся и задрожал — понимал, что последуют вопросы, на которые нужно будет честно отвечать. Он, конечно, мог слукавить, но его бы сразу же разоблачили документы, писанные собственной рукой, и фотодокументы.

Немец, наверное, проклинал себя за ту тщеславную мысль, толкнувшую его в эпистолярном жанре обратиться к потомкам в ходе событий на оккупированных территориях Украины и России, где его подчиненные не сражались, а хозяйничали и упивались властью. Да, он со своими палачами из 134-го пехотного полка больше воевал с мирным населением, чем с бойцами Красной Армии. «Дранг нах Остен» хотелось запечатлеть в мельчайших подробностях, показав в них степень личного участия в завоевании жизненного пространства Третьему рейху.

Капитан Федоров придвинул лампу поближе к документам и стал внимательно, сначала молча, пробегать по строчкам.

«По всей видимости, он знает немецкий язык, — подумал Бойе. — Да, вопросы неизбежны».

Тетради составляли своеобразный дневник полковника. Это был материал для готовой пропагандистской книги, которая встретила бы одобрение самого Геббельса. На каждой обложке его записей красовался отрезок боевого пути части с одной и той же надписью — «История 134-го пехотного полка, или Борьба немецкого мастера против Советов».

Документы же штаба и вся канцелярия давно сгорели или остались лежать вместе с ее обитателями под кирпично-бетонными развалинами школы. Вот что писал полковник в своей книге:

«…проезжаем старую немецкую границу. Мы в Польше. Везде видим евреев. Уже давно пора, чтобы эта страна перешла в порядочные руки империи.

…22 июня полк занимает укрепления, еще одна ночь, и тогда

начнется невиданная борьба порядка против беспорядка, культуры против бескультурья, хорошего против плохого. Как мы благодарны фюреру, что он вовремя заметил опасность. Еще только одна ночь!

За рекой Буг стоит враг. Стрелки часов медленно движутся. Небо розовеет. Три пятнадцать! Ударила наша артиллерия. Огонь ведется из сотни стволов. Передовые группы бросаются в лодки и переправляются через Буг. Бой начался! Неожиданный удар удался — другой берег наш! Звучат выстрелы. Здесь горит дом, там соломенный стог. Первое сопротивление сломлено. Теперь вперед, дальше!»

Пройдет всего месяц и тон несколько поменяется. «Мы все удивлены, как выглядит Россия. У многих пропала надежда на хлебный рай на Украине. Мы возмущены тем, что увидели в этом «раю» Советов. Полное бездорожье. Крытые соломой глиняные домишки с маленькими окошками. Кроме полуразрушенной халупы, пары курей и одной свиньи, крестьянин ничего не имеет. И это называется рай Советов?!»

С другой стороны, все большее изумление вызывало у Бойе растущее сопротивление советских воинов. Особенно ночные атаки окруженцев, не желающих сдаваться на милость оккупантам и делающих все возможное, чтобы вырваться.

А вот к концу 1941 года от былой уверенности у автора дневника не остается и следа:

«…противник укрепляется. Продвижение все ухудшается. Мы застреваем по колено в грязи. Машины и повозки безнадежно вязнут или скатываются на обочину. Днем и ночью слышны крики и ругань…»

Военный контрразведчик перестал читать дневниковые записи, затем тряхнул бумажный пакет, и оттуда посыпались черно-белые фотографии разных размеров. В них кровавые сцены: горящие дома, отрубленные головы, повешенные на деревьях и телеграфных столбах, разрушенные церкви, истерзанные тела мирных граждан, массовые сцены расстрела цивильных в затылок, штабеля из трупов, полевые крематории, работающие на срубленных деревьях, и прочее варварство.

— Это не я, это не я, эти все фотоматериалы принадлежат обер-лейтенанту Эверсту… это он, — скороговоркой бубнил испуганный полковник.

— Кто такой Эверст?

— Офицер отдела пропаганды 44-й пехотной дивизии.

— Где он сейчас находится? — спросил Федоров.

— Он погиб под обломками дома… Его накрыла обрушившаяся стена…

Но профессиональная интуиция армейского чекиста подсказывала, что Бойе явно неравнодушен к «коричневым» взглядам и соответствующим оценкам происходящих событий. Поэтому Федоров продолжал допрос, но немец полностью отвергал все обвинения и всячески отрицал свою причастность к преступлениям, бесстрастно запечатленных объективом фотокамеры на фотобумаге.

Материалы на немецкого полковника Бойе оперативники доложили начальнику Особого отдела НКВД Южного фронта генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Селивановскому. Он приказал взять пленного фашиста в глубокую оперативную разработку.

В лагере Бойе вел себя тихо, дружественных контактов с соплеменниками не завязывал. Старался не вступать в дискуссии на политические темы, хотя демонстративно подчеркивал, что политика слишком важное дело, чтобы доверять ее политикам. Его сослуживцев по 134-му полку оперативники не обнаружили.

Но на просочившиеся слухи о некоторых успехах немцев на фронтах Бойе с нескрываемой радостью среагировал молниеносно. Он заявил одному из немногих солагерников, которому, наверное, доверился:

«С этим сбродом вскоре будет покончено! Нельзя терять веру в себя и Германию… мы должны победить, а победителя никто не спросит, правильно он воевал или нет, правду он говорил или тоже нет…»

Один из агентов из числа немцев заметил, что Бойе боится за тексты своих дневниковых записей.

Вскоре — это было 26 сентября 1943 года — контрразведчики СМЕРШа получили информацию, что полковник с 1936 по 1938 год служил командиром батальона СС в Гамбурге. Это лишний раз убедило чекистов, что они ведут работу в правильном направлении, что перед ними убежденный нацист.

И вот, наконец, удача. В нескольких лагерях для военнопленных, в частности в № 27 и 171, были установлены сослуживцы Бойе по 134-му пехотному полку — бывший командир первого батальона майор Эбергард Поль и унтер-офицер из второго артдивизиона Пауль Сухич.

Показания обоих заставили старшего оперуполномоченного капитана Сергея Савельева и начальника отдела УКР СМЕРШ Южного фронта подполковника Федора Пузырева вернуться к дневнику и перечитать его страницы более внимательно.

Из дневника полковника Бойе:

«Рай Советов… Что мы видим в раю Советов? Народ не имеет религии и души. Церкви разрушены и служат амбарами.

Культуры не видно и следа. У каждого из нас лишь одно чувство — это счастье, что фюрер решил радикально изменить эту порочную систему. Победа, сохрани нашего фюрера!..»

Из протокола допроса Пауля Сухича:

«…в 15–20 км от города Дергачи, в населенном пункте, название которого не помню, по приказу полковника Бойе все население было согнано в синагогу. Последняя была заминирована и взорвана вместе с находившимися там людьми.

…13 июля в населенном пункте Несолонь, 30 км восточнее Новоград-Волынского, полковник Бойе приказал взорвать церковь.

…Приблизительно в первой половине августа 1941 г. по дороге Круполи — Березань, в 10 км от станции Березань, был сожжен совхоз и расстреляно более 300 военнопленных Красной Армии, среди которых большинство были женщины. Полковник Бойе еще кричал: «Женщина с оружием — это наш враг…»

Из дневника полковника Бойе: «…нечасто выпадали выходные дни в войне против Советов. Но после горячих боев около Юровки, Почтовой и на юго-западной окраине Киева принимаем выходные, как лучшие дни. Как быстро, в шутках, забываются упорные бои. Теплое августовское солнце светит с неба. Все ходят в спортивных брюках. Солдаты занимаются заботой о желудке. Это удивительно, сколько может переварить солдатский желудок. Утки, курицы и гуси — ничто не может скрыться. Их ловят. Гоняют и стреляют…»

Из протокола допроса обер-лейтенанта Пауля Сухича:

«…В первой половине августа около города Киева полковник Бойе разъезжал по полю на своей машине и стрелял по военнопленным из винтовки, то есть охотился на них. Убил лично сам десять человек. Данный факт также видел я…»

Из дневника полковника Бойе: «Наступление на Дубно. Невыносимо жжет солнце. Золотистый урожай на полях. Как хорошо в пшеничном поле! В бесконечных рядах через пески Волыни продвигаются серые колонны. Песок, как мука, попадает в сапоги и делает невыносимым каждый шаг. Пот ручьями течет по лицу и телу. Пересохло во рту. Воды! Воды! Но ничто не может задержать нас! Ни жара, ни песок, ни пыль и ни пот. Мы все дальше и дальше продвигаемся на восток…»

Из протокола допроса майора Эбергарда Поля: «…в городе Дубно 134-й полк захватил в плен много русских танков и четыре танковых экипажа. По приказу полковника Бойе они были расстреляны. Солдаты в городе занимались грабежом мирного населения. По его приказанию все памятники, статуи, бюсты советских руководителей уничтожались личным составом…»

Из дневника полковника Бойе:

«Шоссейная дорога на север. Коммунизм за все годы существования ничего не делал, кроме уничтожения Европы, и в первую очередь Германии. Везде мы видим огромные укрепления, казармы и казармы. Длинные колонны военнопленных встречают нас. Азиатские лица смотрят на нас. История потеряла свой ум! Чтобы эти орды победили нас?!.»

Из протокола допроса обер-лейтенанта Пауля Сухича:

«…Около села Круполи, у озера в камышах, по приказанию полковника Бойе было расстреляно пять комиссаров. Это лично видел я, находясь с одним сержантом из нашей роты на охоте в этих камышах. Там же, название населенного пункта я не помню, лично полковник Бойе расстрелял офицера, который прятался в стоге сена. Для демонстрации этот труп лежал непогребенным. Среди солдат ходили разговоры, что труп принадлежал работнику ГПУ. Раньше в укрепленном пункте Янов, за рекой Буг, за укреплением из бетона была построена группа из командиров и красноармейцев Красной Армии, приблизительно 20 человек. Полковник Бойе приказал их расстрелять…»

Теперь у чекистов на основании буквально кровоточащих записей в дневнике и показаний свидетелей — сослуживцев были основания подозревать полковника Бойе в совершении тяжких преступлений. Но он на допросах упорствовал, пытаясь все и вся отрицать. Больше того, он стал, спасая свою шкуру, строчить доносы на своих командиров.

Первой мишенью стал генерал-фельдмаршал Паулюс: «…я познакомился с генерал-фельдмаршалом Паулюсом еще до войны на маневрах. Тогда он был генералом и начальником штаба танкового корпуса. Здесь, в лагере, его все уважают и почитают. На политические темы он вообще не разговаривает, так как считает, что его подслушивают. Фельдмаршал никогда и ничего не предпримет против Германии и ее правительства. К «Союзу немецких офицеров» его никогда нельзя будет привлечь. Это он расценивает как предательство…»

Но у военных контрразведчиков было другое мнение, поэтому на этот донос они никак не среагировали. Тогда Бойе стал сдавать своих соплеменников чуть рангом пониже, чем генерал-фельдмаршал, не исключая генерал-полковника Штреккера. Он даже попытался сыграть роль наводчика в поиске кандидатов на вербовку. Бывший полковник буквально заваливал контрразведчиков своими письмами-наводками «на нелояльных СССР немецких офицеров и генералов».

Предлагал свои услуги в работе по сбору доказательств в их преступной деятельности. В очередных доносах о своих

начальниках он писал:

«…генерал Штреккер раньше многих других офицеров стал придерживаться национал-социалистических взглядов. Он против «Союза немецких офицеров» и никогда и ничего не предпримет против Германии. К деятельности в плену его привлечь нельзя».

«…генерал Дебуа (непосредственный начальник Бойе — генерал-лейтенант. — Авт.) — убежденный националист-социалист и противник «Союза немецких офицеров». Но он не верит в военную победу Германии, и его можно привлечь к сотрудничеству».

Но приближался конец войны, а с ним и долгожданная Победа. Активней заработали отделения Государственной комиссии по вскрытию злодеяний фашистов. Большую работу в этом деле проводили и военные контрразведчики СМЕРШа. В одном из Актов говорилось:

«…Южнее села Выдумка Ровенского района, в 500 метрах в лощине песчаного карьера, обнаружено два кострища, возле которых находились три больших пятимиллиметровых листа железа и девять рельсов. Указанное железо и рельсы обгорели во время сжигания людей. Помимо костров на расстоянии 30 метров имеется яма размером в квадрат 6 метров и 3 метра глубиной, которая наполовину наполнена человеческим пеплом и недогоревшимк костями».

Допрошенная в качестве свидетельницы жительница села Несолонь Михайловская показала:

*В июле 1941 года командир полка полковник Бойе лично расстрелял моего мужа за связь с партизанами. Кроме того, по его приказанию были сожжены дома многих жителей».

Житель этого же села Оскиренко подтвердил, что «в июле 1941 года по приказу полковника Бойе также были сожжены церковь и 12 жилых домов, а жители села убегали в лес, преследуемые немцами…»

Оперативная разработка голубоглазого монстра продолжалась более четырех лет, и вот 29 декабря 1947 года военный Трибунал вынес вердикт. Бойе был осужден на 25 лет лишения свободы. Спасла ему жизнь отмена в Советском Союзе смертной казни, которую он явно заслуживал.

В поисках предателей

Заканчивалась война… Стиснутый губками мощнейших огненных тисков, с запада англо-американскими союзниками, а с востока частями Красной Армии, вермахт катастрофически сжимался. Вместе с гитлеровской военщиной убегало в сторону Берлина и предательское отребье — полицаи, старосты, агенты секретных служб, шпионы, диверсанты и террористы.

Теснимые частями регулярных армий и партизанами, они надеялись отсидеться в германской глубинке, а затем податься куда-то дальше, путая даже на чужбине свои следы отхода. На каждом из них была кровь преданных наших людей.

На органы военной контрразведки была возложена эта тяжелая ответственная работа, которую со временем назовут фильтрационной. Как уже говорилось, в органах ГУКР СМЕРШ НКО СССР фильтрацию бывших военнопленных и репатриантов координировал 2-й отдел, возглавляемый опытным военным контрразведчиком, профессионалом высокого уровня полковником С.Н. Карташовым.

Нужно сказать, что первичная проверка бывших советских военнопленных проводилась на армейских сборно-пересылочных пунктах (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП).

Со слов ветерана войны, специалиста в этой области полковника Н.В. Левшина, в ходе фильтрации военным контрразведчикам приходилось часто осуществлять личный досмотр и отбирать письменные объяснения об обстоятельствах попадания в плен и нахождения в лагерях военнопленных. Затем проводился опрос без заполнения опросных листов и анкет.

В основном такие лица находились в СПП и ПФП от пяти до десяти суток. При получении в ходе опросов и допросов противоречивой информации в ответах организовывалось их агентурное изучение. На каждое проверяемое лицо заводилось фильтрационное (учетное) дело, а в отношении подозреваемых во враждебной деятельности оформлялось дело-формуляр. К нему наряду с анкетными данными приобщались материалы агентурно-оперативного, оперативно-технического изучения и внутрикамерной разработки такого гражданина.

Большинство советских военнослужащих после завершения проверки на СПП и ПФП направлялось на пополнение частей действующей армии. А вот те, кто не прошел «сито» контрразведки СМЕРШ — подозреваемые в сотрудничестве с гитлеровскими спецслужбами, совершившие военные

преступления и запятнавшие себя службой в гитлеровской армии и частях «Русской освободительной армии» (РОА) генерала А.А. Власова, — становились объектами серьезной контрразведывательной работы по ним.

По результатам фильтрации бывших военнопленных управления СМЕРШ фронтов ежемесячно направляли отчеты в ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Завершалась оперативная работа во фронтовых проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) и специальных лагерях НКВД. В случае получения на проверяемое лицо серьезных оперативных материалов к работе сразу же подключались следственные работники.

О масштабности этой работы говорят цифры. Так, за период с 1 февраля по 4 мая 1945 года в десяти СПП УКР СМЕРШ 3-го Украинского фронта было проверено в общей сложности 58 686 человек. Из них 16 456 человек — бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, а 12 160 человек — советские граждане призывного возраста, угнанные противником на работы в Германию.

После проверки все они были призваны в армию полевыми военкоматами и направлены в воинские части; 1117 граждан других государств были репатриированы на родину, а 17 361 человек, не подлежащий военному призыву, возвратился к себе домой. Тех же, кого задержало «сито» фильтрации — подозреваемых в сотрудничестве с гитлеровскими спецслужбами, лиц, совершивших военные преступления, а также запятнавших себя Службой в гитлеровской армии и частях РОА, — их оказалось 378 человек, — проверяли более глубоко с подключением следователей.

А вот другой пример.

Только за один месяц, май 1945 года, управлениями контрразведки СМЕРШ 1-го, 3-го Украинских и Ленинградского фронтов было выявлено и разоблачено 159 агентов гитлеровских спецслужб. Кроме того, за этот же период арестовано 667 лиц, служивших в фашистской армии и частях РОА.

Но на незримых фронтах войны с гитлеровскими спецслужбами органы СМЕРШа тоже несли потери. В результате провалов зафронтовых агентов те из них, кто избегал смерти и не стал на путь предательства, оказались в тюрьмах и концлагерях. После вступления в войну союзников и освобождения ими оккупированной гитлеровцами территории Западной Европы часть этой агентуры оказалась в числе интернированных. Союзное командование не спешило их возвращать на родину.

Спецслужбы США и Великобритании развернули активный поиск бывших агентов советской разведки и контрразведки. О

работе по освобождению и репатриации наших граждан на родину с иллюстрацией конкретных примеров глубоко и ярко написал ветеран войны генерал-лейтенант в отставке А.И. Матвеев в своей книге «1418 дней и ночей Великой Отечественной войны».

Как справедливо отмечалось в одном из альманахов о работе СМЕРШа, подготовленном к 60-й годовщине победы в Великой Отечественной войне:

«Неизмеримо сложнее оказалось вести фильтрационную работу среди своих. Для бывших командиров и бойцов Красной Армии, испытавших горечь поражения первых месяцев войны, проведших в лагерях долгие месяцы унизительного плена, но не дрогнувших и сохранивших верность Родине, изнурительные, с пристрастием допросы смершевцев казались оскорбительными и несправедливыми. Это «чистилище» явилось для них не меньшим испытанием, чем фашистский плен.

Они рвались в бой, чтобы поквитаться с врагом за перенесенные пытки и унижения, за разоренные домашние очаги, за смерть родных и близких, но свои отказывали им в этом праве. Еще большим унижением и оскорблением для них явилось то, что рядом с ними на лагерном плацу и в соседнем бараке находились те, кого они люто ненавидели и презирали: власовцы, полицейские, надсмотрщики и палачи из расстрельных команд и душегубок. Здесь, на своей земле за колючей проволокой, они томились вместе: жертвы и палачи, герои и предатели. Бывшие летчики, танкисты, артиллеристы, разведчики-пехотинцы не скупились на крепкие слова и в порыве праведного гнева срывались на бездушных, как им казалось, контрразведчиков. Но эта невольная боль, которую те причиняли им, была оправданна и неизбежна…»

Но, как говорил уже упоминаемый полковник Н.В. Левшин, оперативникам, занимающимся розыском, на СПП и в ПФП с учетом массовости и поджимающих сроков проверок не так-то просто было отделить патриота от предателя, агента абвера или гестапо от честного человека.

Безусловно, сказывалась на качестве проверок наша ментальность с ее наиболее острыми гранями — бюрократизмом и непрофессионализмом. Следует заметить, что в ЧК в это время вместо выбитых на фронтах зрелых армейских контрразведчиков пришли молодые строевые офицеры, недавно покинувшие передовую. Они видели зверства фашистов и предателей, поэтому с понятным недоверием, а зачастую и враждебностью смотрели на тех, кто не один год провел в плену, работал на заводах и фабриках в Германии и таким образом остался в живых.

Этим неопытным оперработникам такие граждане виделись недостойными снисхождений и служили основанием для выдвижения обвинений в измене Родине.

Центр в лице руководства ГУКР СМЕРШ НКО СССР и его 2-го отдела внимательно следил за этой работой, посылая спецгруппы из числа опытных работников главка для проведения инспекционных проверок и оказания помощи периферийным работникам. На места периодически направлялись обзоры, директивы и аналитические Справки, в которых Москва требовала повышения качества фильтрационной работы, исключения фактов очковтирательства и формализма в служебной деятельности.

Настоящие патриоты, ущемленные в своих правах, нередко жаловались высоким властям на военных контрРазведчиков и следователей за беспредел и необъективность в расследовании их дел, находясь в ПФЛ, СПП и ПФП.

Среди них был и полковник в отставке Евгений Степанович Березняк — прототип героя романа Юлиана Семенова «Майор Вихрь» и одноименного фильма. Его подвиг был оценен только через шестьдесят с лишним лет. Он стал Героем Украины. Бывший офицер ГРУ Генштаба, заброшенный в составе разведывательно-диверсионной группы (РДГ) под кодовым названием «Голос» в район Кракова для спасения его от уничтожения немцами путем подрыва большого количества взрывчатки.

При приземлении он и его радистка были задержаны гестапо, но им чудом удалось спастись. Задание командования он выполнил. После окончания командировки его собирались представить к высшей награде Родины — званию Героя Советского Союза, но когда руководство Управления разведки 1 — го Украинского фронта получило от Евгения Степановича рапорт о том, что он побывал в гестапо, отношение ко всей группе резко изменилось. Вместо награждения его с радисткой направили для проверки в лагерь НКВД № 174, расположенный в Подольске. По иронии судьбы, когда проходил Парад Победы на Красной площади, они с радисткой грузили уголь под охраной автоматчиков. Вскоре, проверив материалы, их освободили при активном вмешательстве руководства ГРУ Генштаба ВС СССР.

Были и такие казусы. Люди пытались достучаться до высокопоставленных чиновников и даже жаловаться Верховному главнокомандующему. Иногда это помогало. Так, бывшая военфельдшер М.П. Пузанова в письме Сталину просила, чтобы следователи ускорили разбирательство по ее делу.

«Если я виновата, — писала она в Москву, — то пусть меня предадут справедливому суду, а если нет — пусть командование

направит меня на фронт, где я могу принести пользу Родине…»

12 августа 1943 года ее письмо поступило в особый сектор ЦК ВКП(б), а уже 14 августа было переадресовано в секретариат НКВД СССР и оттуда направлено в ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Работу по письму взял под личный контроль заместитель начальника главка генерал-лейтенант П.Я. Мешик. 17 декабря 1943 года начальник ОКР СМЕРШ спецлагеря № 174 докладывал ему, что «Пузанова М.П. в порядке фильтрации нами проверена и направлена работать на завод № 684 г. Подольска».

30 ноября 1944 года из спецлагеря № 283 на имя И.В. Сталина поступило письмо от бывшего советского военнослужащего Г.Я. Сычева. Вот текст его обращения:

«Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ Иосифу Виссарионовичу.

От бывшего Военнослужащего СЫЧЕВА Георгия Яковлевича.

По социальному происхождению я сын крестьянина-середняка. По социальному положению служащий — учитель (н.с.ш.). Рождения 1911 г., уроженец с. Шаблыкино, Шаблыкинского района, Орловской области. С 1923 года по 1931 год обучался в советских школах и в результате получил образование и звание народного учителя.

С 1931 г. по 1941 г. работал учителем и директором Н.С.Ш. В 1941 г. 29 июня был мобилизован на фронт. Будучи на фронте 6 месяцев (258-я стрелковая дивизия), Лопал в окружение, а потом в плен. Через четыре дня из немецкого плена я сумел уйти. Но ввиду того, что линию Фронта было пройти невозможно — пришлось идти на родину, которая была оккупирована немцами.

Поэтому с ноября 1941 года по 16 августа 1943 года пришлось жить на родине. 16 августа 1943 г. наша местность была освобождена, и я Шаблыкинским РВК Орловской области был мобилизован на фронт для продолжения срока службы. Но на основании существующего приказа я Орловским пересыльным пунктом был направлен на госпроверку с содержанием при лагере НКВД СССР № 283. И вот с 13 августа 1943 года и по настоящее время я нахожусь на госпроверке при вышеуказанном лагере и до сего времени еще не проверен.

Считаю, что отдел контрразведки при лагере НКВД № 283 до сего времени не занимался госпроверкой по отношению ко мне. Это я подтверждаю тем, что за этот период (13 месяцев) я ни одного раза не допрошен. Об этом я писал рапорта: на имя начальника лагеря, на имя полковника госбезопасности и, наконец, на имя наркома внутренних дел СССР, но ниоткуда не получил никакого ответа. Так сколько же времени можно проходить госпроверку?

Прошу Вас, Иосиф Виссарионович, оказать свое содействие, чтобы ускорить госпроверку по отношению ко мне и допустить на фронт.

Сычев Г.Я.».

В дело вмешалось руководство ГУКР СМЕРШ. Через месяц заместитель начальника лагеря № 283 подполковник Шухман доложил в Центр, что проверка Сычева затягивалась в связи с тем, что в 1937 году он арестовывался и был судим на пять лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Но в настоящее время в ходе агентурной разработки прямых свидетельств его преступной деятельности не получено. Окончательный вывод был таков: «Основания для ареста Г.Я. Сычева не имеется».

Таких заявлений было множество, и по ним быстро принимались объективные решения. А тем временем с Запада все шли, ехали и летели репатрианты. Всю эту огромную работу органы СМЕРШа осуществляли в тесном взаимодействии с Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и заграничными рези-дентурами 1-го Управления НКГБ СССР и ГРУ Генерального штаба ВС СССР.

Кончалась «горячая» Вторая мировая война, и начиналась не менее жестокая Третья война — «холодная», в водоворот которой были втянуты практически все союзнические страны. Росло взаимное недоверие между вчерашними братьями по совместной борьбе против немецкого фашизма, а новые страдания ложились на головы простого народа. Руководители купались в роскоши и неприкосновенности.

Тысячи русских, украинцев, американцев, англичан с нетерпением дожидались возвращения на родину, но оно затягивалось по разным причинам. Недавние жертвы гитлеровского режима снова оказывались заложниками своих политиков.

«Помню, — говорил уже упоминаемый Н.В. Левшин, — все чаще мы получали информацию о фактах вербовки спецслужбами Франции, США, Великобритании и поверженной Германии наших граждан, склонения их к невозвращению на Родину, сокрытия предателей — карателей, пособников фашизма и их агентов…»

Об одном из них речь пойдет ниже.

Конец финского агента

Это произошло на скромном, но ставшем легендарным Карельском фронте (КФ), образованном еще в августе 1941 года с целью обеспечения северного стратегического фланга обороны на севере страны. Он три с половиной года сдерживал врага в полосе военных действий протяженностью более 1600 км. Из всех советских Фронтов именно КФ действовал самое продолжительное время. Командовал им с сентября 1941-го по февраль 1944 года генерал-полковник В.А. Фролов. Эстафету него принял генерал армии К.А. Мерецков, которому 26 октября 1944 года было присвоено звание Маршала Советского Союза. В подчинении фронта находился Северный флот.

Надо отметить, что на Параде Победы в 1945 году сводный полк Карельского фронта шел первым. Это был единственный фронт, на одном из участков которого (в районе Мурманска) немецко-фашистские войска так и не смогли нарушить государственную границу СССР. С тех пор, по традиции, на Парадах Победы 9 Мая знамя КФ несут первым среди знамен фронтов.

Октябрь сорок четвертого в Финляндии выдался холодным. В конце месяца ударили крепкие морозы, сковавшие реки льдом. Повышенная влажность пронимала до костей советских военнопленных в лагере № 2 в Карвиа.

Это случилось 17 октября 1944 года. После захвата лагеря советскими воинами начальник УКР СМЕРШ Карельского фронта генерал-майор Алексей Матвеевич Сиднее направил в лагерь группу офицеров-оперработников для изучения контингента.

Освобожденные военнопленные бросились навстречу освободителям. Но вскоре эйфория сменилась скепсисом — в штабной барак потянулась медленно продвигаемая змейка унылой очереди вчерашних военнопленных.

Наши солдаты радовались приближающейся победе. Ловко усевшись на пеньке, молодой солдат пел под нехитрые гитарные аккорды:

По карельским лесам и болотам, По вершинам заснеженных гор С боем движется наша пехота Защищать край лесов и озер…

Песня доносилась и в штабной барак.

Дождавшись своей очереди, бывший рядовой армейской разведки Стариков робко вошел в комнату. За столом сидел с красными от усталости глазами лейтенант госбезопасности. Рядом с ним лежала стопка папок.

Внимательно взглянув на вошедшего, лейтенант предложил

ему сесть.

— Кто вы?

— Стариков Илья Сергеевич.

— Когда и как вы попали в плен? — задал в который раз уже ставший привычным вопрос молодой лейтенант.

— 14 октября 1941 года я в составе разведгруппы отправился в тыл противника за «языком». Пройдя нейтральную полосу, на первом рубеже обороны противника мы наткнулись на засаду. Я был ранен и таким образом оказался в плену. Работал и в каменных карьерах, и на лесоповале, все время приписанным к лагерю № 2 в Карвиа. Но я не сломался, выстоял, а поэтому готов с Оружием в руках мстить врагу. Мстить за поруганную и разоренную Отчизну, — бойко, с пафосом отвечал вошедший мужик.

«Шустер уж больно, — подумал лейтенант. — Такие бывают или герои, или антигерои».

После опроса Старикова направили для дальнейшей проверки на сборно-пересыльный пункт (СПП) в Ивановскую область. На новом месте он быстро освоился и уже надеялся, что его призовут в армию, где он может «лицом к лицу встретиться и посчитаться с фашистами». А счет к ним, похоже, у него был особый.

Но вместо того, чтобы поскорей попасть в армию, ему предстояла еще одна встреча. На этот раз его визами в кабинете СПП был представитель УКР СМЕРШ Московского военного округа старший оперуполномоченный капитан Махотин, располагавший уже к тому времени первичными данными о предательстве проверяемого. Он зачитал ему, это было 30 ноября 1944 года, постановление на арест.

★ ★ ★

Капитан Махотин понимал, что для дальнейшего развития дела нужна солидная свидетельская база, тогда появятся и улики. И вот первая удача — он нашел сослуживца Старикова по 1941 году. Это был чудом уцелевший после тяжелого ранения помкомвзвода Воронин. Он рассказал о «геройстве» той вылазки наших разведчиков, наткнувшихся на неприятельскую засаду, где Стариков добровольно перешел на сторону врага — практически бросил товарищей в бою.

Капитан вскрыл еще одну «нестыковку». По рассказам Старикова, он «весь плен валил лес и корчевал пни в лагере № 2». Но на самом деле туда его доставили финны незадолго до

прихода советских войск. Он мало распространялся о прошлом, и часто его видели возле административного барака. Лагерное начальство почему-то благосклонно относилось к новичку и не направляло его на тяжелые работы.

Махонин снова и снова просматривал материалы захваченных лагерных архивов, а также финских разведывательно-диверсионных школ в городах Рованиеми и Петрозаводске. Время было далеко за полночь. От перечитанных сотен дел и бессонницы слипались глаза, хотелось спать — усталость валила с ног. Он несколько раз на мгновение проваливался в неглубокое состояние сна и тут же просыпался. И вдруг его как будто что-то кольнуло. Он встрепенулся, еще раз перевернул прочитанный лист. Неровно скачущие и прыгающие буквы на серой бумаге из донесения финского агента «Сергея» показались ему знакомыми.

«Где-то я уже видел этот почерк… Но где, где? — взволнованно спрашивал сам себя капитан. — Неужели в одном из дел, которые в сейфе?» Сонливость как рукой сняло. Он вскочил со стула, нашел дело Старикова и, словно боясь спугнуть удачу, медленно раскрыл обложку дела № 19950 и с облегчением вздохнул. Автобиография и анкета были написаны тем же почерком, что и агентурные сообщения-доносы «Сергея».

Даже без графологической экспертизы было ясно, что изменник Стариков и агент финской разведки «Сергей» — одно и то же лицо.

На следующий день Махонин приготовился к серьезному психологическому эксперименту. На столе среди прочих дел он отдельно положил серый клочок бумаги с доносом агента «Сергей». Заполняя очередной протокол допроса, он словно машинально отодвинул от себя убийственную для Старикова бумагу. Махонин внимательно наблюдал. Стариков вначале охотно отвечал на вопросы, а потом, когда его взгляд встретился с этой уликой, словно остолбенел. Стал заикаться и даже какое-то время не мог произнести ни слова, словно впал в ступор. Он побледнел, на лбу показались капельки холодного пота. Стариков с ужасом глядел на ненавистный ему и теперь предательский клочок бумаги.

Постепенно придя в себя и поняв бессмысленность дальнейшего запирательства, он стал проклинать себя за трусость и каяться за согласие работать агентом финской разведки среди своих соотечественников.

И здесь он слукавил — предавал наших патриотов не только в Карвиа. Его маршрутировали по другим лагерям. Но зачем? Ответ на этот вопрос тоже скоро нашел Махонин в архивных

документах Петрозаводской разведшколы, попавших к тому времени в руки контрразведчиков Управления СМЕРШ Карельского фронта. В ходе изучения их выяснилось, что Стариков был не только осведомителем, но и агентом-вербовщиком. Вместе с финским разведчиком капитаном Паатсало он разъезжал по лагерям, втирался в доверие к узникам и склонял отдельных сломленных военнопленных к сотрудничеству с вражеской разведкой. Только в одном Паркинском лагере военнопленных в сентябре 1942 года он завербовал 22 агента.

После окончания разведывательно-диверсионной школы в Петрозаводске 6 сентября 1942 года в составе группы Линдимана он был заброшен в тыл советских войск, под Мурманск. В течение семи суток группа вела разведку и совершала диверсионные акты на железной Дороге. На обратном пути группа попыталась захватить «языка», но безуспешно. Линдиман был ранен в ногу, по- этому пришлось спасаться бегством.

«Вот уж действительно, никогда столько не лгут, — Махонин вспомнил слова Отто фон Бисмарка, — как во время войны, после охоты и до выборов».

Оперативники и следователи до мельчайших подробностей восстановили путь падения предателя и цепь совершенных им преступлений.

Вылазку Старикова в тылы Красной Армии финские разведчики оценили по достоинству и в феврале 1943 года направили набираться опыта в другой школе диверсантов близ города Рованиеми. Именно здесь под руководством обер-лейтенанта Койла, закончившего одну из лучших школ абвера в лагере «А» в местечке Вяцати в Латвии, Стариков усиленно занимался спортом, лыжной подготовкой, стрельбой и совершенствовался в подрывном деле.

В апреле 1944 года он вместе с завербованными им агентами вновь забрасывается в тыл наших частей фронта, где совершает подрывы товарных поездов и поджоги армейских складов, убийства советских военнослужащих. На этот раз группа благополучно добралась в свои шпионские пенаты.

29 января 1945 года Махонин получил ответ на свой запрос из Кандалакшского горотдела НКГБ по Мурманской области, где подтверждался факт подрыва поезда в период деятельности группы Старикова в этом районе.

В конце оперативной разработки под воздействием неопровержимых доказательств предатель признался, что финны ему ставили ряд дополнительных разведывательно-диверсионных задач, которые он не успел выполнить по независящим от него

причинам — слишком стремительно наступали войска Карельского фронта.

На имя начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР генерал-полковника В.С. Абакумова руководством военной контрразведки Московского военного округа была отправлена шифротелеграмма о разоблачении местными армейскими чекистами предателя и агента финской разведки Старикова — «Сергея».

Махонин был доволен своей работой, и ему вдруг подумалось:

«Наказанный преступник — это пример для всех негодяев; невинно осужденный — это вопрос совести всех честных людей. Мы вытащили такую занозу, которая бы в дальнейшем мешала жить нормальным людям. Подлость и трусость имеют обыкновение проявляться и в будущем».

Итак, предатель не сумел проскочить через густую сетку оперативного «сита» и получил за свои злодеяния по заслугам.

Постскриптум

Работая над вышеупомянутой главой о разоблачении агента финской разведки Старикова — «Сергея», автору этой книги попался в руки материал по Рованиемской шпионской школе. Очерк подготовлен был Тимофеем Анисимовичем Чижевским — сотрудником СМЕРШа, фронтовым другом по Балтике, Эстонии и Карелии генерал-майора Николая Кирилловича Мозгова, о котором писалось уже в книге «СМЕРШ в бою». Об операции по внедрению Т.А. Чижевским своего разведчика в эту финскую разведшколу хорошо был осведомлен и его сослуживец полковник в отставке А.К. Соловьев, который тоже делился некоторыми подробностями.

Короткий очерк в книге А. Бондаренко и Н. Ефимова — «На острие» оставил и сам участник тех событий ТА Чижевский.

Оказалось, что в начале 1942 года сотрудниками Особого отдела 14-й армии был подобран разведчик -26-летний радиоинженер из Смоленска Олег Константинович Сожинский с целью внедрения в Рованиемскую школу, птенцы которой часто надоедали армейским контрразведчикам.

«В то время я, — писал Тимофей Анисимович, — непосредственно готовил его для работы в логове врага. Обращали на себя внимание его смышленость, хорошая память, умение подвергать критическому анализу свои поступки, осмотрительность, общительность, способность входить в доверие к собеседнику.

Вместе с Сожинским мы разработали легенду и тактику его поведения при первом допросе у немцев и в последующем при возможном пребывании его в лагере военнопленных. Мы не

скрывали от него, что при нахождении в стане опытных и коварных абверовских разведчиков не исключается применение к нему жестокости, вплоть до имитации расстрела и других тяжких испытаний».

После соответствующей оперативной подготовки Сожинский под псевдонимом «Звезда» был переброшен через линию фронта…

Спустя пять месяцев наш разведчик возвратился из вражеского тыла. Он рассказал, как, оказавшись в немецком плену, выдержал жестокую проверку, не поддался на провокационные попытки сотрудников абвера склонить его к чистосердечному признанию своей связи с советской военной разведкой или контрразведкой. В конце концов, выдержав свою легенду, Сожинский понравился вербовщикам, и после некоторых формальностей был направлен в Рованиемскую шпионскую школу.

В процессе обучения собрал материалы о структуре и расположении разведывательно-диверсионной школы, получил данные на ее начальников: финна майора Паатсало, а потом сменившего его немца капитана Альфреда Ройтера, многих преподавателей и слушателей. Не осталась без внимания разведчика информация, полученная им от одного из инструкторов, что зимой 1941–1942 года с инспекцией приезжал важный гость из Берлина. Именно тогда был заменен руководитель школы финн Паатсало на немца Ройтера.

Военные контрразведчики были больше чем уверены, что этим инспектором мог быть генерал-лейтенант Ганс Ликкенброк — начальник отдела «Абвер-1» (разведка), сопровождавший адмирала Канариса во время его поездки в Финляндию.

Прямым результатом того вояжа руководителя военной разведки Третьего рейха была массовая заброска парашютистов вблизи дороги Вологда — Архангельск. Так, 31 августа и 1 сентября 1942 года наземными постами службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) 7-й воздушной армии Карельского фронта были отмечены полеты одиночных немецких «юнкерсов». Эта информация легла на стол руководству военной контрразведки 7-й воздушной армии (Чижевский в тот период был заместителем начальника Особого отдела армии).

Вскоре местными органами госбезопасности Управления НКВД Архангельской области с участием истребительных отрядов и войсковых подразделений было установлено, что немецкая разведка выбросила на парашютах две тщательно подготовленные шпионско-диверсионные группы в составе 13 человек. При их розыске и преследовании четверо были убиты, а остальных

задержали с радиопередатчиками, шифрами, оружием и другой экипировкой.

При допросах выяснилось, что они должны были в течение месяца «активно поработать» и подготовить условия для высадки мощного десанта с целью овладения участком единственной в этом районе железной дороги и таким образом отрезать весь Карельский фронт, около 300 тысяч наших войск, от Архангельска. А затем развивать наступление на Вологду и далее на Ярославль.

Однако замыслы германо-финского командования и гитлеровской разведки были сорваны усилиями военных чекистов с участием истребительных отрядов, воинских подразделений и с помощью местного населения. Добивать остатки вражеской шпионско-диверсионной группы приходилось еще в течение двух месяцев.

Нельзя исключать того момента, что пути Сожинского — нашего агента «Звезда» и Старикова — вражеского агента «Сергей» там, за линией фронта, могли и пересечься…

Тайное оружие — проказа

Близился конец Великой Отечественной войны. Шли ожесточенные бои на подступах к Берлину. Сломлено сопротивление фашистских войск на Зееловских высотах. Наши войска штурмуют Рейхстаг.

В это же время в дивизионные и армейские отделы военной контрразведки СМЕРШ из различных источников стала поступать информация о том, что из Берлина и его окрестностей в срочном порядке эвакуируются различные фашистские спецорганы, которые были сформированы из изменников и предателей нашей родины. По полученным сведениям, они концентрируются где-то в Южной Германии. Поступали также данные, что руководители как военной, так и политической фашистских разведок пытаются вступить в контакт со спецслужбами наших союзников. С этой целью они делают все от них зависящее, чтобы эвакуировать на Запад свою ценную агентуру и специалистов по проведению подрывной работы против советских Вооруженных Сил.

Перед военными контрразведчиками была поставлена задача организовать тщательную проверку этих лиц. Как известно, фильтрацией в СМЕРШе занимался 2-й отдел ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Первичная проверка бывших военнослужащих Красной Армии возлагалась на третьи отделения вторых отделов управлений КР СМЕРШ фронтов.

К концу войны в странах Западной Европы и западных зонах Германии оказались миллионы советских граждан. Добыть доказательства преступной деятельности некоторых из них или опровергнуть их входило в задачу военных контрразведчиков. Особое внимание обращалось на выявление отношения союзников к намерениям фашистских спецорганов.

По рассказу генерал-лейтенанта в отставке А.И. Матвеева, активного участника в работе по репатриации наших граждан, он в 1945 году был назначен представителем советской стороны по лагерям в Южной Германии.

А происходило это таким образом. В один из весенних дней сорок пятого года в отдел контрразведки его 47-й гвардейской мотострелковой дивизии прибыл представитель СМЕРШа 1-го Украинского фронта майор Михайлов, который имел специальное задание по проверке этой настораживающей информации.

— В свою очередь, — говорил Матвеев, выступая в совете ветеранов, — я получил указание оказывать самое активное содействие Михайлову в подготовке и проведении спецмероприятий. Работу начали с опроса военнопленных,

выявленных абверовцев. Во время боев еще на одерском плацдарме был взят в плен офицер туркестанского легиона Мустафаев. Он привлек внимание в связи с тем, что рота, которой он командовал, прибыла на Берлинский фронт из Южной Германии. Мустафаев оказался довольно словоохотливым и сообщил ряд данных, которые представляли оперативный интерес. В частности, он рассказал, что на место боевых формирований туркестанского легиона, которые отправлялись на фронт, прибывали из Берлина и других районов Восточной Германии какие-то секретный подразделения, среди их личного состава было много выходцев из СССР. После доклада добытой информации Центру было получено указание: «Для более глубокой ее проверки подобрать и направить на юг Германии своих надежных людей». Проведение этой операции было поручено майору Михайлову и мне. Поскольку война подходила к концу, отобранных людей надо было перебросить на юг Германии в потоке беженцев на Запад. Эта операция должна была быть проведена в самые сжатые сроки. Подбор нужных людей из числа советских граждан, служивших в РОА и туркестанском легионе, их проверка, подготовка и переброска через линию фронта были закончены за несколько дней до капитуляции Берлинского гарнизона. В числе переброшенных были Мустафаев и Беспалов, ранее служивший в РОА. Оба прибыли на Берлинский фронт из южно-германского города Ульм. 2 мая Берлинский гарнизон капитулировал. Наши войска расположились в Берлине. Начались мирные дни. Но и в эти дни у военных контрразведчиков было много работы, так как крестоносцы тайной войны уходили в подполье, стремясь раствориться в общей массе военнопленных и мирного населения. Они не собирались разоружаться, и война с ними продолжалась. Осенью 1945 года Центром были получены данные о трагической гибели майора Михайлова, направленного в Южную Германию для выполнения специального задания, начало которому было положено еще до окончания войны. Обстоятельства его гибели были весьма загадочными. Не исключалось предательство со стороны лиц, с которыми он должен был установить контакт…

★★★

После гибели майора Михайлова руководителем советской миссии по репатриации в городе Тюбингене был назначен подполковник Александр Иванович Матвеев. Он действовал под именем Николая Федоровича Смирнова. Путь к будущему месту

работы лежал через Франкфурт-на-Майне, Баден-Баден, Нюрнберг и, наконец, Тюбинген.

Работа по изучению наших граждан и их репатриация сталкивались с яростным противодействием разведок недавних союзников — Франции, Великобритании и США. Международная организация ЮНРА занималась репатриацией перемещенных лиц на родину, в том числе и советских граждан. Сотрудниками этой организации в основе своей были разведчики и контрразведчики. Помогали им бывшие гестаповцы, абверовцы и наши граждане, совершившие разного рода преступления против советской власти, — полицаи, националисты из ОУН, УПА, прибалтийских «лесных братьев», каратели, старосты, агенты германской разведки, диверсанты и террористы, у которых были, как говорится, руки по локоть в крови.

Четко налаженная работа нашей миссии по возвращению советских граждан на родину мешала разведкам союзников и предателям, боявшимся возвращаться домой. Они строили разного рода козни нашим сотрудникам и в первую очередь Смирнову, видя в нем честного, принципиального, требовательного начальника и тонкого психолога. Он был опасным для них человеком.

Он постоянно ходил над пропастью. Вокруг него плелась паутина грязных сплетен и слухов. Смирнову не раз угрожали убийством, пытались натравить толпу лагерных сидельцев-уголовников для физической расправы над офицером, периодически работало наружное наблюдение. Однажды, пригласив Смирнова на рыбалку, попытались через аквалангиста-террориста, прорезавшего дно надувной резиновой лодки, утопить его в озере. И только сила воли и соответствующие физические данные позволили военному контрразведчику справиться с создавшейся чрезвычайной обстановкой, освободиться от потащившего его на дно бандита, а потом во второй атаке с его стороны обезвредить и уничтожить этого тайного «советского друга».

Реакционные круги Франции, Великобритании и США и их разведки, опираясь на бывшие фашистские разведывательные органы, пытались использовать предателей для ведения подрывной работы в лагерях перемещенных лиц, чтобы воспрепятствовать советским гражданам, в том числе и бывшим военнопленным, вернуться к своим семьям. Кроме того, они использовали канал репатриации для засылки в нашу страну диверсантов, террористов и шпионов из числа людей, у которых окровавлены руки совершенными злодеяниями на оккупированной территории во время войны.

Их направляли в нашу страну, чтобы путем террора, диверсий и шпионажа помешать нашему народу залечивать тяжелые раны войны.

В один из рабочих дней в миссию прибыла женщина, которая отрекомендовалась врачом. Она предъявила документ, свидетельствующий, что работает в Мюнхене в секции Красного Креста при ЮНРА. Назвала имя и фамилию — Инга Шмидке. Это была немка, женщина средних лет, с привлекательной внешностью и хорошими манерами. По всему было видно, что она получила достаточно высокое образование и воспитывалась в интеллигентной среде. Вообще Шмидке производила впечатление открытой и добропорядочной женщины. Охотно рассказывала о своей семье и работе в ЮНРА.

— Так что вы хотели? — спросил Смирнов, привыкший к четким изъяснениям и не получивший вразумительного ответа о цели ее прибытия.

— Я имею поручение от руководства сопровождать вас, господин Смирнов, в больницу города Зальцнер, где находится на излечении советский гражданин, — заученно отрапортовала она, называя фамилии руководителей миссий.

— Скажите мне, что известно о больном, чем же он болен, когда заболел. В каком состоянии находится в настоящее время, — поинтересовался советский офицер.

— Я незнакома с его историей болезни и выполняю сейчас чисто благотворительную миссию Красного Креста, — ответила Шмидке.

В клинику прибыли в середине дня. О приезде Смирнова там был осведомлен персонал. Но Смирнова насторожило то, что лечебное заведение было обнесено высоким глухим забором и охранялось вооруженными полицейскими.

В кабинете, куда привели Смирнова с Ингой, их встретил мужчина в белом халате, отрекомендовавшийся дежурным врачом.

— Господин Смирнов, я в курсе цели вашего визита, — словно стесняясь, быстро пролепетал доктор. — Рекомендую пройти вам к лечащему врачу, который как раз сейчас и занимается интересующим вас пациентом.

— Благодарю, но я не смогу выполнить вашу рекомендацию, — спокойно ответил Смирнов.

— Почему?

— Не смогу, пока не ознакомимся я и доктор, прибывший со мной, с историей болезни.

Глаза дежурного врача забегали, как будто искали поддержки. Чувствовалось его сильное волнение и растерянность.

— Дело в том, господин Смирнов, что история болезни находится у лечащего врача, и вы на месте можете с нею ознакомиться.

— Я не согласен, а потому требую пригласить сюда вашего шефа и главного врача клиники, — настойчиво повторил советский офицер.

Такой тон фактического отпора насторожил и взволновал врача. Он стал лихорадочно куда-то звонить, но «телефоны молчали». Затем буквально выбежал из кабинета, ничего не сказав гостям.

Оставшись вдвоем, Смирнов спросил у Шмидке: «Как вы оцениваете ситуацию?»

— Если честно, то мне не нравится поведение врача, — откровенно ответила немка.

Через минут десять вернулся врач и сообщил, что шеф и главный врач на обеде и скоро приедут в клинику. Прошло почти полчаса, и они прибыли. Шульц — шеф клиники, главный врач Шнайдер. Шеф, протянув руку Смирнову, заметил: «Извините, что заставил вас ждать. Я не знал точного времени вашего приезда».

— Прежде чем встречаться с соотечественником, я хочу знать историю его болезни. Этого желает и мой врач, — нахмурив брови, процедил сквозь зубы Смирнов.

— Мне интересен диагноз вашего пациента, — подтвердила Инга.

— Разве вы не информированы, что ваш соотечественник Федотов болен проказой? — Шульц вопросительно посмотрел на Смирнова.

Военный контрразведчик был ошеломлен этой новостью. Врач Шмидке изменилась в лице и, виновато взглянув на офицера, односложно повторяла, что она ничего не знала о характере заболевания. Только теперь Смирнов сообразил — это очередная ловушка.

— С какой целью этого больного вы пригласили в клинику? — спросил Смирнов.

— Мы это сделали по настоятельной просьбе больного Федотова.

— Вы же врач и прекрасно знаете, что проказа — это особое инфекционное заболевание, общение с такими больными исключено, — со сталью в голосе вещал подполковник. — Как вы намерены осуществить нашу встречу с больным?

— Да, конечно, это самое страшное заболевание, но он, бедняга, так просил, так просил о встрече, — бормотал Шульц. —

Если все же вы пожелаете встретиться с больным, мы примем все меры безопасности. У нас есть специальные костюмы, и встреча будет происходить в комнате, отгороженной от больного толстым органическим стеклом.

— Хорошо, — сказал Смирнов, — готовьте все меры безопасности для комиссионного осмотра больного. В состав комиссии должны войти, кроме нас с доктором Шмидке, шеф клиники Шульц, главный врач Шнайдер, лечащий врач и представитель эпидемической службы города. А пока пригласите лечащего врача с историей болезни.

Через несколько минут принесли документы и фотографии больного. Шнайдер, передавая их доктору Шмидке, пояснил, что лечащий врач не мог прийти, так как находится в карантинной зоне, а поэтому не будет участвовать во встрече с больным в составе группы.

— Позвольте! Почему же тогда ваш дежурный врач пытался направить нас прямо к лечащему врачу? — с возмущением обратился Смирнов к Шульцу.

— Не может этого быть, — возбужденно произнес шеф клиники.

— Ну, тогда пригласите его сюда, и мы быстро установим истину, — заметил Смирнов.

Шульц, несколько растерявшись, распорядился немедленно вызвать дежурного, но его якобы на месте не оказалось — он вовремя ретировался. Как потом оказалось, это был не врач, а сотрудник полиции.

Врач Шмидке, просмотрев историю болезни, констатировала, что Федотов действительно болен проказой.

«Как же так, — подумал Смирнов, — получается, чтобы избавиться от меня, они хотели заразить этой неизлечимой болезнью? Но этот план провалился, и Шульц будет отрабатывать какой-то запасной вариант своей реабилитации. Надо же загладить неприглядную картину, которую он рисовал вместе с художниками из спецслужб».

★★★

Скоро все в составе указанной группы, облачившись в спецодежду, отправились в бокс к больному. Это была небольшая комната, перегороженная двухслойным стеклом, со столом с переговорным устройством.

Усевшись за столом, Смирнов за стеклом увидел какое-то чудовище. Все его открытые части тела были покрыты высоко

поднятыми струпьями. Он двигался по комнате и что-то жевал.

Когда представитель советской миссии поздоровался с ним, Федотов бодро и радостным голосом ответил: «Здравия желаю, товарищ Смирнов».

Он попросил разыскать его родственников и сообщить им о его несчастной судьбе. Смирнов записал все установочные данные и объяснил ему невозможность в настоящее время, при таком обострении болезни, его репатриировать на Родину.

Федотов с пониманием отнесся к словам советского офицера и грустно промолвил: «Да я и сам понимаю нереальность своей просьбы».

— Тогда скажите, кто вам посоветовал встретиться со мной?

— Лечащий врач Манфред, — последовал ответ.

Возвратившись в кабинет шефа клиники, Смирнов отклонил предложение Шульца выпить кофе. Сухо распрощавшись, вместе со Шмидке направился к машине. Всю дорогу на обратном пути Смирнов молчал. Он был возмущен этой гнусной провокацией. Шмидке сидела на заднем сиденье. Она сначала молчала, а потом расплакалась. Пришлось остановить машину и успокаивать ее. Шмидке только теперь поняла, какая смертельная опасность была уготована ей вместе с советским офицером, и призналась, что не знала о коварном плане. Ею решили пожертвовать ради достижения главной цели — это нравы западной цивилизации.

На следующий день Смирнов нанес визит руководителю ЮНРА и сделал ему официальное представление по поводу организованной провокации, которая провалилась благодаря грамотным действиям советского военного контрразведчика.

Шпионский наговор

Об интересном эпизоде в своей разыскной работе в годы войны рассказал бывший начальник Особого отдела Ленинградской военно-морской базы полковник в отставке Павел Гаврилович Ширинкин.

«Чекистская работа, — говорил он, — всегда работа с людьми, а люди, как известно, одинаковыми не бывают. Поэтому требуются знания не только юридических законов, но и психологии человека, изучение мотивов его поступков, механизма мышления и вскрытие причин, побудивших поступать так или иначе. Узнав причины, мы можем многое объяснить и в соответствии с этим принимать решение. Поступки же бывают подчас странными, можно даже сказать, противоестественными. Но это лишь внешне. На самом деле они имеют свою логику».

Сказано точно, ибо логика — это в лучшем случае здравый смысл, это умение доказать какую-то истину, в конце концов, логика — это бог мыслящих.

Это случилось весной 1943 года. После возвращения Павла Гавриловича из командировки ему доложили, что на военно-морской базе арестована шпионка — девушка-матрос Поворина. Она служила радисткой в частях ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи).

Из протоколов допросов вырисовывалась личность:

«Поворина, жительница Воронежской области, после окончания десятилетки приехала в Ленинград и поселилась у сестры. В институт она не попала. Вскоре началась война, и девушка осталась в Ленинграде. По месту жительства Поворину зачислили в команду МПВО (местной противовоздушной обороны). В ноябре 1941 года ее, раненную осколком снаряда и истощенную недоеданием, положили в госпиталь. Там ее навестил брат, который склонил Поворину уйти в Финляндию, где, по его словам, можно было бы отдохнуть и подкрепиться. Выписавшись из госпиталя, она так и сделала. С братом перешла линию фронта, но вместо ожидаемого отдыха оказалась в руках разведывательных органов противника.

Потом Поворину завербовали, отправили в разведывательную школу и, обучив обращению с рацией, вместе с напарником забросили с самолета в наш тыл. Это произошло в районе Волхова. Цель — сбор и передача сведений о передвижении войск. После приземления она закопала рацию вместе с парашютом, а сама стала пробираться к себе на родину, в Воронежскую область.

Летом сорок второго года Воронеж захватили гитлеровцы, и село, в котором жила Поворина, оказалось в оккупации. Немцы ее не трогали, потому что она рассказала о своей связи с финской разведкой и полученном задании.

Воронеж находился у немцев недолго. В самом начале сорок третьего года Красная Армия освободила его. Вскоре Поворину мобилизовали и направили служить связисткой на флот».

Ширинкин читал протоколы допросов и не мог отрешиться от мысли, что в чистосердечных «откровениях» девушки присутствуют элементы надуманности и элементарной фальши. Слишком легко все получалось, внезапно появился в госпитале брат, быстро уговорил сестру, она поддалась его внушению и легко перешла линию фронта, а там вербовка, обучение, переброска в тыл и, наконец, появление в Воронежской области. И это после ранения и дистрофии!

А с другой стороны, какой смысл наговаривать на себя, вешать такое особо опасное государственное преступление, как шпионаж, за которое во время войны, как правило, один вердикт — высшая мера наказания.

«Не могла же она не знать о последствиях в случае разоблачения, — размышлял оперативник. — Надо быть или глупышкой, или стервозой, чтобы пойти на этот преступный шаг».

Военному контрразведчику также бросились в глаза ее характеристики командования части, в которой служила Поворина. В них говорилось о необычайной смелости и находчивости девушки, ее самоотверженности в выполнении заданий. В то же время отмечались такие черты в характере, как замкнутость, неразговорчивость и практическое отсутствие подруг среди личного состава базы.

Перечитав еще некоторые бумаги дела, офицер вызвал ее на допрос. По его описанию, это была невысокая, довольно крепкая девушка, светлоглазая, большеротая. Черная суконная юбка до колен и фланелевая гимнастерка были хорошо, с любовью подогнаны по фигуре.

После обязательных вопросов — фамилия, имя, отчество, год и место рождения — Ширинкин попросил ее как можно подробней рассказать о себе. Ее рассказ полностью совпадал с материалами, которые имелись в деле. Затем он неожиданно для «шпионки» подвел ее к карте.

— Покажите, пожалуйста, где вы с братом перешли линию фронта? — спросил контрразведчик.

Несколько минут она стояла как бы в нерешительности, а потом указательным пальцем провела горизонтальную линию.

— Здесь? — Да!

— Случайно вы не ошиблись? — удивился Ширинкин, знавший, что в этом месте плотно располагались наши войска и сомнительно, чтобы там можно было незамеченно пройти.

— Нет, кажется, здесь, — зашептала она. — Меня вел брат, он не говорил, где мы переходили.

— Но, согласно вашей анкете, у вас нет брата.

Ширинкин внимательно посмотрел ей в глаза, которые тут же забегали, а бледные щеки стали постепенно наливаться краской с пунцовым оттенком.

— Это не родной брат, а троюродный, — медленно и даже несколько испуганно выдавила она в ответ.

— Как его фамилия?

Она назвала фамилию, имя, потом рассказала о разведшколе, не сумев назвать ни одного имени или клички преподавателей и слушателей, обучавшихся с ней.

— Вас на самолете забрасывали?

— На самолете, — с придыханием согласилась она.

— Какой марки был самолет?

— Не знаю…

— Ну, как, как он выглядел?

— Как наш «кукурузник».

— Где вы сидели в самолете, пока летели в тыл нашей армии? — неожиданно спросил офицер.

— Рядом с летчиком.

— А где находился ваш парашют?

— У меня на коленях…

— Как вы совершали прыжок?

— Когда летчик сказал, что нужно прыгать, я открыла дверь, встала на колесо и выпрыгнула.

— Где находилось кольцо для раскрытия парашюта?

— Кольцо? Какое кольцо? У меня, у меня его не было…

И вот после таких ответов Ширинкин понял, что Поворина не только никогда не прыгала с парашютом, но и самолета вблизи не видела. Все, что она рассказывала, — чистый вымысел. Она не могла сидеть рядом с пилотом по той причине, что у летчика неимоверно тесная кабина. Он сам сидит на парашюте.

Ширинкин сделал небольшую паузу в допросе. Взял в руку карандаш и покрутил его между большим и указательным пальцами, а потом смерил допрашиваемую с головы до ног цепким взглядом, спросил:

— Зачем вы придумали небылицы? Скажите, только теперь откровенно, все начистоту.

Поворина вздрогнула, как будто получила удар кнута. После этого вопроса она густо покраснела и опустила голову. Руки ее

стали заметнее дрожать. Оперативник увидел, что в душе у нее происходит отчаянная борьба, а вернее, борьба мотивов заканчивалась. Чувствовалось, что она созрела для правдивого ответа, надо было только не упустить этот момент.

— Ну, отвечайте чистосердечно, что произошло с вами, когда вы решились на эту чудовищную ложь, направленную, в первую очередь, против себя?

— Я… я не шпионка… Я никогда не летала на самолете и не прыгала с парашютом, — сквозь обильно хлынувшие слезы промолвила она. — Я все, гражданин начальник, придумала…

— Для чего? С какой целью? — не унимался контрразведчик.

Поворина продолжала рыдать.

— Ну, поплачь, поплачь, потом легче будет сказать правду о придуманной истории, — легкая улыбка озарила лицо контрразведчика, понявшего, что он нашел наконец-то ответ на эту редкую головоломку.

— Потому, потому, что я дезертир…

★★★

Потом после глотка воды она немного успокоилась и стала рассказывать, что уехала с сестрой из Ленинграда в конце сорок первого года, не поставив в известность МПВО, где проходила службу. То есть стала дезертиром. Она знала о приказе ВГК, в котором говорилось о суровом, вплоть до расстрела, наказании за дезертирство по законам военного времени. Поэтому девушка всячески скрывала и избегала расспросов о том, где она находилась весь сорок второй год. Когда же командир стал выяснять подробности ее биографии, она ничего лучшего не могла придумать, как сочинить байку о переходе линии фронта, вербовке финской разведкой и переброске в наш тыл со шпионским заданием. Ей, наивной, казалось, что ее, как агента, сначала посадят в тюрьму, но потом, по истечении какого-то времени, разберутся в явной ошибке и выпустят на свободу.

После этого чистосердечного признания чекистам пришлось все ее новые показания перепроверять. В результате бесед с сестрой, подругами, другими свидетелями, сопоставления документальных материалов было установлено, что она никак не могла находиться на финской стороне.

Интересно, что в ходе расследования удалось обнаружить приказ о награждении Повориной орденом Красной Звезды за ее самоотверженные действия в тот тяжкий период военного лихолетья в блокированном городе. О награде она не знала, так

как ее в ноябре сорок первого года, раненую и обессиленную от потери крови и голода, направили в госпиталь. Сестра же ее сумела выходить и с разрешения госпитального начальства вывезти на родину в Воронежскую область.

Что же касается дезертирства, то его в данном случае как такового не было, так как МПВО не были воинскими подразделениями и Поворина не давала присяги. Но этих тонкостей деревенская девушка не знала и не могла знать, а вот чувством долга она обладала. Именно это чувство и заставило ее решиться на несуразный шаг, который мог привести к трагическим последствиям, если бы не вдумчивая работа военного контрразведчика.

Вскоре Поворина была освобождена, а через некоторое время ей в Адмиралтействе был вручен орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Так «шпионку» отметило командование МПВО за ее труд на крышах Ленинграда. До конца войны девушка честно служила на флоте.

Вот и такие задачи приходилось решать сотрудникам СМЕРШа в деле розыска вражеских агентов. Вернуть человеку доброе имя — это тоже заслуга военной контрразведки!

Преступники в фельдмаршальских погонах

Если говорить о немецком генералитете в нашем плену, следует напомнить, что гитлеровскими войсками было взято в плен 80 советских комбригов и генералов, из которых 23 погибли. Генералов вермахта оказалось в советском плену в 5 раз больше, но о судьбах их мало кто знал — вся информация о них была засекречена.

Большая часть архивных документов, которые могли бы пролить свет на деятельность уже упоминаемого в книге специально созданного в системе НКВД еще в 1930 году Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД — МВД СССР), была закрыта для изучения. На грифах этих документов значилось «Совершенно секретно». Только в последние годы они стали частично «рассекречиваться», открывая подробности злодеяний немецкого генералитета.

Справочную картотеку на немецких военнопленных офицеров удалось завести только в октябре 1943 года. Необходимость такой работы вызывалась тем, что генералы и высшие должностные лица дипломатических, полицейских и карательных ведомств Третьего рейха вызывали особый интерес у органов армейской разведки и государственной безопасности. Они стремились удерживать их у себя как можно дольше, не передавая материалы в систему УПВИ.

Больше того, существовало даже своеобразное соперничество между органами военной контрразведки, МГБ и УПВИ в стремлении заполучить наиболее знаменитых и осведомленных генералов.

Много бед — массовых убийств и разрушений — оставили после себя гитлеровские захватчики на советской земле. Руководство ГУКР СМЕРШ НКО СССР поставило перед фронтовыми управлениями военной контрразведки не только задачу борьбы со спецслужбами противника и предателями, но и сбора данных о военных преступлениях руководителей вермахта и командующих полевыми войсками непосредственно на фронтах.

Наши граждане жили с верой, что враг будет разбит и победа будет за нами!

И вот, наконец, окончилась Великая Отечественная война, в ходе которой была полностью разгромлена государственная и военная машина нацистского рейха. Наступил час расплаты

фашистских главарей за совершенные ими злодеяния. Боязнь справедливого возмездия заставила покончить жизнь самоубийством Гитлера, Геббельса и Гиммлера, уже в Нюрнбергской тюрьме — Геринга.

Не ушли от ответа большинство наиболее активных соучастников бесноватого фюрера. Они предстали перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, были судимы и подверглись в 1946 году справедливому наказанию.

В феврале 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР осудила еще двух военных преступников — генерал-фельдмаршалов гитлеровского вермахта Эвальда фон Клейста и Фердинанда Шернера.

★★★

Эвальд фон Клейст родился в 1881 году.

Военная карьера Клейста началась с 1900 года, когда он вступил фаненюнкером в 3-й пеший артиллерийский полк, в 1919 году произведен в лейтенанты. И с тех пор он крепко связал свою судьбу с германской военщиной, считая, что военное воспитание внедряет отвагу при помощи страха. Во время Первой мировой войны занимал штабные должности. После войны служил в кавалерии рейхсвера.

С 1927 года — начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии (Бреслау), с 1931 года — командир 9-го пехотного полка (Потсдам). В 1932 году — командир 2-й кавалерийской дивизии. В этом же году Клейст впервые увидел Гитлера. С этого времени нацисты приглашают Клейста в качестве гостя на свои партийные съезды, пикники, тусовки, митинги. А уже в 1935 году он становится командиром 8-го армейского корпуса. Но Клейст, не меньше, чем нацисты, зараженный идеей мирового господства, как и военный министр Бломберг, не очень верил в способности фюрера. За это его и Бломберга немного «проучили»: в феврале 1938 года их вместе с другими генералами уволили в отставку.

По этому поводу на процессе, пытаясь найти для себя смягчающие обстоятельства, он скажет: «В этот день костяк армии был сломан, крючок, державший на запоре дверь, за которой скрывается война, соскочил. Лишь немногие услышали бряцание оружием».

Но кто поверит, что офицеры и генералы рейхсвера не хотели войны? Однако такие, как Клейст, нужны были нацистам. Будучи в отставке, он не сомневался, что еще понадобится Гитлеру, когда тот перейдет от слов к делу. Так и случилось, в августе Эвальда

вернули в строй и назначили командиром 22-го армейского корпуса, представлявшего собой танковую группу. Потом он в составе 14-й армии Листа будет участвовать в Польской кампании, а дальше — пошло-поехало: Львов, Сомм, Бордо, бросок к Ла-Маншу, завершение образования трагичного для англичан Дюнкерского котла, Житомир, Херсон, Никополь, Запорожье, Днепропетровск, Ростов-на-Дону, Кубань и Крым. Его войска участвовали в нападении в 1941 году на Югославию и подавлении там партизанского движения.

На территории подконтрольной ему группы армий «А» Клейст проводил целенаправленную политику по привлечению на сторону вермахта представителей различных народов СССР. В его войсках, по некоторым данным, состояло более 800 тысяч человек (карачаевцы, кабардинцы, осетины, ингуши, азербайджанцы, калмыки и другие, а также казаки). Танки Клейста рвались к кавказской нефти, и им удалось дойти до Терека. По мере военных неудач росло его недовольство тем, как ставка Гитлера осуществляла руководство операциями на фронте. Получая приказы непосредственно из ставки, Клейст не раз убеждался в отсутствии полководческих талантов у фюрера. Дважды, в сентябре 1943 года и в марте 1944 года, он просил Гитлера разрешить эвакуацию из Крыма отрезанных от суши немецких войск. Тот отказал, но спустя месяц был вынужден принять такое решение. Однако упущенное время обернулось слишком большими потерями…

После оставления Крыма и отступления на Южный Буг 30 марта 1944 года личный «Кондор» фюрера приземлился на аэродроме Клейста в Тирасполе, чтобы забрать главнокомандующего группой армий «А». Затем он полетел во Львов за Эрихом фон Манштейном. Вечером того же дня Гитлер вручил им по Рыцарскому кресту с дубовыми листьями и мечами и освободил их от должностей, а в апреле группа армий «А» была переименована в группу «Южная Украина». Итак, Гитлер отправил второй раз генерал-фельдмаршала Клейста в отставку, а вместо него назначил генерал-полковника Шернера.

На этой прощальной встрече Гитлер сказал, что одобряет все сделанное ими, но дни специалистов по тактике на Восточном фронте подошли к концу. Теперь ему требовались командующие, обладавшие способностью заставить свои войска сопротивляться до последней возможности.

Клейст воспользовался этой встречей, чтобы посоветовать фюреру заключить мир со Сталиным. Гитлер заверил его, что в этом нет никакой надобности, так как Советская армия уже почти истощила свои силы.

Со слов Клейста, во время встречи с Гитлером в ставке под Ангербургом он сказал Адольфу: «Мой фюрер, сложите с себя полномочия верховного главнокомандующего сухопутными силами. Занимайтесь внешней и внутренней политикой!»

Гитлер колючими глазами впился в лицо генерал-фельдмаршала и прошипел: «Не вы ли еще летом заявляли кое-кому из правительства, что война проиграна?»

В его вопросе звучала явная угроза. Этого разговора Гитлер не забудет до конца своих поганых дней. Но еще летом 1943 года Гитлер так выразился в своем близком окружении: «Я не могу доверять ни Клейсту, ни Манштейну. Они умны, но они не национал-социалисты».

20 июля 1944 года Клейст был арестован гестапо с обвинением в том, что знал о существовании заговора и не сообщил об этом. Однако затем генерал-фельдмаршала неожиданно освободили. 25 апреля 1945 года он был арестован американцами и вывезен в Лондон, где готовился к роли свидетеля в работе Международного военного трибунала в Нюрнберге. В сентябре 1946 года был передан Югославии и в августе 1948 года приговорен югославским народным судом к 15 годам каторжных работ. В марте передан СССР. Содержался во внутренней тюрьме МГБ, Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а затем во Владимирской тюрьме.

21 февраля 1952 года Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к 25 годам заключения в лагерях. Скончался Клейст 15 октября 1954 года во Владимире, по официальной версии, «от общего атеросклероза и артериальной гипертонии». Это был единственный из фельдмаршалов Гитлера, умерший в плену.

★ ★ ★

Фердинанд Шернер родился в 1892 году в семье офицера полиции. В 18 лет призывается в армию и зачисляется рядовым в Баварский лейб-гвардейский полк. Отслужив положенный срок, Шернер вышел в запас в звании младшего лейтенанта. До начала Первой мировой войны учился в Мюнхенском университете.

Когда началась война, он вернулся в Баварский полк, который вошел в состав германского альпийского корпуса, который сражался на Западном фронте, а в 1916 году принял участие в сражении под Верденом. Затем Шернер воевал в Румынии, Южных Карпатах и в Италии. Его девизом было умозаключение — если враг не угрожает, армия в опасности.

За успешные действия подчиненной ему роты горных гренадеров в 1917 году он был награжден высшим орденом Германии «За заслуги» («Pourle Merite»). В 1918 году был тяжело ранен и получил штабную работу. Войну закончил в звании старшего лейтенанта, вступил в добровольческий корпус, а затем был зачислен в рейхсвер. После того как Гитлер был освобожден в 1924 году из тюрьмы, Шернер стал активным сторонником нацистского движения. Он быстро продвигался по службе, но приблизиться к военной элите ему мешало мелкобуржуазное происхождение. После прихода Гитлера к власти Шернер получает звание майора и должность в генеральном штабе, где он прослужил до 1937 года, когда был назначен в звании подполковника командиром 98-го горного полка. Шернер принимал участие в кампаниях в Польше, Бельгии и Франции. В конце Французской кампании полковник Шернер командует 6-й горно-гренадерской дивизией, получает звание генерал-майора. Его дивизия вскоре перебрасывается в Грецию и принимает участие в штурме Афин.

После начала войны с СССР Шернер был переброшен в район Мурманска — с юга на север. Всю зиму 1941–1942 годов его полки вели оборонительные бои, не давая советским войскам продвинуться вперед. В январе 1942 года Шернер становится командиром корпуса «Норвегия», переименованного в 19-й горно-гренадерский корпус, и получает звание генерал-лейтенанта. В октябре 1943 года его переводят в Крым на должность командира 40-го танкового корпуса, ставшего вскоре «группой Шернера».

Когда Шернер принял командование группой армий «А», переименованной вскоре в «Южную Украину», вверенные ему войска на этом участке фронта, теснимые советскими воинами, спешно отступали. В это же время была разгромлена группировка армий «Центр», а части, входившие в группу армий «Север», тоже дрогнули.

И вот генерал-полковник Гейнц Гудериан, ставший к этому времени начальником Генерального штаба Сухопутных войск, 23 июля 1944 года этого «мастера оборонительных боев» рекомендует перебросить на группу армий «Север». Гитлер согласился, так как знал, что Шернер привык выполнять все распоряжения фюрера, даже если они были на грани возможного. От своих подчиненных он требовал тоже «драконовских методов руководства», и его жестокость с расстрелами и виселицами на некоторое время помогали Шернеру удержать фронт от развала. Но в конце концов большая часть его войск попала в окружение, образовав так называемую группировку «Курляндия», перемолотую нашими войсками в конце войны. Он, очевидно,

забыл или не знал поучений Наполеона о том, что война состоит из непредусмотренных событий.

В начале апреля 1945 года Шернеру было присвоено звание фельдмаршала, а 10 апреля он получил маршальский жезл лично из рук Гитлера. Он стал последним немецким военачальником, получившим это звание. 27 апреля фюрер охарактеризовал Шернера как «единственного человека, показавшего себя истинным военачальником на всем Восточном фронте», а на следующий день он подписал приказ о назначении Шернера главнокомандующим Сухопутными войсками.

Руководство в Берлине авантюрно надеялось на чудо, планируя при помощи Шернера спасти Германию, но, как говорится, перед сражением каждый план хорош, после сражения каждый план плох.

Части Шернера были окружены под Прагой. «Истинный военачальник», бросив свое войско, бежал. Его самолет совершил аварийную посадку в Восточной Австрии. Некоторое время он скрывался, но 18 мая 1945 года был опознан местными жителями и арестован американцами. Военная контрразведка СМЕРШ и советское командование разыскивали Шернера. Американцы передали пленника советским представителям.

По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР Фердинанд Шернер был осужден как военный преступник и приговорен к 25 годам тюремного заключения. Отсидев 10 лет, он 25 января 1955 года был освобожден и одним из первых вернулся в Мюнхен после заключения.

Но на родине дутый генерал-фелвдмаршал стал изгоем, так как благодаря рассказам генерала фон Нацмера он получил репутацию жестокого, но трусливого командира, бросившего своих солдат на произвол судьбы. Потом его стал преследовать «Союз возвратившихся военнопленных» за драконовское обращение с подчиненными и внесудебные их казни. В 1957 году Мюнхенский суд приговорил Шернера за эти деяния к новому тюремному сроку, но через 4,5 года он был освобожден. Умер в Мюнхене 6 июля 1973 года.

★ ★ ★

На процессе Шернер на вопросы отвечал по-солдатски, односложно. Защищался он довольно примитивно. Гитлер для него был и остался собственной совестью, а войну считал травматической эпидемией и каталогом по большей части грубых ошибок.

Клейст держался куда свободней. Он пространно рассуждал о принципе военных повиновению приказам, сваливал всю ответственность на Гитлера и Кейтеля. Он был держателем идеи Фридриха Великого, сказавшего когда-то, что если бы наши солдаты понимали, из-за чего мы воюем, нельзя было бы вести ни одной войны. И вообще считал, что войны не кончаются, они уходят лишь на отдых.

Что касается Клейста и Шернера, о собственных просчетах они всегда говорили менее охотно…

— Еще в 1943 году, — как писал полковник юстиции С. Мирецкий, — правительства СССР, США и Великобритании подписали в Москве декларацию об ответственности германских офицеров и солдат, а также членов нацистской партии за совершенные ими зверства. Основываясь на этом документе и в целях установления единообразных принципов судебного преследования военных преступников, Контрольный Совет в Германии издал закон, в котором определил, какие действия признаются военными преступлениями, преступлениями против мира и против человечности.

В соответствии с законом Контрольного Совета, являвшимся нормой международного права, Клейсту и Шернеру было предъявлено обвинение в активном участии при подготовке и ведении агрессивной войны против СССР. То есть обвиняли их в том, что вверенные им войска чинили на временно оккупированной территории Советского Союза и других стран зверства, совершали массовые разрушения и жестоко расправлялись с мирным населением под видом борьбы с партизанами. Эти действия признаны законом Контрольного Совета преступлениями против обычаев войны и против человечности.

Военным трибуналом Шернеру было предъявлено обвинение, что его войска на территории Советской Эстонии, Латвии, Украины, Молдавии и Крыма истребили большое число мирных граждан. Только в Эстонии немецко-фашистские захватчики, в том числе войска Шернера, расстреляли, повесили и замучили около 30 000 советских граждан, сожгли и разрушили 9200 домов, отобрали у крестьян и вывезли в Германию 107 000 лошадей. В Риге гитлеровские палачи уничтожили более 170 000 жителей. Очевидцы рассказывали, что в августе 1944 года в Дрейлинский лес под Ригой ежедневно прибывало по 150–180 автомашин с обреченными. Для ускорения «акции» профессиональные убийцы устроили своеобразный «конвейер»: первая группа гитлеровцев сбрасывала жертвы с машин на землю, вторая оглушала их ударами дубинок по голове, третья

раздевала, четвертая стаскивала к костру, а пятая пристреливала и сжигала.

На суде Шернер вынужден был признаться: «Я неоднократно знакомился с актами чрезвычайных государственных комиссий и признаю эти документы. Я изучал военную историю и считаю, что злодеяния немецких войск были самыми большими в истории войн и самыми страшными в истории человечества».

Когда войска Красной Армии теснили врага, освобождая Северный Кавказ, в 1943 году Клейст отдал приказ Об «экономическом очищении» Кубани, которым предусматривался вывоз всех продовольственных запасов, Скота, промышленных материалов и оборудования. Все ТО, что нельзя было вывезти, подлежало разрушению и уничтожению.

Только в Краснодарском крае в период оккупации было истреблено более 61 000 граждан, уничтожено около 64 000 промышленных и хозяйственных зданий и сооружений, изъято у колхозов и отдельных граждан более пяти миллионов центнеров зерна и муки, более 300 000 голов крупного рогатого скота, столько же свиней и лошадей. Было уничтожено около миллиона гектаров посевов, взорвано и разрушено 1334 школы, 368 театров и клубов, 377 лечебных учреждений.

Но, оказывается, ни Шернер, ни Клейст, ни их «честные солдаты» в этом не повинны. Все злодеяния творили войска СС и полиция.

Клейст по этому поводу на процессе заявил: «Я признаю свою вину только в том, что подчиненные мне войска при отступлении с территории Кавказа и Краснодарского края разрушили и подорвали все мосты, в том числе и железнодорожные, все железнодорожные вокзалы и пути, металлургические заводы. Всем войскам моей армейской группировки «А» были даны указания при отступлении уничтожать все, что может быть использовано войсками Советской армии в войне против нас».

Клейст и Шернер на суде придерживались двух линий защиты: во-первых, все злодеяния чинили СС, СД и гестапо, во-вторых, то, что было сделано войсками, вызывалось военной необходимостью. Но для наших юристов эти доводы были неубедительными. Ведь план нацистов уничтожить 30 миллионов славян не по силе был только карательным службам. Для «ускорения процесса утилизации унтерменшей» эта задача возлагалась и на вермахт.

К началу войны германские войска имели уже несколько директив о методах ведения войны против СССР.

13 мая 1941 года руководитель ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель издал приказ под названием «Распоряжение фюрера о

военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». В нем говорилось, что любой офицер вермахта получал право отдать приказ о расстреле каждого советского гражданина, подозреваемого в сопротивлении германской армии, и беспощадном уничтожении партизан. Командирам батальонов разрешалось предпринимать карательные акции против мирного населения. Военнослужащие германской армии, по существу, освобождались этим приказом от уголовной ответственности за преступления против мирных граждан.

23 июля 1941 года Кейтель подписывает следующий приказ. В главном его параграфе говорилось: «Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление станет караться не судебным преследованием виновных, а созданием такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая окажется достаточной для того, чтобы искоренить у населения намерения сопротивляться.

Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер».

Но самым преступным распоряжением, когда-либо изданным военными властями, был совершенно секретный «приказ о комиссарах», предписывавший поголовное истребление всех захваченных в плен политработников Красной Армии.

Надо отметить, что все эти три приказа адресовались не службе безопасности, СС или полиции, а непосредственно войскам. Комментарии, как говорится, излишни…

В своем последнем слове Клейст вызывающе заявил: «Я считаю, что со стороны советских органов власти ко мне не могут быть предъявлены никакие жалобы за злодеяния подчиненных мне войск…»

Шернер в последнем слове откровенно пытался разжалобить суд: «Сейчас я уже стар, и меня считают преступником за выполнение мною служебного долга. За время нахождения в тюрьме я понял все, и теперь мне тяжело сознавать, что на протяжении всей своей жизни я работал напрасно.

Я виновен в том, что в эту войну была вовлечена Россия, народы которой понесли большие жертвы. Но я прошу высокий суд учесть разницу между человеком, совершившим преступление несознательно, и преступником, который знает, что он совершает преступление».

Палачи Гитлера получили по заслугам. Это ли не серьезное предостережение тем, кто хотел бы повторить их путь!

Смерть под «Танго смерти»

Приснопамятные шестидесятые годы… Город Львов.

Молодым лейтенантом, выпускником Высшей школы Комитета госбезопасности, автор этих строк прибыл для прохождения службы в старинный западноукраинский город. Определили его для службы в 1 — й сектор Особого отдела КГБ при СМ СССР по Прикарпатскому военному округу. Хотя прошло более двух десятков лет после войны, но в Отделе еще продолжали служить те, кто прошел вместе с армейцами рядом огненными дорогами в контрразведывательных подразделениях под названием СМЕРШ. Седовласые капитаны и майоры (больших званий не могли заработать в силу «скромности» законодательства) дорабатывали до пенсии.

Это при Ельцине сплошь да рядом, как говорили сослуживец автора по ПрикВО, генерал-лейтенант в отставке Ф.И. Рыбинцев и некоторые другие фронтовики-смершевцы, на должностях старших оперуполномоченных стали появляться подполковники и даже полковники, в большинстве случаев не нюхавшие пороха и не видевшие «живого» шпиона.

И это нормально — времена другие, и надо радоваться, что нашему брату немного повезло с погонами. «А норма — это то, — как говорил английский писатель Сомерсет Моэм, — что встречается лишь изредка».

Наставники автора из вчерашнего СМЕРШа много интересного рассказывали о совместной работе с сотрудниками УКГБ УССР по Львовской области по розыску, задержанию и преданию суду группы изменников Родины. Они принимали активное участие в массовом уничтожении узников фашистских концлагерей и, в частности, в Яновском лагере смерти в пригороде Львова.

Их шестерых вылавливали как зверей, поодиночке. И вот эти звери на скамье подсудимых. Они, словно ожившие тени прошлого: В. Беляков, И. Зайцев, Н. Матвиенко, И. Никифоров, В. Поденок и Ф. Тихоновский то сидели, то вставали, потупив головы, боясь глазами встретиться со свидетелями своих грязных дел.

— В напряженной тишине, — как писал генерал-майор юстиции М.Токарев, — звучат слова обвинительного заключения: «В годы Великой Отечественной войны против фашистской Германии обвиняемые, находясь в плену, согласились служить у противника и были зачислены в охранные войска СС. Окончив специальную школу вах-манов в местечке Травники (Польша),

они под непосредственным руководством гитлеровских офицеров принимали личное участие в истязаниях и массовых убийствах советских людей, а также подданных оккупированных фашистами стран Европы».

От того, что рассказали автору о злодеяниях этих нелюдей офицеры-сослуживцы — майоры Зотов, Левашов, Мисников, Павлов и другие фронтовики, — делалось не по себе. Автор до сих пор хранит в памяти и в записях повествования полувековой давности.

Вахманы Матвиенко, Беляков и Никифоров в 1942–1943 годах принимали участие в массовых казнях путем расстрелов узников Яновского лагеря смерти. Примерно в то же время Зайцев в концлагере Собибор, а Поденок и Тихоновский в лагере Белжец на территории Польши уничтожали людей в душегубках. Обреченным приказывали раздеться и голышом по специальным проходам, огороженным колючей проволокой, гнали в газовые камеры. Больных, раненых и неспособных двигаться добивали. Зайцев лично из «парабеллума» застрелил 23 человека, а Поденок и Тихоновский — свыше 30 каждый.

Масштабы заплечных рук мастеров «впечатляли» — так, с марта 1942 года по март 1943 года обвиняемые удушили в газовых камерах в лагере Собибор свыше 50 ООО граждан, а в лагере Белжец — более 60 000 человек.

Почти 25 лет они скрывали свое подлинное лицо. Органы государственной безопасности выявили и разоблачили опасных преступников.

Предатели не думали, что окажутся под обстрелом свидетельских показаний. Некоторые очевидцы этих страшных картин лагерного пребывания, чудом оставшись живыми, помнили подсудимых не такими, какими они выглядели на скамье военного трибунала — постаревшими и внешне безобидными, а молодыми, сытыми, самодовольными, наглыми, бессердечными, с пистолетами или автоматами в руках, в черных эсэсовских мундирах со свастикой на рукавах. Лихо сдвинутые набок пилотки. Короткие голенища кованых сапог. Трупы и кровь, кровь и трупы — результаты их служебных рвений.

Так послушаем и мы показания палачей и жертв.

Подсудимый Матвиенко: «Немцы внушали нам, что Гитлер непобедим, что мы должны убивать заключенных во имя победы Германии. Я поддался этим внушениям и вместе с Беляковым, Никифоровым, другими вахманами расстреливал ни в чем не повинных людей… Комендант лагеря эсэсовец Вильхауз и его жена не раз стреляли в узников с балкона своего дома».

А вот показания бывшего узника Яновского лагеря смерти

Эдмунда Зайделя: «Первый раз гитлеровцы схватили меня во Львове в сентябре сорок второго года. Я родился в этом городе, учился здесь в школе, потом стал работать на заводе. Тогда, осенью сорок второго, мне едва исполнилось двадцать. Ничего не объясняя, немцы бросили меня в темный, сырой подвал. Когда стемнело, вывели во двор, вместе с пятью другими задержанными поставили к стенке и открыли огонь из автоматов. Те пятеро, обливаясь кровью, замертво свалились на землю. Но я остался жив: пули прошили стену рядом с моей головой.

Эсэсовский офицер Ляйбингер, руководивший расстрелом, не стал добивать меня, а заставил вырыть яму и закопать расстрелянных. После этого меня отправили в Яновский лагерь, созданный оккупантами на окраине Львова. Здесь содержались в заключении русские и поляки, чехи и евреи, французы и итальянцы, люди многих других национальностей. Там был настоящий ад, своего рода замкнутый круг за колючей проволокой, из которого не было выхода… да, ад, где дурно пахло и никто никого не любил.

Каждое утро гитлеровцы и вахманы устраивали проверки. Слабых и больных перед строем расстреливали, остальных уводили на работу. В пути следования в каменоломню и обратно узников заставляли нести тяжелые камни, связки кирпичей или бревна. Эта процедура называлась «приемом витаминов». Достаточно было споткнуться, чтобы получить пулю в затылок…

Рядом с бараками немцы построили две виселицы — для тех, кто не выдерживал лагерного порядка. Каждое утро на них находили повесившихся и повешенных… Никифоров, будучи пьяным, застрелил заключенного, который плохо себя почувствовал и не смог работать…

Мы понимали, что нас, заключенных, все равно расстреляют, поэтому готовились к побегу…»

Побег совершили 15 марта 1943 года. Из двенадцати £ живых остался только Зайдель, остальных убили эсэсовцы и их прихвостни из числа наших граждан.

Из показания свидетеля Станиславы Гоголевской — Узницы Яновского лагеря: «Первый комендант лагеря Фриц Гебауэр тяжелой нагайкой сбивал попавшего ему на глаза узника на землю, становился ему ногой на горло и душил… По его приказанию был брошен в котел с кипящей водой узник Бруно Бранштеттер.

Гебауэр находил наслаждение в том, что топил в бочке с водой детей. Сменивший его эсэсовец Густав Вильхауз и его жена Отиллия для забавы убивали заключенных в присутствии своей малолетней дочери; Та хлопала в ладоши, восторженно кричала:

«Папа, еще, еще!» В день, когда Гитлеру исполнилось пятьдесят четыре года, Вильхауз отобрал 54 узника и лично расстрелял их. Третий, и последний, комендант лагеря Варцок стал известен таким нововведением, как подвешивание узников вниз головой. Помощник коменданта Рокито цинично похвалялся, что он до завтрака каждый день убивает десять заключенных, иначе, дескать, у него нет аппетита».

Из показаний свидетеля Леопольда Циммермана: «В сорок третьем году я содержался в Яновском лагере и был зачислен в рабочую команду. Мы закапывали трупы убитых в «долине смерти» после массовых расстрелов. Беляков, Никифоров и Матвиенко много раз расстреливали людей. Они мелкими группами подводили к яме обреченных, заставляли раздеваться, а затем убивали из огнестрельного оружия.

Из показаний подсудимого Матвиенко: «При расстрелах эсэсовцы всегда торопили нас, требовали, чтобы мы действовали быстрее. Исполняя эти указания, мы не обращали внимания на плач женщин и детей, их просьбы о пощаде. Во время акций, то есть расстрелов, всегда играла музыка. Оркестр состоял из заключенных…»

Из показаний свидетеля Анны Пойцер: «Во время оккупации города мне пришлось работать в Яновском лагере посудомойкой на солдатской кухне. Немецкие офицеры и вахманы каждый день убивали заключенных во дворе лагеря. Однажды на кухню зашел эсэсовец и сказал, чтобы я помыла нож, лезвие которого было в крови. Я испугалась и оттолкнула его руку. Тогда он схватил меня и лезвием ножа стал водить по моему горлу. Я вынуждена была вымыть нож…»

В изданной в Берлине в 1958 году книге «СС в действии…» упоминается следующее: «В Яновском лагере были уничтожены 200 ООО мирных граждан. Наиболее изощренные методы жестокости применялись при этом истреблении, как то: распаривание животов и замораживание людей в кадках с водой. Массовые расстрелы производились под музыкальное сопровождение оркестра, состоявшего из заключенных.

Начиная с июня 1944 года немцы проводили мероприятия, направленные к тому, чтобы скрыть следы своих преступлений. Они выкапывали из земли и сжигали труппы, дробили кости в машинах и использовали их в качестве удобрения».

Руководить лагерным оркестром заставили арестованного львовского профессора Штрикса. Музыку написал тоже лагерный композитор. Когда Штрикс просмотрел ноты, то похолодел — грустная мелодия была похожа на похоронный марш. Узники назвали это музыкальное ггроизведение «Танго смерти», потому

что под эту мелодию в течение двух лет производились массовые расстрелы. За это время в лагере было загублено более 200 тысяч человек. В ноябре 1943 года Яновский лагерь был ликвидирован. В последний день его существования были казнены все музыканты из оркестра Штрикса.

Из показаний свидетеля Анны Пойцер: «Я видела, как все сорок музыкантов стояли в замкнутом круге на лагерном дворе. С внешней стороны этот круг тесным кольцом опоясали вахманы, вооруженные карабинами и автоматами. «Мюзик!» — истошно скомандовал комендант. Оркестранты подняли инструменты, и «Танго смерти» разнеслось по баракам. По приказанию коменданта на середину круга по одному выходили музыканты, раздевались, и эсэсовцы их с удовольствием расстреливали… Вот уж действительно, где нет закона, нет и преступления.

По мере того как под пулями фашистов падало все больше и больше музыкантов, мелодия затихала, глохла, но оставшиеся в живых старались играть громче, чтобы в этот последний миг нацисты не подумали, будто им удалось сломить дух обреченных. Представляю, насколько тяжело было профессору видеть, как погибают его друзья, рядом с которыми он прожил не один десяток лет.

Но Штрикс внешне ничем не показал своей слабости. Когда подошел его черед, профессор выпрямился, решительно шагнул в середину круга, опустил скрипку, поднял над головой смычок и на немецком языке запел польскую песню: «Вам завтра будет хуже, чем нам сегодня».

Из показаний подсудимого Зайцева — вахмана лагеря Собибор в Польше: «Когда приходил эшелон с обреченными, я, а также другие вахманы гнали их в газовые камеры. Среди заключенных было много женщин и детей, старых людей. После газирования мы щипцами вырывали у мертвых золотые зубы и коронки, отрывали пальцы, на которых были кольца. Затем отвозили трупы на специальных тележках в ров. При разгрузке из вагонов стариков и больных отводили в сторону под предлогом оказания врачебной помощи и там расстреливали…»

Из показаний свидетеля Алексея Вайцена — лагерь Собибор: «В начале 1943 года в лагерь приезжал рейхс-фюрер войск СС Гиммлер. Это была сугубо деловая поездка. Дело в том, что практика массовых расстрелов узников к тому времени, когда немецкая армия отступала, не удовлетворяла обер-палача из-за ее широкой огласки. Гиммлеру захотелось лично ознакомиться с эффективностью более мощных стационарных газовых камер и печей крематориев, которые в то время усиленно внедрялись в концлагерях.

Рейхсфюрер находил, что такой способ более удобен, экономичен и даже более гуманен. К приезду Гиммлера в лагерь доставили 300 девушек. Они несколько дней содержались в бараке. Когда приехал Гиммлер, узниц загнали в газовую камеру. Рейхсфюрер через стеклянный глазок наблюдал, как от действия угарного газа узницы умирали. Через 15–20 минут все было кончено. Гиммлер остался доволен. Он тут же от имени фюрера наградил коменданта лагеря Собибор Густава Вагнера медалью. Эсэсовцы говорили, что это была «медаль миллионера» господина Вагнера — за первый миллион уничтоженных жертв.

Это был жестокий человек… Он похвалялся, что его собака ест только человеческое мясо. Впрочем, Вагнер не был одинок. В лагере был еще один такой же, как он, «собачий фюрер» по фамилии Нойман. Он содержал целую свору свирепых псов, которые разрывали заключенных. Однажды, когда один узник заболел, Нойман натравил на него собак, которые его моментально растерзали. «В лагере нет больных, есть только живые и мертвые», — сказал эсэсовец…

Помощником «собачьего фюрера» был Зайцев, который на одном из допросов заявил, что некоторые вахманы наслаждались, когда убивали узников ударами дубин по голове.

Перефразировав слова Марка Твена, можно сказать, что все эти преступники не сидели в тюрьмах, но почему не сидели — неизвестно.

Военный трибунал вынес приговор — подсудимые Н. Матвиенко, В. Беляков, И. Никифоров, И. Зайцев, В. Поденок, Ф. Тихоновский за измену Родине и участие в годы войны в массовом уничтожении узников концлагерей приговариваются к расстрелу.

Президиум Верховного Совета СССР отклонил прошения осужденных о помиловании. Приговор был приведен в исполнение.

Предательство грязных рук

Интересную историю о ходе розыска вражеской агентуры поведал сотрудник СМЕРШа генерал-майор в отставке Анатолий Нестеров, которому довелось работать с начальником Особого отдела 2-й Ударной армии Шашковым.

Бригадный комиссар — майор госбезопасности Александр Георгиевич Шашков никакого отношения к измене своего командующего армии генерал-лейтенанта Власова не имел. Больше того, он знал его как военачальника, якобы грамотно организовавшего выход некоторых частей Юго-Западного фронта из окружения после оставления Киева и чуть ли не героя битвы под Москвой…

«Никогда не забуду, — писал Анатолий Михайлович, — как с помощью старого, опытного чекиста (в органах госбезопасности с 1923 года. — Авт.) бригадного комиссара Александра Георгиевича Шашкова мне, тогда еще молодому, неопытному оперативному работнику, удалось впервые в жизни разоблачить трех матерых немецких шпионов. Это было в самом начале 1942 года, накануне начала наступательной операции нашей 2-й Ударной армии.

Ко мне привели троих человек, которые заявили, что ночью под огнем бежали через реку Волхов с фашистской каторги. Их рассказ об обстоятельствах побега подтверждался целым рядом объективных данных: действительно, ночью немцы неожиданно открывали огонь, бросали осветительные ракеты, на одном из задержанных была прострелена шапка, на другом — ватник. Никаких противоречий в их показаниях не было. Я уже подумывал, не отправить ли их в тыл, на проверку — в это время много советских людей бежало от оккупантов.

Как раз ко мне в полуразрушенную хату зашел бригадный комиссар Шашков.

Он внимательно осмотрел их и задал несколько вопросов.

— Когда и на каком участке вы перешли линию фронта? — спросил майор госбезопасности.

Все трое ответили хором, словно заученным стихотворением, назвав точно время и место перехода.

— На какие работы вас привлекали немцы?

— На каторжных работах были, в каменоломнях — камни таскали, — последовал ответ одного из задержанных. Остальные закивали в знак согласия.

— Уведите их, — скомандовал Шашков, — а вы останьтесь, — обратился он к оперуполномоченному Нестерову.

Когда увели задержанных, Шашков заметил:

«Обрати внимание на руки «молодцев». Они у них просто грязные и, как мне показалось, никогда не видели камней. Вели их помыть, там, я так думаю, окажется разгадка этой загадки».

Когда Нестеров беседовал с задержанными солдатами, которые перед вторичным допросом неохотно вымыли руки, стало ясно — они вошли в противоречие с легендой о работе в каменоломне.

— Предательские руки, — процедил сквозь зубы один из разоблаченных лазутчиков.

«Тот к добру не правит, кто в делах лукавит, согнулся дугой, да и стал как другой, руки лижет, а зубы в оскале», — пришли на память Анатолию Михайловичу в тот миг русские пословицы, характеризующие остроту момента.

Эта «мелочь» помогла разоблачить трех крупных немецких шпионов-диверсантов, выходцев из числа белоэмигрантского офицерства, прошедших обучение в одной из разведывательных школ абвера.

А что касается дальнейшей судьбы А.Г. Шашкова, то при выходе из окружения в ночь с 24 на 25 июня 1942 года начальник Особого отдела 2-й Ударной армии попал под артиллерийско-минометный обстрел, получил ранение в руку с открытым переломом кости. Считая себя недееспособным и не желая быть обузой и обременять других, майор госбезопасности застрелился.

На командном пункте 382-й дивизии его заместитель капитан госбезопасности Соколов и комиссар роты Хрусталев уничтожили партийный билет, чекистское удостоверение и ряд других документов Шашкова перед тем, как выходить из окружения.

★★★

Надежным контрразведывательным обеспечением сопровождались и все другие крупные армейские и фронтовые операции. Особенно это ярко проявилось при подготовке и проведении прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года — операции под кодовым названием «Искра».

Вот еще один пример из фронтовой практики генерала Нестерова. В ночь на 15 января 1943 года патруль одного из заградительных отрядов на станции Жихарево обратил внимание на трех военнослужащих, которые вели себя подозрительно, неуверенно при общении, как бы чего-то опасаясь.

Старший патруля попросил предъявить документы, один из проверяемых показал командировочное удостоверение,

выписанное штабом 177-й стрелковой дивизии. В нем говорилось, что группу отправили за получением груза.

На вопрос, где находится штаб дивизии и какой груз они должны были получить, вразумительного ответа патрульные не получили. Это, естественно, насторожило наших военнослужащих, и они решили просмотреть их вещмешки. В первом же оказалась рация. После этого задержанных переправили в особый отдел, где они признались в своей принадлежности к немецкой разведке. Агентам абвера была поставлена конкретная задача — установить, какими резервами располагает командование Волховского фронта в ходе начавшейся наступательной операции.

Так благодаря бдительности простых советских воинов удалось задержать трех опасных разведчиков неприятеля и предотвратить утечку важной военной информации к противнику.

Всего в ходе проведения операции «Искра» на Волховском фронте армейскими контрразведчиками было разоблачено 45 вражеских агентов и не было допущено ни одного случая перехода наших военнослужащих на сторону противника, которые могли бы предупредить о готовящейся операции.

Интересна еще одна деталь — захваченные трофейные документы и допросы немецких военнопленных показали, что эта крупнейшая стратегическая операция явилась для гитлеровцев полной неожиданностью.

В этом тоже была доля ратного труда военных контрразведчиков.

★★★

Еще до снятия блокады армейскими чекистами были обезврежены сотни вражеских агентов и диверсионно-террористических групп, которым ставились задачи вплоть до физического устранения высшего военного руководства фронта.

Большую помощь оперработникам на местах в деле розыска немецкой агентуры оказали инструкции и дополнительные ориентировки, подготовленные 2-м Отделом ГУКР СМЕРШ НКО СССР, с перечнем подделок в фальшивых документах и правительственных наградах. Так, в недавно рассекреченной инструкции ГУКР СМЕРШ под названием «Материалы для опознания поддельных орденов и медалей СССР, которые изготавливаются немецкой разведкой» говорилось, что особое внимание немцы уделяют советским наградам для своей агентуры.

Ордена и медали снимались с погибших, отбирались у пленных. Но с учетом массовости забросок их стало не хватать, и немцы решили штамповать сами знаки доблести, пользующиеся большим доверием у советских граждан.

Как известно, в СССР ордена и медали делали из сплавов золота, серебра и платины в разных пропорциях. Гитлеровцы удешевили процесс изготовлением эрзацев. Как пример, немцы, отштамповав орден Красной Звезды, изобразили на нем фигуру красноармейца не в сапогах, а в ботинках. Медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» в СССР делались из серебра, а специалисты рейха их штамповали из латуни, покрывая тонким слоем серебра. На выпуклостях серебро быстро стиралось, и из-под него проступала латунная желтизна, что свидетельствовало о подделке.

Безусловно, наиболее ценной своей агентуре, отправляющейся за линию фронта, немцы «вешали на грудь» настоящие советские ордена и медали. Так, например, известному террористу «майору Таврину», выступавшему в роли заместителя начальника военной контрразведки 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта и получившему задание убить Сталина во время его выступления в Большом театре, фашистская разведка вручила настоящие ордена — Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. Эти награды принадлежали попавшему в плен и затем расстрелянному фашистами за несогласие сотрудничать с ними генерал-майору Красной Армии Ивану Шепетову.

Но это не спасло террориста от разоблачения. Немцы допустили очередной «ляп» — неправильно расположили ордена на гимнастерке «боевого майора», что оказалось первой зацепкой для советских контрразведчиков.

Проколы были у немцев и при изготовлении удостоверений личности, паспортов, пропусков и других документов, сшитых скрепками, изготовленными из нержавеющей стали. Наши документы скреплялись скрепками из простой проволоки, которая под воздействием атмосферных и температурных перепадов, а также соленого пота быстро ржавела.

Поэтому в настоящих документах можно было часто встретить коричневые пятна от ржавчины на сломе бумаги. Документы, изготовленные немцами, сверкали скрепками из нержавейки.

В первые годы войны удостоверения личности, красноармейские книжки, командировочные предписания, продаттестаты и прочие документы изготавливались самыми различными ведомствами. С образованием СМЕРШа в этом

вопросе был наведен жесткий порядок — унифицировалось изготовление основных форм документов военнослужащих. На каждый такой документ вводился контрольный листок с соответствующим опознавательным знаком, о котором знали только контрразведчики.

Именно таким образом летом 1943 года сотрудниками СМЕРШа был задержан и разоблачен фашистский террорист в форме советского офицера некто Савенков, имевший задание убить командующего войсками Ленинградского фронта генерал-полковника Леонида Говорова.

Террористический план был таков — он попросит у охраны допустить его к командующему якобы для передачи «важных материалов о противнике». При ознакомлении с удостоверением личности у Савенкова проверяющий офицер не нашел в нем тех самых «меток», которые должны были быть на подлинном документе. Своеобразный «камикадзе» был тут же задержан для выяснения личности, а потом и арестован. При немецком агенте, бывшем командире Красной Армии, попавшем в плен, а затем перешедшем на сторону врага, военные контрразведчики обнаружили весь арсенал экипировки террориста, готовящегося по заданию немецкой разведки убить фронтового руководителя.

★ ★ ★

Думается, не случайно начальником войск НКВД по охране тыла фронта было подготовлено донесение командующему войсками Ленинградского фронта. Это была своеобразная реакция на вскрытую военной контрразведкой попытку покушения немецкого террориста на жизнь командующего фронтом. В донесении приводился перечень мер по усилению работы в борьбе с этим злом.

ДОНЕСЕНИЕ

начальника войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта № 003606 командующему войсками фронта генерал-полковнику Л.А. Говорову о мероприятиях по усилению борьбы с вражеской агентурой и диверсионно-террористическими группами противника.

«20 июня 1943 г.

Доношу, что в целях эффективной борьбы с вражеской агентурой и диверсионно-террористическими группами противника частями войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта проводятся следующие мероприятия:

1. Усилен поиск путем систематической прочески скрытых

участков местности, землянок и других укрытий.

2. Производится массовая проверка всех населенных пунктов.

3. Обращено внимание на тщательную проверку документов на всех КПП, особенно у лиц, проезжающих через Шлиссельбург и Ладожское озеро, а также фильтрацию всех задерживаемых.

4. Проводится проверка состояния противодесантной обороны на всем участке фронта.

5. В процессе проверки состояния фронтового режима в гарнизонах производится также проверка охраны складов, штабов войсковых частей и других военных объектов.

6. Все части войск НКВД приведены в готовность для борьбы с парашютистами.

Железнодорожные мосты, другие сооружения, парки груженых вагонов, путепроводы, промышленные оборонные предприятия, телеграф и телефон охраняются частями 23-й железнодорожной дивизии НКВД и 1-й бригады войск НКВД по охране особо важных объектов промышленности.

Командирам этих соединений даны указания об усилении охраны всех принятых объектов.

Начальник войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта Генерал-лейтенант Степанов».

Изверги в капкане

Оккупационная политика гитлеровской Германии на территории СССР под названием «выжженной земли», сопровождавшаяся не слыханными ранее зверствами, истреблением мирного населения, разрушением городов и сел, вывозом сырья, продовольствия, различных ценностей, не могла оставаться не замеченной мировой общественностью.

СНК, МИД СССР неоднократно выступали с заявлениями, декларациями и нотами по поводу злодеяний и насилия захватчиков в отношении мирного населения и военнопленных. Сообщения Совинформбюро также обращали внимание на эту проблему.

Поэтому все более актуальной становилась задача документирования преступной деятельности гитлеровского оккупационного режима.

25 февраля 1942 года Л.П. Берия подписал приказ о направлении материалов (трофеи, кино- и фотоматериалы, письма, акты, свидетельские показания, протоколы допросов пленных немцев и пособников фашистов) о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Управление государственных архивов СССР и его местные органы.

2 ноября 1942 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Освобождение Краснодара проходило в рамках Северо-Кавказской наступательной операции. На Краснодарском направлении главная роль отводилась 56-й армии генерала А.А. Гречко. В боях за освобождение города сложили головы более 1800 воинов.

Как известно по материалам органов государственной безопасности, в том числе и военной контрразведки, в СССР в период войны и в послевоенный период было проведено несколько судебных процессов над гитлеровскими палачами и их прихвостнями — предателями из числа советских граждан: Краснодарский, Смоленский, Харьковский и ряд других.

Краснодарский процесс глубоко описал Н. Майоров в одноименной главе книги «Неотвратимое возмездие» под редакцией генерал-лейтенанта юстиции Максимова. Думается, те, кто занимался розыском военных преступников, понимали, что

они делятся на две части: те, кто сидит в тюрьме, и те, кто должен сидеть в тюрьме.

Города, который ему был знаком до войны, он не узнал в марте 1943 года после освобождения от фашистских оккупантов — Краснодар был разрушен. Он писал: «Я ходил по улицам и не узнавал их. Пожарища, развалины, руины. Были взорваны здания всех институтов, техникумов, библиотек, Домов культуры и сотни жилых домов.

Люди еще не успели избавиться от страшного кошмара, который им пришлось пережить. Они только и говорили о душегубке, оврагах, наполненных трупами людей, казнях детей…

Сначала душегубка появлялась на улицах города по пятницам, а потом курсировала каждый день. Особенно часто ее видели перед бегством гитлеровцев из Краснодара в январе 1943 года. Машина смерти спешила на окраину города и останавливалась у края противотанкового рва. Двери открывались автоматически, изнутри шел синеватый дымок. Вывалив десятки трупов людей на землю, фашисты сбрасывали их в ров, наскоро присыпали землей, и душегубка снова мчалась за очередной партией смертников…»

Вот неполный перечень злодеяний гитлеровцев и их подручных в Краснодаре:

— за два дня 21 и 22 августа 1942 года гитлеровцы истребили почти всех евреев, проживавших в городе;

— 23 августа 1942 года было уничтожено 320 больных, находившихся на излечении в краевой психбольнице;

— 9 октября 1942 года фашисты погрузили в машины 214 детей в возрасте от 4 до 7 лет, эвакуированных в город Ейск из Симферопольского детского дома, вывезли их за город, побросали в ямы и закопали живыми;

— на железнодорожной станции Белореченская фашисты заперли в два товарных вагона 80 советских раненых солдат и офицеров и сожгли их;

— по дороге от станции Белореченская до села Вечное были найдены 88 советских военнопленных, замученных и застреленных гитлеровцами;

— в селе Воронцово-Дашковское немецкие захватчики учинили дикую расправу над 204 пленными ранеными советскими военнослужащими. Их кололи штыками, им обрезали носы и уши;

— перед самым бегством из города гитлеровцы повесили на улицах 80 советских граждан и сожгли в камерах гестапо 39 арестованных;

— на Кубани за время оккупации немцы умертвили только

посредством отравляющего газа около 7000 советских граждан.

Сразу после освобождения Краснодара по поручению Государственной чрезвычайной комиссии (ГЧК) местными органами власти было начато расследование о совершенных преступлениях оккупантами и их сообщниками. Большую помощь в сборе данных о злодеяниях захватчиков оказали военные контрразведчики 56-й армии Северо-Кавказского фронта.

Оперативным составом, в частности, было установлено, что массовые преступления совершались по прямому указанию командующего 17-й немецкой армией генерал-полковника Руофа. Казнями руководили шеф гестапо Кристман, его заместитель капитан Рабе, а убивали, вешали, травили людей в душегубке офицеры гестапо Пашен, Босс, Ганн, Сарго, Мюнстер, Мейер, Сальте, Винц, гестаповские врачи Герц и Шустер, содействовали этому переводчики Эйкс и Шертерлан.

Активными помощниками палачей были изменники Родины В. Тищенко, Н. Пушкарев, И. Речкалов, Г. Мисан, М. Ластовина, Г. Тучков, Ю. Напцок, И. Котомцев, В. Павлов, И. Парамонов, И. Кладов, служившие в фашистском карательном органе — «Зондеркоманде СС-10-А».

Процесс начался 14 июля 1943 года в городском кинотеатре «Великан». В зал ввели 11 подсудимых — изменников, подручных фашистских палачей.

Из показаний Тищенко: «…в августе 1942 года я добровольно поступил на службу в немецкую полицию. А затем в порядке поощрения был переведен сначала на должность старшины «Зондеркоманды СС-10-А», а потом следователя гестапо…»

Одновременно он являлся действующим агентом гестапо. Идя по этим должностным ступенькам, Тищенко часто с другими нацистами выезжал на облавы и аресты советских активистов. На следствии чаще орудовал плетью, чем ручкой и словом, подвергая жертв изощренным пыткам: выворачивал им руки, колол булавками, выдергивал волосы и ногти, принимал участие в казнях, вталкивая сопротивляющихся наших граждан в душегубки.

Об одной посадке он рассказал следующее:

«Однажды в душегубку загнали 67 человек взрослых и 18 детей от одного года до пяти… В машину сначала посадили женщин, а потом, как поленья дров, начали бросать в них детей. Если какая из матерей защищала ребенка, ее тут же избивали до полусмерти. Один мальчик, когда его втаскивали в душегубку, укусил гестаповца за руку. Другой фашист убил этого мальчика, ударив его прикладом по голове».

Кроме того, он признался, что офицеры-гестаповцы Кристман,

Рабе, Сальге, Сарго и другие насиловали арестованных женщин.

Из показаний Пушкарева: «Я старался всячески выслужиться перед немецкими офицерами, чтобы они ко мне хорошо относились. Поэтому они назначили меня на должность командира отделения «Зондеркоманды СС-10-А».

Потом началась серия признаний…

Участвовал в расстреле 20 жителей Анапы, которых загнали в яму и расстреляли в упор из автоматов, и в удушении 11 детей в душегубке. После пыток людей выносили или выволакивали с обезображенными лицами, синяками, кровоподтеками, переломанными конечностями. В декабре 1942 года при побеге одной женщины он отдал команду стрелять в нее, а когда его подчиненный замешкался, выхватил у того винтовку и сам убил женщину.

Далее Пушкарев рассказал, как однажды подвыпивший следователь гестапо Винц проболтался о секретном приказе генерала Руофа, в котором предписывалось при отступлении из Краснодара разрушить город, истребить как можно больше граждан, остальных угнать с собой. Успешное наступление войск Северо-Кавказского фронта помешало гитлеровцам в полной мере осуществить этот преступный замысел.

Речкалов. В прошлом — растратчик и вор, дважды судимый и условно досрочно освобожденный, он признался, что, уклонившись от мобилизации в Красную Армию, в августе 1942 года добровольно поступил в немецкую полицию. Вскоре за ревностное служение гитлеровцам был переведен в «Зондеркоманду СС-10-А», где участвовал в облавах, арестах, допросах и расстрелах мирных жителей.

На вопрос председательствующего суда, почему он пошел на службу к немцам, Речкалов цинично ответил: «Искал работу полегче, а заработок побольше…»

Из показаний Мисана: «В августе 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а через 12 дней меня перевели в «Зондеркоманду СС-10-А». Нес охрану арестованных, неоднократно принимал участие в насильственной погрузке смертников в душегубку. Лично расстрелял местного гражданина Губского…»

Потом он стал агентом гестапо — входил в доверие к патриотам, выдавал их немцам, участвовал в арестах и расстрелах горожан.

Котомцев. Осужденный до войны за хулиганство на два года лишения свободы, бывший военнослужащий Красной Армии, он добровольно в сентябре 1942 года сдался в плен, совершив тем самым измену Родине. Поступил в полицию, а потом был принят

в «Зондеркоманду СС-10-А», в составе которой активно уничтожал советских людей. Принимал участие в трех карательных экспедициях против партизан. За связь с партизанами в станице Крымской участвовал в казни через повешение 16 советских патриотов.

Листовин. В прошлом кулак, перед войной поселился в Краснодаре и стал дожидаться прихода немцев, устроившись в Березанскую лечебницу. В декабре 1942 года принимал личное участие в расстреле 60 больных граждан. Он служил у гитлеровцев палачом — расстреливал лично земляков-кубанцев, ставя их на краю выкопанных ими ям. Стрелял по 4–5 человек. Таким образом, он уничтожил более сотни сограждан.

Напцок. Тайный агент гестапо. Добровольно поступил в полицию, а затем был принят в «Зондеркоманду СС-10-А». Выслеживал патриотов, выезжал на карательные экспедиции против партизан. По его наводке на хуторе

Курундупе были повешены несколько советских патриотов.

Почти та же картина предательства и злодеяний вырисовалась в показаниях Кладова, Тучкова, Павлова и Парамонова.

После слов перепуганных иуд настал черед очевидцев злодеяний подсудимых. Заговорили свидетели.

Из показаний Климовой: «Женщин, сидевших в нашей камере, приводили после допроса в таком состоянии, что их невозможно было узнать. Врезался в память страшный рассказ одной девушки, возвратившейся с допроса. Немецкие офицеры приказали раздеть ее и обнаженную привязать к столу. Завели патефон и, пока он играл, девушку били плетьми. Потом начался допрос. Поскольку она ни в чем не признавалась, палачи снова заводили патефон и снова жестоко избивали ее. Так продолжалось несколько часов…»

Головатый. У него был сын 17 лет, комсомолец. Его арестовало гестапо. С тех пор он не видел его. Лишь после того как оккупантов изгнали из Краснодара, отец нашел в противотанковом рву изуродованный до неузнаваемости труп сына. На голове кожа у него была вздернута ото лба к затылку вместе с волосами. «Волосы у него были густые, пышные», — тихо сказал свидетель и заплакал.

Корольчук и Талащенко. Они жили недалеко от свалки убитых. Душегубка ходила ко рву мимо окон их дома. Однажды машина застряла в грязи. Тогда фашисты и их прихвостни, сопровождавшие машину верхом на лошадях, стали выгружать трупы из машины на подводы и отвозить в ров.

Из показаний протоиерея Георгиевской церкви города

Краснодара Ильяшева: «На второй день после бегства немцев из Краснодара меня пригласили совершить погребальный обряд в семью фотографа Луганского. Только что привезли труп их единственного сына, убитого фашистами. Я не мог совершить обряд, слезы безудержно катились из глаз. Думалось о русских людях, безвинно погибших на своей родной земле от рук немецких извергов… Я свидетельствую перед миром, перед всем русским народом, что это дикие звери, и нет у меня слов, которые бы выразили всю ненависть и проклятие этим извергам».

Из показаний врача Краснодарской городской больницы свидетеля Козельского: «22 августа 1942 года в больницу прибыл немецкий врач — гестаповский палач Герц. Он поинтересовался, сколько больных и кто они. Потом он собрал в кабинете врача всех служащих больницы, снял с пояса револьвер, положил на стол и на ломаном русском языке спросил: «Коммунисты, комсомольцы, евреи есть?» Услышав, что среди врачей коммунистов и евреев нет, Герц продолжил: «Я немецкий офицер, мне приказано изъять отсюда больных. Немецкое командование приказало, чтобы больных во время войны не было. Все. Я приступаю к делу».

Всех больных партиями вывозили душегубкой и вываливали уже их трупы в противотанковый ров за городом.

Из показаний работницы краевой детской больницы Иноземцевой: «В больнице на излечении находились 42 ребенка. 13 сентября 1942 года в больницу приехала группа немецких офицеров: Эрих Мейер, Якоб Эйкс и другие. Они остались на несколько дней в больнице, шныряли по палатам, следили за детьми и медицинским персоналом. 23 сентября, выйдя на дежурство, я увидела во дворе большую темно-серую автомашину, внешним видом напоминавшую товарный вагон. Высокий немец спросил, сколько детей находится в больнице и кто они по национальности. Это был офицер гестапо Герц.

Приехавшие вместе с ним солдаты по его приказу начали грузить детей в автомашину. Одевать их не разрешали, хотя и сказали служащим больницы, что везут детей в Ставрополь.

Дети были только в трусиках и майках. Они сопротивлялись, молили о помощи, о защите, цеплялись ручонками за санитаров и врачей. Фашист Герц улыбался им, забавно шевеля усами. А потом дверь душегубки захлопнулась, заработал мотор…

Никогда не забуду, как маленькие дети, среди них были и годовалые, плакали, кричали, инстинктивно чувствуя, что над ними затевают что-то недоброе, страшное».

После изгнания немцев из Краснодара были вскрыты места погребения детей. Оно представляло собой месиво из детских

трупиков в майках и трусиках, на которых были штампы краевой детской больницы.

Из показаний свидетельницы Гажак, жившей поблизости со зданием, в котором размещалось гестапо: «Я много раз слышала женские крики и детский плач. Они раздавались из подвала. Часто заключенные слабым голосом просили: «Дайте хоть глоток воды». Когда часовой отвлекался, мне удавалось сунуть в окно через решетку кружку с водой или корку хлеба, и тогда я слышала взволнованные детские голоса: «Не пей, не пей. Оставь мне хоть немножко». Через забор я видела, как сажали заключенных в душегубку. Я видела, как пятилетняя девочка, не понимая, что происходит, кричала матери, которую фашисты волокли к зловещей машине: «Мамочка, я поеду с тобой!» Тогда один из немецких офицеров вытащил из кармана какой-то тюбик и смазал ей губы его содержимым, оказавшимся ядовитым веществом. Девочка затихла, и ее бросили в кузов душегубки».

После показаний свидетелей слово было предоставлено для оглашения заключения судебно-медицинской экспертизы. Для оценки того, что натворили оккупанты, достаточно привести несколько только фраз из этого заключения: «Трупы располагались в ямах, представляя клубки человеческих тел… Судебно-медицинские, судебно-химические и спектроскопические исследования с бесспорностью установили, что причиной смерти в 523 случаях было отравление окисью углерода, а в 100 случаях — огнестрельные ранения головы и грудной клетки».

На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года военный трибунал приговорил Тищенко, Речкалова, Пушкарева, Напцока, Мисана, Котомцева, Кладова и Листовину к смертной казни через повешение, а Парамонова, Тучкова и Павлова — к каторжным работам сроком на 20 лет каждого.

Знаменательно было то, что именно в этот день было подписано Постановление СНК СССР № 415–138 сс о создании Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР.

В газете «Правда» от 19.07.1943 появилась короткая заметка: «На городской площади Краснодара 18 июля приведен в исполнение приговор над восемью иудами-предателями, пособниками гитлеровских разбойников, Свою позорную жизнь злодеи закончили позорной смертью.

Не уйдут от суровой расплаты и их подлые хозяева, гитлеровские палачи. Суровое советское возмездие настигнет всех фашистских зверей, мучителей русского, украинского, белорусского и других народов Советского Союза!»

С этой знаменательной даты начался путь легендарного

СМЕРШа, завоевавшего право считаться лучшей военной контрразведкой в мире того времени, вчистую разгромившего спецслужбы Третьего рейха — от абвера идо РСХА…

«Переиграть» сотрудников СМЕРШа удалось лишь Джеймсу Бонду, да и то только в кино.

Но СМЕРШу осталось тоже недолго жить. В 1946 году он прекратил свое существование. Как сказал кто-то из великих людей, иногда настоящая схватка начинается на пьедестале почета. Если вы проживете достаточно долго, вы увидите, что каждая победа оборачивается поражением. В 1951 году был арестован бессменный руководитель СМЕРШа генерал-полковник В.С. Абакумов, а в 1954 году незаконно расстрелян. Второе поражение победители ощутили в августе 1991 и октябре 1993 годов, когда не стало страны-победительницы.

Резидент ошибся

Участник Великой Отечественной войны, сотрудник СМЕРШа майор в отставке Федор Гасилов вспомнил один из эпизодов своей оперативной работы по розыску вражеской агентуры среди местного населения.

«С первых дней войны и до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады я служил в особых отделах частей Ленинградского фронта…

В феврале 1944 года, когда наши войска освобождали Ленинградскую область от фашистских оккупантов, я работал старшим следователем в особом отделе 67-й армии. Именно тогда мне удалось разоблачить резидентуру абвера, оставленную в районе Сиверской, где располагался аэродром авиации нашей армии…»

В производстве военного контрразведчика Гасилова находилось в то время несколько дел на немецких пособников — старост, полицаев и других предателей. Руководство и приказы требовали работать и с другими категориями подозрительных лиц и свидетелями недавних событий. Один из местных жителей поселка Сиверская по фамилии Спирин в беседе с чекистом признался, что в декабре 1944 года он был завербован немецким офицером для выявления партизан и их связей среди местного населения.

— Кому вы должны были передавать собранную информацию? — вполне логично спросил старший следователь.

— Когда немцы покидали Сиверскую, офицер передал меня Пинкину, проживающему в совхозе «Белогорка», — спокойно ответил несостоявшийся агент.

— Какое вы получили задание от гитлеровца?

— Наблюдать за передвижением наступающих советских войск.

— Что можете сказать о Пинкине? — поинтересовался Гасилов.

— Пинкин по профессии портной, живет в собственном доме. Во время оккупации у него квартировали германские офицеры из местной комендатуры. С одним из них сожительствовала дочь Пинкина, которую немец увез с собой при отступлении. Сам Пинкин тоже собирался уехать с немцами, как говорится, «в тыловом обозе».

Гасилов поинтересовался, были ли у Пинкина друзья, знакомые, родственники, которые могли помогать ему, на что Спирин заметил, что, по его мнению, в поселке наверняка

остались люди, связанные с ним, которые могут выполнять такие же задания, какое немцы поставили

и ему. Он стал перечислять эти связи Пинкина…

★ ★ ★

Прошло несколько дней, и старший следователь СМЕРШа по своим делам отправился в Сиверскую. Дело было обычное — допросить свидетеля о преступной деятельности одного немецкого пособника. Местный житель оказался разговорчивый, охотно отвечал на вопросы военного контрразведчика.

— Скажите, а как вели себя другие местные жители по отношению к немцам? — спросил Гасилов.

— По-разному, — последовал ответ, — многие тихо себя вели. Смелые граждане ушли в партизаны. А вот у Пинкиных в доме жили немцы. Поэтому его дом и самого его не тронули.

— А Пинкин, наверное, уехал с фрицами?

— Нет, он здесь, — неожиданно, на радость чекиста, ответил допрашиваемый. — Ему фашисты и лошадку подарили — до этого был безлошадным, строчил только на своем «Зингере». Соседей обшивал.

«Неужели резидент ошибся? — подумал Гасилов. —

Что же делать? Как мне его задержать и доставить в отдел?»

И контрразведчик придумал. Он решил встретиться с Пинкиным, отрекомендовавши себя начальником обоз-но-вещевого снаряжения одной из летных частей, ищущим портного для нужд части…

Вскоре Гасилов был уже в доме предателя. Познакомились по легенде.

— Вы, говорят, портной?

— Да! А что?

— Мне нужно обшить обносившихся за годы блокады в Ленинграде наших летчиков — не могли бы помочь? Дело за оплатой не станет.

Жене немецкого пособника предложение советского офицера понравилось, и она стала уговаривать мужа согласиться на такую «наваристую работу».

— Я взят на учет в военкомате, — «откровенничал» предатель, — готов идти на фронт защищать Родину, чтобы добить немецкую гадину. Сколько горя она принесла нашим людям.

«Пой, пой, петушок, скоро и ты попадешь в мешок, — в рифму подумал Федор. — Его как-то надо вытащить из берлоги,

но как? Он очень осторожен. Прекрасно понимает, что сильно наследил».

Мысль лихорадочно кружила, работая на холостых оборотах, и вдруг достойная идея пришла в конце беседы.

— А где размещается ваш военкомат? — спросил контрразведчик.

— Недалече… да тут рядом.

— Ну, вот, давайте завтра там и встретимся.

— Лады, — ответил ничего не подозревавший немецкий резидент.

На этом «тепло» распрощались. Пинкина грели мысли мыслями о хорошем приработке, а Гасилов отправился в военкомат, чтобы договориться с его начальником о действиях против «призывника».

Гостиниц в городке не было, пришлось заночевать у своего коллеги — оперативного уполномоченного военной контрразведки, обслуживавшего подразделения Сиверского аэродрома.

Спать, правда, не пришлось. Это была ночь кошмара для охотника за резидентом. Всякие мысли лезли в голову — одна страшней другой.

«А вдруг предатель догадался, что я его пасу, — размышлял про себя Федор, заложив руки за голову и вперив глаза в низкий потолок. — Не должен, повода никакого ему не давал. Говорил с ним мягко. Главное, заинтересовал в барыше. Неужели резидент ошибся?..»

Наутро, чуть свет забрезжил в небольшом оконце, Гасилов поспешил к военкому. По его приказу представитель военкомата стал заполнять бумагу о передаче «призывника-портного» прибывшему офицеру-«покупателю». Через некоторое время Федор заметил, как на санях-розвальнях во двор военного учреждения въезжает Пинкин с супругой.

«Неплохо же ты, предатель, поработал на немцев, — подумал военный контрразведчик, — если они не только твой дом не тронули, но и лошадкой снабдили…»

★ ★ ★

— Процедура передачи и приема призывника, — рассказывал отставной майор, — была недолгой. Пинкин попрощался с женой, и мы пешком отправились по большаку, ведущему из Гатчины в Лугу. Настроение у меня было на уровне: мол, без особых затруднений прихватил резидента противника и веду его туда,

где тому и положено быть. Однако через несколько минут произошло неожиданное событие. По моему сигналу остановился грузовик ЗИС-5, доверху загруженный ящиками. Я подсадил своего «подопечного», а сам попросил водителя остановиться у поворота на Толмачево. Но сесть в кузов не успел, едва стал ногой на заднее колесо, как шофер дал газ. Падая, я сильно ушибся. Поднявшись, что-то прокричал вслед удаляющемуся грузовику, но меня никто не услышал. Получалось, что мой резидент укатил на автомашине.

В дальнейшем Гасилов выяснил, почему же Пинкин не попытался остановить машину. Оказалось, что «условный арестант» сел спиной к заднему борту, через который Федор хотел взобраться в машину, и не заметил, что «тыловик» упал. Он был уверен, что сопровождающий забрался в кабину к водителю, и страшно удивился, когда машина остановилась у поворота на Толмачево, а его не было.

— На попутке я пустился вдогонку и увидел «беглеца» у поворота на Толмачево, — вспоминал Федор Гасилов. — Он стоял в растерянности и ждал меня. И опять я подумал, в который раз резидент ошибся.

Они доехали до Толмачево, где предателя поместили в камеру предварительного заключения. На другой день Пинкина под конвоем отправили в Гатчину, где старший следователь Федор Гасилов приступил к его допросам.

Задержанный, конечно же, был обескуражен. Он не мог прийти в себя из-за того, как его задержали.

На первом же допросе он признался, что действительно гитлеровцы оставили его в качестве резидента армейской разведки, передав четырех агентов, в том числе и Спирина. Проведенные очные ставки с ним и другими агентами подтвердили показания резидента. Подробно остановился Пинкин на полученном задании — сборе данных о перемещениях воинского контингента Красной Армии, типах базирующихся на аэродроме советских военных самолетов и сборе других секретных сведений.

С учетом важности дела завершить его Гасилову не удалось — дело передали в следственный отдел фронта.

За задержание и разоблачение фашистского резидента старшего следователя Федора Гасилова наградили орденом Красной Звезды.

★★★

Основа победы в розыске агентуры противника состояла в наступательном характере работы органов СМЕРШа во взаимодействии с территориальными органами госбезопасности. Это наиболее ярко проявилось в ходе контрразведывательных операций, получивших название «радиоигры», о которых написано уже немало хороших книг.

В ходе радиоигр помимо решения чисто контрразведывательных задач до немецкого командования доводилась дезинформация, специально подготовленная советским Генеральным штабом. Это помогало добиваться побед на фронтах с меньшими потерями.

В сентябре 1942 года на территорию Борисоглебского района Ярославской области немцы забросили двух агентов — «Карла» и «Дубеля». Они оказались патриотически настроенными гражданами, бывшими военнослужащими и явились с повинной в местные органы.

Следствие показало, что, находясь в плену, они окончили разведывательно-диверсионную школу и получили задание выявлять в Ярославле и его окружении наличие оборонительных объектов, аэродромов, воинских частей, характер грузов, следующих по железной дороге, объем выпускаемой продукции промышленными предприятиями города и области. В последующем они использовались территориальными органами совместно с оперативным составом военной контрразведки СМЕРШ в операциях по дезинформации противника и выводу на нашу территорию еще нескольких агентов немецкой разведки.

Успешно решать контрразведывательные задачи помогало население и бойцы истребительных батальонов, созданных из числа местных жителей.

Так, во время приземления на парашютах немецкие агенты Родионов, Шушпанов и Самбуров были замечены колхозниками, которые сразу же сообщили о них в органы НКГБ. В сентябре 1942 года под населенным пунктом Кукобоем учительница Нина Кордюкова обнаружила шпионское снаряжение, а днем позже с помощью колхозников чекисты задержали двух военных, оказавшихся вражескими диверсантами.

В сентябре 1943 года колхозница Прасковья Цветко-ва в Пошехонском районе, проявив выдержку и находчивость, помогла задержать двух немецких агентов — Качусова и Никитина.

Следует заметить, что на основе всех сведений, полученных органами СМЕРШа от зафронтовой агентуры, опроса арестованных, просмотра трофейных документов и иных данных, составлялись обобщенные списки вражеских агентов. Все они объявлялись во всесоюзный розыск.

За годы войны с 1941 по 1945 год в розыске находилось около 30 ООО военных преступников.

Как уже говорилось, одной из важных задач органов госбезопасности в годы войны было выявление работавших на захваченных территориях официальных сотрудников и агентов немецких специальных органов, а также лиц, сотрудничавших с врагом.

Так, к маю 1943 года только в Калининской области местными органами ГБ совместно с сотрудниками СМЕРШа было выявлено и разоблачено около 600 немецких агентов и вражеских пособников…

Цифра-разоблачитель

Участник Великой Отечественной войны генерал-майор в отставке Леонид Георгиевич Иванов, ветеран военной контрразведки и легендарного СМЕРШа, член Совета ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ РФ, как-то на встрече с коллегами поделился одной фронтовой историей.

Это произошло в ходе проведения разыскной работы.

Начиная с 1943 года абвер несколько изменил тактику заброски своей агентуры. Если раньше он практиковал пешие переходы через линию фронта, то именно с этого временного рубежа стал активно перебрасывать свою агентуру на нашу территорию, в тылы Красной Армии, воздушным путем.

«Помню, — рассказывал Леонид Георгиевич, — на 3-м Украинском фронте, в состав которого входила наша 5-я армия, на территории Молдавии, в районе Тирасполя, мы получили сигнал от одного пастуха. Он поведал о том, что в прифронтовой полосе в районе Фрунзенское слышал в ночное время гул самолета и наблюдал, как приземлялись несколько парашютистов…»

Такой информации руководство военной контрразведки фронта придало самое серьезное внимание. Надо отметить, что в это время войска готовились к Ясско-Кишиневской наступательной операции, и заброска группы немецких парашютистов вызвала, естественно, у командования тревогу.

руководством УКР СМЕРШ НКО 3-го Украинского фронта, в частности его начальником — генерал-майором Ивашутиным, было поручено Леониду Георгиевичу Иванову возглавить работу по поиску и задержанию парашютистов. Вся эта деятельность проводилась по линии и силами отдела контрразведки 5-й армии.

«Все хорошо — будем искать, — рассуждал руководитель поиска. — А если пастух этот говорит неправду? В таком случае мы зря тратим время и силы. Но если мы не отреагируем, то упустим немецких шпионов».

Иванову несколько раз пришлось разговаривать с пастухом.

На последней встрече оперативный работник строго спросил:

— Вы не ошиблись?

— Нет, товарищ начальник, — последовал ответ.

— Так вам можно верить?

— Да! Клянусь — говорю правду!

Только после этого группа разыскников выехала в район предполагаемой высадки, чтобы, как говорится, на месте искать вражеских парашютистов. Группа состояла из опытных армейских

контрразведчиков, хорошо знавших повадки и действия таких непрошеных гостей, которые, как правило, закапывали свои парашюты на склоне оврагов или прятали в густых кустарниках. Стали тщательно осматривать местность. Особое внимание офицеры обращали на овраги, свежие земляные бугорки, взрыхленную почву, примятую траву возле кустов.

Вскоре на одном из склонов оврага контрразведчикам удалось обнаружить закопанными пять парашютов.

А дальше встал вопрос: как и где искать? Примет особых нет, следов тоже не видно. Решили сотрудники СМЕРШа разделиться и создать четыре оперативные поисковые подгруппы, которые были направлены на четыре стороны. Каждой подгруппе, возглавляемой офицером военной контрразведки, Ивановым была поставлена задача: опрашивать местных жителей, не видели ли они посторонних, которые своим поведением вызвали бы подозрение, и выявлять следы возможного пребывания парашютистов во время привалов.

На второй день поиска одной из подгрупп удалось получить первичную информацию от косаря о подозрительном поведении двух человек в красноармейской форме.

А чем они вам не понравились? — спросил военный контрразведчик, возглавлявший группу.

— Я спросил у них, откуда они идут? Они ответили, что из Глинного, но указали другое направление. Село Глинное находится в противоположной стороне, — бойко ответил косарь.

— Что еще они говорили?

— Ничего, больше молчали, только вот угостили сигаретой. Я давно таких «вкусных» не курил.

И вот тут руководителю группы стало ясно, что сигарета, возможно, импортная, в условиях военного времени была роскошью — элементарной махорки, и той не хватало.

— Не могли ли вы припомнить какие-то приметы, особенности в их облике? — неожиданно спросил офицер.

— Красноармейцы как красноармейцы… Подождите, подождите… На вещмешке одного из бойцов написано чернильным карандашом «23», — пояснил бдительный косарь.

Так родилась основа дальнейшего розыска агентов-парашютистов. Со слов фронтовиков, на войне был такой порядок, получая вещевой мешок, каждый красноармеец надписывал на нем либо свою фамилию, либо ставил какую-либо цифру. Это помогало не перепутать свой вещмешок с чужим.

Теперь перед сотрудниками СМЕРШа встал очередной вопрос розыска — по числу «23». В первую очередь решили проверить запасные полки, которые были созданы при каждой армии. Туда

поступали солдаты по мобилизации, из госпиталей после ранений и болезней, вышедшие из окружения и проверенные военной контрразведкой, призванные на освобожденной от оккупантов территории и прочие. Их по соответствующим программам определенное время обучали военному делу, а потом маршевыми ротами отправляли в действующие полки и дивизии.

В ходе активных разыскных мероприятий в 194-м запасном полку 54-й армии был обнаружен вещмешок, помеченный числом «23».

При проверке красноармейской книжки его хозяина было установлено, что скрепки изготовлены из нержавеющей стали. Этот признак, широко входивший в практику опознания вражеских агентов, усилил подозрения. Вскоре парашютиста задержали.

— Как вы оказались в этой части? — спросил оперативный работник.

— После выписки из военного госпиталя в Тамбове, — довольно-таки смело ответил солдат. — Я находился там после осколочного ранения в ногу.

— Покажите ранение.

Солдат оголил голень, на которой действительно был розоватый шрам, свидетельство недавнего ранения.

— Что собой представляет здание госпиталя? — опять поинтересовался офицер.

Задержанный военнослужащий четко обрисовал контуры здания.

— На каком этаже вы лежали? Какой номер вашей палаты? Кто был лечащий врач? Назовите имя вашей медсестры? — не унимался смершевец.

На все каверзные, как казалось, вопросы солдат бойко ответил чекисту.

Срочно запросили по ВЧ сведения из Тамбова. Как и ожидалось, все рассказанное «раненым красноармейцем» было неправдой, хотя он продолжал настаивать, что лечился в госпитале и никакой он не агент-парашютист.

И только после того, как был привезен свидетель — косарь и проведена очная ставка, он признался, что является агентом гитлеровской разведки. Тут же дал подробные показания на четырех остальных шпионов (установочные данные, приметы, звания и прочее).

В течение нескольких дней все остальные агенты были задержаны и разоблачены. Один из них, «капитан», успел получить направление в отделе кадров армии в оперативный отдел штаба 32-го стрелкового корпуса!

По пути в штаб он был «снят» с кузова грузовика. Двое остальных оказались диверсантами и имели задание взорвать важный железнодорожный мост в районе Балты. Они попали в засаду, устроенную возле моста. У агентов-парашютистов были изъяты магнитные мины большой разрушительной силы, оружие, радиопередатчики, большое количество советских денег.

Таким образом, за одну неделю была ликвидирована опасная, хорошо подготовленная группа агентов и диверсантов.

Участники операции — сотрудники СМЕРШа, участвовавшие в розыске, были представлены к правительственным наградам. Добрым словом вспоминали косаря, запомнившего число на вещмешке одного из парашютистов.

Палачи — Еккельн и Арайс

Органы военной контрразведки с первых дней войны не только внимательно следили за деятельностью прибалтийских националистов, вставших сразу же после оккупации Латвии на путь вооруженной борьбы против Советской власти, Красной Армии и евреев, но и всячески противодействовали вместе с партизанами их преступным поползновениям. Красно-бело-красные знамена и такой же расцветки нарукавные повязки латышских легионеров мелькали в карательных операциях на территории Прибалтики, Белоруссии и Украины.

По данным российских архивов, против советских партизан, мирных граждан, военнопленных Красной Армии действовало 27 латвийских батальонов. В Румбульском лесу руками карателей-латышей были уничтожены около 38 тысяч человек. Латвийские легионеры действовали не только в Латвии. Так, в 1942 году карателями 2-й латвийской бригады СС были сожжены деревня Федоровка Чудского района Новгородской области и село Осино. Ими же проводились массовые поджоги и расстрелы в населенных пунктах Лубницы, Осец, Кречно в 60 км северо-западнее Новгорода, а также в лагере для военнопленных в Красном Селе под Ленинградом. В массовых расстрелах и поджогах участвовал личный состав 19-й латышской дивизии СС, которым за период с 18 декабря 1943 года по 2 апреля 1944 года было уничтожено 23 деревни и расстреляно более 1300 человек. На Украине каратели 22-го Даугавпипсского полицейского батальона безжалостно действовали в районах Житомира и Луцка; 23-го Гауйского полицейского батальона — в районах Днепропетровска и Керчи; 25-го Аравского — в районах Коростеня и Овруча, а 28-го Бартского — в районе Кривого Рога.

Еще до образования эсэсовских частей в Латвии в 1941 году солдаты 21-го латышского полицейского батальона расстреливали лиепайских евреев в Шкедских дюнах, а каратели из 18-го латышского полицейского батальона «прославились» массовыми казнями евреев в городе Слоним на территории Белоруссии.

Оставили свои следы латышские легионеры и в Польше. По данным немецкого генерала Штропа, они участвовали в операции по уничтожению Варшавского гетто в 1942–1943 годах.

Уже через несколько дней после начала Великой Отечественной войны, а именно 26 июня 1941 года, руководитель СД и Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрер СС и генерал полиции Рейнхард Гейдрих

направил всем командирам «айнзатцгрупп» директиву. В ней предписывалось «не препятствовать устремлениям по самоочищению со стороны антикоммунистических и антиеврейских кругов на оккупированных территориях».

Пресса тут же поддержала «великое начинание арийцев». Латышская газета «Тевия» от 11 июля 1941 года писала: «Еврейские грехи очень тяжелы: они хотели уничтожить нашу нацию, и поэтому они должны погибнуть как культурная нация».

Тот, кто писал эти строки, наверное, хорошо знал взгляды Гитлера по этому вопросу, сказавшего однажды, что «чем решительнее будет расправа с евреями, тем быстрее будет устранена опасность большевизма. Еврей — это катализатор, воспламеняющий горючие вещества. Народ, среди которого нет евреев, вернется к естественному миропорядку…»

Вскоре появляются «лесные братья» — отряды самообороны, а 10 февраля 1943 года, когда фашистам стало невмоготу от второй подряд холодной зимы и проигранных горячих сражений за Москву и Сталинград, фюрер подписывает приказ о создании Латышского добровольческого легиона СС.

Для оказания ему помощи в Ригу направляется в качестве руководителя рейхскомиссариата Остланд титулованный нацист обергруппенфюрер СС и генерал полиции Фридрих Еккельн, отличавшийся особой жестокостью.

Так, по собранным сотрудниками УКР СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта данным, к моменту вступления в Прибалтику советских войск в ней осталось лишь около 1,6 % довоенного еврейства, а к началу декабря 1941 года, согласно отчету СС — айнзацгруппы «А», в Латвии было уничтожено уже более 35 ООО евреев. А за всю войну из более чем 80 ООО латвийских евреев уцелело только 162 человека. Массовое этническое уничтожение проводилось как немецкой администрацией, так и ее сатрапами из местного населения.

Одним из местных палачей был некий Виктор Арайс — юрист по профессии, сколотивший так называемую свою полицейскую команду, помогавшую нацистам в борьбе с партизанами, евреями и просоветскими элементами.

К моменту вступления гитлеровцев в Ригу 1 июля 1941 года «команда Арайса» захватила оставленное здание управления НКВД и таким образом заявила о себе как о реальной силе. Немцы оценили «поступок» некогда лояльного советской власти юриста и реорганизовали его команду в «латышскую вспомогательную полицию безопасности». Оправдывая оказанное доверие, эта банда во главе с Арайсом 4 июля сожгла заживо в рижской Большой хоральной синагоге около полутысячи евреев.

Этот зверь во плоти убивал, вешал, насиловал. После расстрелов бандиты «премировались» вещами казненных, прочим местным жителям эти вещи запрещалось брать под угрозой расстрела. В некоторые дни, оказывая помощь фашистам, они расстреливали до 2000 человек, то есть практически на пределе физических возможностей палачей.

В уже упоминаемой рижской газете «Тевия» появилась статья под заголовком: «Борьба против жидовства», в которой говорилось: «Наконец пришло время, когда почти все нации Европы научились распознавать своего общего врага — жида. Почти все народы Европы начали войну против этого врага как на полях сражений, так и в деле внутреннего строительства. И для нас, латышей, пришел этот миг…»

Вскоре после этой публикации националисты из «команды Арайса», выслуживаясь перед немцами, 8 декабря 1941 года провели расстрел детей, находившихся в одной из местных больниц, под предлогом того, что большинство из них были евреями…

Следует заметить, что армейские чекисты не только устанавливали дислокацию разведывательных органов противника и их спецшкол, внедряя туда свою агентуру, но и собирали данные о злодеяниях германских оккупантов и местных фашистов.

Начальник Управления военной контрразведки СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенант Н.И. Железников лично инструктировал оперативный состав о необходимости проведения этой работы.

24 августа 1944 года он предложил подготовиться и провести операцию по захвату рижского разведывательного отдела северной армейской группировки противника «Абверштелле-Остланд». 13 октября эта операция была успешно осуществлена группой, возглавляемой капитаном СМЕРШа Михаилом Андреевичем Поспеловым. Подробности этой операции описаны в моей книге «СМЕРШ в бою».

В ходе захвата документации этого «осиного гнезда» удалось получить не только данные о вражеской агентуре на территории Риги и Латвии в целом, но и пролить свет на факты в организации террора и массовых убийств местного населения. Они легли в основу обвинения фашистских генералов на Рижском уголовном процессе в 1946 году.

★★★

Рейхскомиссару земель Остланд Еккельну принадлежали слова из изданного за его подписью приказа:

«…Пленных комиссаров после короткого допроса направлять мне для подробного допроса через начальника СД моего штаба. С женщинами-агентами или евреями, которые пошли на службу к Советам, обращаться надлежащим образом».

«Подробный допрос» и «обращение надлежащим образом» означало одно — истязания, пытки и в конечном счете расстрел или повешение. Кровавый список преступлений на советской земле Еккельн и его подручные открыли в начале декабря 1941 года в Румбульском лесу около Риги. Тогда при участии команды Арайса было уничтожено около 25 тысяч евреев.

В 1942 году Гиммлер вызвал Еккельна в Летцен (Восточная Пруссия) и потребовал от него активизировать работу в Саласпилсском концлагере, располагавшемся в 20 км от Риги.

— Надо очистить Прибалтику от низшей расы — литовцев. После окончательной победы национал-социализма необходимо будет германизировать тех латышей и эстонцев, которые хорошо проявят себя на работе в пользу Германии. Всех остальных использовать на работах в рейхе. Освободившееся пространство заполним немцами. Что касается русских — это отсталая, некультурная, нисколько не способная руководить большим государством низшая раса. От евреев надо очистить Прибалтику, уничтожив их всех до единого. В Сапаспилсский лагерь будем свозить выловленных евреев из европейских стран. Как вы думаете решить проблему их утилизации? — неожиданно спросил Гиммлер.

— Самый эффективный метод ликвидации человеческой массы — расстрел, а для острастки живых — повешение.

— А что намереваетесь делать с детьми? Я знаю, там у вас целый детский сад, — ощерился рейхсфюрер СС.

— Да, детей много, мы их отделяем от матерей, и они живут в отдельном бараке… Тесноты не будет, — цинично улыбнулся Фридрих.

— Желаю удачи, действуйте, — завершил шеф СС. — Не забывайте о партизанах. Их надо полностью вытравить из лесов. Хайль Гитлер!

И уже в феврале — апреле 1943 года Еккельн руководил проведением крупной карательной антипартизанской операции «Зимнее волшебство» на севере Белоруссии. В ходе этого кровавого действа латышские, литовские и украинские коллаборационисты расстреляли и сожгли несколько тысяч мирных жителей и более десяти тысяч были вывезены на работу в Германию.

Саласпилсский лагерь площадью около тридцати гектаров был обнесен тремя рядами колючей проволоки. Узники размещались в бараках по 400–500 человек. Существовали детские бараки, в том числе для грудных, санитарный барак, где умерщвляли больных и раненых.

Дело в том, что, когда изможденные люди с больными и замученными детьми прибывали в лагерь, ребят тут же забирали у матерей и поселяли их в детский барак, предварительно заставляли помыться холодной водой. Естественно, тут же начинали свирепствовать простудные заболевания. В бараках было холодно. Никакой медицинской помощи не оказывалось, поэтому дети находились в состоянии маленьких животных, лишенных даже примитивного ухода. Немецкая охрана ежедневно выносила в корзинах трупики детей, погибших мучительной смертью. Их сбрасывали в выгребные ямы, сжигали на кострах или закапывали в лесу близ концлагеря.

Однако каждый день в барак приходили нацистские врачи и отбирали молодую кровь у несчастных ребят для подпитки «живительным эликсиром» солдат вермахта. Тут же с ними проводили разного рода биологические «лечебные» эксперименты.

В Саласпилсском лагере было уничтожено более 100 000 человек, в том числе фашисты и их латышские приспешники замордовали около 35 000 ни в чем не повинных детей разных национальностей.

★ ★ ★

Банда Арайса разрасталась. Вскоре она была поделена на роты. Немцы теперь стали разрешать им выезжать «на гастроли» с карательными акциями в Белоруссию и Россию. От рук арайсовцев в общей сложности погибло около 26 ООО евреев. «Заслуги» Арайса по достоинству оценил Берлин. В 1942 году Гиммлер присвоил ему звание штурмбаннфюрера СС, а в июле 1943 года он был награжден крестом «За боевые заслуги» с мечами, ни разу не побывав на фронте. Вояжи команды Арайса в восточные земли Польши и северо-западные районы Белоруссии и России сопровождались трупами расстрелянных, повешенных, изнасилованных, сожженных в домах и живьем закопанных местных граждан. В одном из белорусских сел Арайс, ворвавшись в избу, заметил плачущего младенца. Он выдернул его из колыбели и, схватив его ножки, разорвал пополам…

Даже нацисты уступали в жестокости банде Арайса. Среди

своих земляков он тоже отметился казнями отлавливаемых дезертиров и уклонистов. Бандиты бахвалились: «Там, где команда Арайса побывала, трава не растет». Сотрудник команды Арайса — Эриньш кичился тем, что лично расстрелял 2500 человек.

Вечером 30 ноября 1943 года они вместе с сотрудниками полиции охраны и порядка немецких войск СС посетили еврейское гетто. Они врывались в квартиры, стаскивали людей с кроватей и тут же расстреливали, детей кололи штыками. Всего за «ночь острых штыков» было убито более 700 человек.

Интересная деталь — никто, и даже из членов команды Арайса или сотрудников полиции и порядка, не имел права без разрешения коменданта посещать гетто. Квартиры убитых евреев стояли открытыми с мебелью, бельем и одеждой. Несмотря на запрещение, латышские легионеры и арайсовцы ночами неоднократно пробирались сквозь проволочные заграждения и грабили квартиры. Иногда дело доходило до вооруженных конфликтов между немецкими часовыми и грабителями. Скоро жены полицейских стали ходить по улицам Риги в чужой одежде.

Часть награбленного имущества, которым брезговали немцы, свозилась на сборный пункт — во дворец бывшего латвийского президента доктора Карлиса Ульманиса, где оно охранялось латышскими полицейскими как фондовый материал.

★ ★ ★

Большинство из этих материалов были получены военными контрразведчиками УКР СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта, руководимого генерал-лейтенантом Железниковым, ставшим через двадцать лет моим начальником факультета в Высшей школе КГБ при СМ СССР.

Что же дополнительно собрали армейские чекисты?

Были систематизированы способы убийства в Саласпилсском концлагере — страшные и мучительные:

— нанесение смертельных травм тупыми твердыми предметами;

— голод и инфекционные заболевания;

— отравление больных детей и взрослых мышьяком;

— впрыскивание различных веществ — в основном детям;

— доведение до шокового состояния в ходе проведения операций без обезболивания, в том числе ампутации конечностей;

— частое выкачивание у детей крови вплоть до наступления смерти;

— применение огнестрельного оружия и массовые расстрелы;

— пытки;

— смерть от рваных ран, нанесенных собаками охраны, которых натравливали на узников;

— тяжелый бесполезный труд, в виде переноса земли с места на место, сопровождаемый побоями;

— изнуряющий физический труд, дополнительно сопровождаемый взятием крови, доводимый до обморока;

— казнь через повешение;

— смерть в душегубках — специальных газовых камерах, установленных в автомашинах;

— закапывание заживо в землю;

— убийство путем раздробления голов прикладами — способ, прямо предписанный инструкцией по лагерю для убийства детей «в целях экономии боеприпасов»;

— с матерями-узницами в лагере дети находились недолго. Немцы выгоняли всех из бараков и отбирали детей. От горя некоторые матери сходили с ума. Детей в возрасте до шести лет собирали в отдельном бараке, где не заботились о лечении заболевших корью, а усугубляли болезнь купанием, после чего дети умирали за 2–3 дня.

Победу в Риге и Латвии принесли воины 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Собранные военными контрразведчиками — как оперативниками, так и следователями СМЕРШа фронтов — сведения о злодеяниях немецких и латышских фашистов в Латвии легли на стол военного трибунала Прибалтийского военного округа.

Согласно «Акту об истреблении детей в Саласпилсском лагере» от 5 мая 1945 года, среди методов «трудового воспитания» практиковалось наказание ударами дубинками по спине: «За удовлетворительную работу раз в неделю наказывали десятью ударами по голой спине, за плохую — десятью ударами ежедневно. Оценка «очень плохо» означала смерть через повешение.

Пока люди не были слишком истощены, редко бывали даже телесные наказания. Понемногу положение менялось. Тяжелая работа, сильные морозы, плохая одежда, голод брали свое. Скоро многие заключенные едва держались на ногах, шли на работу, шатаясь.

Вытаскивая бревна из воды, люди падали и там же оставались. Их безжалостно пристреливали.

Комендант лагеря Краузе занимался следующими развлечениями: когда у него было плохое настроение, он садился на окно своего кабинета и стрелял в проходивших заключенных.

Так в 1944 году им были застрелены заключенная Реут и многие другие, в том числе Тоня Федорова из Москвы…»

В лагере смерти Саласпилс только в период с 18 мая 1942 года по 19 мая 1943 года мученической смертью погибли около трех тысяч детей в возрасте до пяти лет. Тела их были сожжены и захоронены на старом гарнизонном кладбище недалеко от лагеря. Большинство детей подвергались выкачиванию крови.

На судебном следствии Еккельн, давая показания, признал: «В Саласпилсский концлагерь прибывало по два-три эшелона с евреями каждую неделю. По мере поступления эти партии ликвидировались. Так беспрерывно продолжалось с декабря 1941-го по середину 1942 года. В каждом эшелоне насчитывалось не менее тысячи человек. Я предполагаю, что всего нами было расстреляно до восьмидесяти семи тысяч евреев, прибывших в Саласпилсский лагерь из других стран».

В начале 1946 года военный трибунал Прибалтийского военного округа рассмотрел дело 7 представителей немецких вооруженных сил — генералов Еккельна, Руфа, фон Монтетона, Киппера, Вертера, Павела и полковника Бекинга. За совершенные злодеяния против человечности, глумление над мирным населением и особую жестокость суд всех семерых фашистов приговорил к высшей мере наказания — повешению. Рижские газеты того времени опубликовали, что 3 февраля 1946 года приговор был приведен в исполнение.

Что же касается судьбы другого палача — Арайса, то он еще до момента капитуляции Германии сумел пробраться в американскую зону оккупации, где осел под фамилией жены как участник войны. Некоторое время проживал в США после того, как 1 сентября 1950 года Вашингтон заявил, что более не считает латышских эсэсовцев военными преступниками и не будет их преследовать. Несмотря на это, ряд подручных «команды Арайса» были разысканы израильскими спецслужбами в Латинской Америке, арестованы и казнены. Палача напугала настойчивость Тель-Авива, и он перебрался в ФРГ. Вскоре он был и там установлен. После неоднократных требований представителей СССР и Израиля власти ФРГ 10 июля 1975 года все-таки арестовали бандита и он предстал перед судом. На суде своей вины он не признал и в содеянном не раскаялся. Однако под тяжестью улик был приговорен к пожизненному заключению и умер в тюрьме Кассау.

Несмотря на окончание войны, армейским чекистам СМЕРШа, территориальным органам ГБ и милиционерам приходилось воевать с открытым «вторым потайным фронтом» недобитых приверженцев гитлеризма, выпестованных на идеях

махрового национализма. Именно в первые послевоенные месяцы в ходе агентурно-опера-тивных мероприятий на территории Латвии было обнаружено 38 тайных складов с оружием и боеприпасами. Из этих мест хранения изъято:

— 38 пулеметов;

— 101 автомат;

— 6 минометов;

— 357 мин;

— 2750 гранат, а также большое количество винтовок, пистолетов и боеприпасов.

В Прибалтике еще долго стреляло необнаруженное оружие непойманных «лесных братьев».

Немецкая берлога для «крота»

Начало 1944 года ознаменовалось новыми победами Красной Армии. От врага было освобождено почти три четверти оккупированной советской земли. Наша армия окончательно похоронила планы вермахта удержать Восточный фронт на «голубом рубеже» Днепра. И все же теснимый на Запад, в сторону Третьего рейха, враг был еще силен. Именно в этот период спецслужбы фашистской Германии, понимая остроту момента и стратегическую несостоятельность руководства вермахта, с новой силой активизировали заброску разведчиков, диверсантов и террористов. В тылы наступающих наших войск направлялись, как говорится «по воздуху и посуху», тысячи вражеских агентов, представляющих серьезную угрозу полкам, дивизиям и армиям…

Начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР Виктор Семенович Абакумов был непоседой, а если четче и правильнее — человеком действия. На фронтах бывал часто, а вот в кабинете засиживаться не любил, хотя нравилось читать за большим столом с зеленым абажуром настольной лампы докладные записки и шифровки с успехами своих подчиненных на фронтах невидимой войны.

Здесь, на бумаге, она, эта война, проступала явственней, показывая в коротких, отточенных фразах замысловатые ходы армейских чекистов по розыску и обезвреживанию шпионов, диверсантов и террористов. Горечь промахов военных контрразведчиков также близко принималась к сердцу, и вместе с сотрудниками Центра готовились рекомендации, как их избежать в будущем. Прямых виновников срыва операций, особенно начальствующего состава, шеф СМЕРШа не жалел — наказывал по всей строгости законов военного времени, рядовой оперативный состав уважал и никогда не повышал голоса.

В годы войны начальник контрразведки не раз рисковал жизнью, выезжая на фронт, где предпочитал лично знакомиться с работой подчиненных — в боевой обстановке.

Его машину однажды атаковал «мессершмитт» в районе Великих Лук. И только чудо спасло Абакумова и его охрану от неминуемой гибели. Немецкий воздушный стервятник вел себя, как коршун, гоняющийся за полевкой, то взмывал вверх, то закладывал крутые виражи, то стремительно падал с поднебесья в пике. Машина была в буквальном смысле изрешечена. К счастью, все обошлось благополучно.

В 1944 году «виллис» Виктора Семеновича обстреляли бандеровцы. Это случилось в тылу тринадцатой армии 1-го

Белорусского фронта на Ровенщине. Но в этот раз бандиты ранили адъютанта начальника контрразведки. И снова Виктора Семеновича спасло какое-то чудо.

Примерно то же самое событие произошло с генералом Ватутиным 29 февраля 1944 года. Командующий фронтом, отработав в штабе 13-й армии, выехал с охраной в 8 человек и членом Военного Совета генералом Крайнюковым в соседнюю 60-ю армию. Около восьми часов вечера недалеко от села Милятын на колонну штабных автомашин напал отряд бандеровцев. В ходе боестолкновения генерал армии Ватутин получил смертельное ранение, и, несмотря на срочную доставку раненого в Киевский госпиталь, врачи не спасли ему жизнь — произошло заражение крови.

В этом же году от рук повстанцев погиб и командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1 — го Украинского фронта генерал-лейтенант А. Штевнев.

В одну из «инспекционных» поездок в Управление КР СМЕРШ Абакумов буквально учинил разнос руководству и потребовал в короткий срок очистить тылы фронта от бандитов.

На сетования начальника УКР СМЕРШ фронта генерал-майора Осетрова Николая Алексеевича о недостаточности сил Абакумов прореагировал резко. Он заявил, что к операциям надо тщательно готовиться и проводить их немедленно вместе с войсками, пока они не двинулись на Запад. Вскоре эта задача по зачистке тылов и коммуникаций частично была выполнена силами одной кавалерийской дивизии, усиленной 20 бронеавтомобилями и 8 танками. Она была проведена в марте 1944 года на территории Киевской, Житомирской и Ровенской областей. В начале 1944 года СМЕРШ 1-го Украинского фронта вскрыл ряд подпольных организаций, арестовав до 150 их участников.

★ ★ ★

В этот теплый по-весеннему день 1944 года Абакумов сидел в своем кабинете, периодически погружаясь в воспоминания недавнего вояжа к Осетрову.

«Толковый начальник, — рассуждал Виктор Семенович, — но учиненную ему встряску заслужил. Понимаю, ему на этом участке трудно, а кому сегодня легко. В Прибалтике разве спокойно, а в войсках Ленинградского фронта — у Быстрова легко?»

Его взгляд скользнул по кипе непрочитанных шифровок, от чего глаза прищурились, а усталое лицо поморщилось. Рядом с

этой горкой бумаг лежала тонкая стопка директивных документов: приказы, директивы, указания, ориентировки. Он принялся работать с ними. Первым документом оказалось Указание НКГБ СССР № 49 от 18 апреля 1944 года «О мероприятиях по выявлению и изъятию агентуры немецкой разведки на освобожденной от противника территории», подписанное народным комиссаром государственной безопасности СССР, комиссаром ГБ 1-го ранга Меркуловым. Абакумов его недолюбливал за собачью преданность Берии и откровенную зависть, что не он — народный комиссар госбезопасности — стоит ближе к Сталину, а начальник СМЕРШа. Меркулову казалось, что он — нарком стоит ниже начальника Главка. Он никак не мог уразуметь, что Абакумов не столько начальник Главка, сколько заместитель наркома обороны СССР. А им в то тяжелое время был Верховный Главнокомандующий, руководитель Ставки Иосиф Сталин.

«На наших материалах построено указание Меркулова, — проворчал Виктор Семенович. — Быстрое мне уже докладывал об этом шпионе. Молодцы ребята — быстро вычислили «крота», для которого немцами была построена роскошная «берлога».

В документе говорилось, что германская военная разведка при отступлении немецких войск в последнее время практикует оставление в тылу наступающих частей Красной Армии своей агентуры с разведывательными и диверсионными заданиями в специально оборудованных и хорошо замаскированных землянках. Сооружаются они в лесистой местности, вблизи основных коммуникаций, по которым передвигаются наши войска и идет снабжение фронта.

В марте на Ленинградском фронте при попытке легализоваться в одной из частей Красной Армии органами ВКР СМЕРШ совместно с сотрудниками НКГБ был арестован активный германский шпион М.А. Полищук-Бойко.

На допросе лазутчик показал, что 20 февраля 1944 года он при отступлении немцев был оставлен в районе деревни Васьково, что в 12 км от города Дно, для проведения шпионской работы в тылу советских войск.

До ареста Полищук-Бойко скрывался в специально подготовленной для него немцами землянке, вырытой в лесу в километре от деревни Васьково.

Землянка состояла из двух комнат размером 5 на 3 метра и высотой в два метра. Имела деревянный настил и такое же перекрытие, засыпанное сверху толстым слоем грунта до уровня земной поверхности. Освещалась через маленькое окно, выходившее наружу под ствол сосны, которое на ночь

закрывалось деревянной рамой. Отапливалась землянка железной печкой. В одной из комнат стояло две кровати, под одной из которых имелся потайной, хорошо замаскированный подземный ход длиной в 65 метров, выходивший в густую заросль. По этому ходу можно было быстро и свободно передвигаться под землей, слегка согнувшись.

Землянка тщательно замаскирована, и с двух-трех метров ее обнаружить нельзя.

При аресте Полищука-Бойко в землянке изъяты:

— радиостанция;

— оружие;

— шестимесячный запас продовольствия;

— фиктивные документы;

— крупная сумма денег.

Оставленные германской военной разведкой агенты в подобных землянках выявлены и в других освобожденных от противника районах.

Другим программным документом, который взял в руки Виктор Семенович, была Директива Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии № 15/10-002196 от 22 апреля 1944 года начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов — «Об улучшении руководства боевыми операциями по борьбе с бандитизмом».

В ней говорилось, что части войск по охране тыла 1 — го Украинского и 2-го Белорусского фронтов при выходе на освобожденную от противника территорию западных областей Украины столкнулись с активно действующей «Организацией украинских националистов» (ОУН) и многочисленными вооруженными бандами так называемой «Украинской повстанческой армии» (УПА).

Дальше давались подробные рекомендации по организации и проведению борьбы с воинствующим крылом украинских националистов.

Он внимательно прочел документ, наложил короткую резолюцию, адресованную исполнителям, и позвонил начальнику Управления КР СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-майору Осетрову.

— Николай Алексеевич, что нового по розыску агентуры и результатам борьбы с оуновскими бандитами?

— Виктор Семенович, работа продвигается. Армейские чекисты с помощью частей Красной Армии, войск НКВД и при поддержке местного населения, думается, скоро покончат с террористическим нацподпольем, — прозвучал короткий рапорт руководителя СМЕРШа фронтового масштаба.

— Нет, ты мне соловьем не заливайся и не делай розовых прогнозов. Скажи конкретней, что сделано за последние месяцы? — на сей раз у Абакумова появились стальные нотки в голосе.

Осетров, однако, быстро нашелся. То ли ждал он этого звонка, то ли случайно на столе лежали нужные документы.

— В полосе 1 — го Украинского фронта только за март — апрель 1944 года органы СМЕРШа с приданными им войсковыми подразделениями провели сто шестьдесят шесть боевых операций против оуновского подполья в районах, освобожденных от гитлеровских захватчиков. В этих операциях было разгромлено сорок семь бандитских групп, убито и захвачено девятьсот тридцать бандеровских головорезов, обнаружен шестьдесят один склад с оружием и боеприпасами, — трубка на мгновение сделала паузу, которую прервал добродушным одобрением начальник.

— Ну вот, это другое дело — приятно слышать. Что ж — молодцы! Поработали славно, — голос стал мягче, а потом и совсем бархатным. — Только не зазнавайтесь. Как говорится в народе — у насмешливого человека всегда зубы белы. У вас фронт очень, очень ответственный! Радоваться будем после Победы, а теперь надо потеть.

В ответ Осетров стал посылать коротенькие заверения, что его коллектив готов «так держать», но Абакумов перебил:

— До свидания, желаю дальнейших успехов.

Начальник ГУКР прекрасно понимал, что после выхода этих и других аналогичных документов за подписями Берия и Меркулова обстановкой будет интересоваться Сталин. А вызвать он может в любую минуту. Завтра тоже назначена встреча на 12.00.

По 1-му Украинскому он получил приятные сведения. Теперь его голову просверлила другая мысль — а что там делается и все ли сделано из запланированного на 1-м Белорусском. Опять заработала «вертушка». Сквозь шум и треск он услышал знакомый, немного хрипловатый голос генерал-майора Вадиса.

— Приветствую вас, Александр Анатольевич. Чем меня можете порадовать?

— По какой линии? — несколько стушевавшись, ответил Вадис.

— По одной из главных теперь — борьбе с лесными и хуторскими бандитами.

— Понял…

— Если понял, прошу доложить.

— Товарищ генерал-полковник, в зоне 1 — го Белорусского фронта, в северных районах Ровенской и Волынской областей за

последние два месяца сего года армейские чекисты ликвидировали свыше двадцати националистических бандитских групп. Разгромлена крупная банда в окрестностях Луцка. В одной из директив, захваченных у бандеровцев, главари ОУН-УПА предлагали вести борьбу против мобилизации в Красную Армию путем подачи фальшивых списков, массовой неявки в военкоматы, организации побегов и т. д.

В отношении местных жителей, поддерживающих мероприятия советской власти, директива требовала ликвидации их всеми доступными методами, а дальше перечисляла эти методы: расстрел, повешение, четвертование… — докладывал генерал-майор Вадис.

— А как насчет розыска немецких шпионов и диверсантов?

— В зоне ответственности 65-й армии выявлено несколько потайных мест — погребов, схронов, землянок со следами явного пребывания посланцев из-за линии фронта. За этими местами установлено скрытое наблюдение силами оперативного состава.

— О задержании шпионов и диверсантов в этих местах докладывайте немедленно, — приказал Абакумов. — И еще помните случай с Ватутиным, делайте все, чтобы сохранить жизни полководцев. Одна беда не ходит: беда беду водит…

На этом разговор прервался.

Вскоре Вадис шифровкой доложил о захвате немецких разведчиков, а также о чудовищном злодеянии бандеровцев. Ими было замучено и расстреляно более 100 военнопленных. Трупы погибших палачи бросали в реку Горынь, привязав к шеям камни. В январе 1944 года в Березновском районе на Ровенщине бандеровские бандиты зарезали и зарубили топорами 15 красноармейцев. Все эти сведения легли на стол Абакумову.

Он читал, порой тяжело вздыхал, а потом подумал: «Сколько же бед обрушилось на Украину. «Свои» бьют своих. Но, какие это свои? Бандиты галицийские и только. Одним словом, на бедную Настю все напасти. Надо что-то делать с этими зарвавшимися бандюками».

Из состояния погруженности в мысли его вывел телефонный звонок. Звонил секретарь вождя Поскребышев. Абакумову надлежало прибыть в Кремль к Сталину в 12.00.

★ ★ ★

Оуновцы и упавцы воевали не только советским оружием, но и немецким.

Задержанный сотрудниками СМЕРШа прятавшийся в

землянке от справедливого возмездия с мыслью пересидеть огненный вал советского наступления сотрудник абвера капитан Лазарек Юзеф, будучи допрошенным в качестве военнопленного, сообщил: «На протяжении марта — апреля 1944 года я лично из Львова через лейтенанта Винтгансена направлял в «черный лес» для банд УПА трижды по две грузовые машины с оружием».

Об обеспечении фашистскими оккупантами оружием и боеприпасами банд УПА рассказал и захваченный весной 1944 года в схроне оуновский эмиссар Юрий Стефюк: «Я являюсь живым свидетелем того, как немцы вооружали наших боевиков. Я лично видел, как весной 1944 года немцы везли на подводах (а их было около 20) вооружение: автоматы, винтовки, патроны, несколько станковых пулеметов, даже две противотанковые пушки со снарядами, военное снаряжение, и все это передали в распоряжение куреня УПА «Тена».

Для постоянной связи с гитлеровцами в распоряжение крупных националистических банд абвер выделял радистов с рациями, а также специальные группы курьеров.

Как и с кем воевали банды ОУН и УПА очевидно, комментарии, как говорится, излишни.

В борьбе с эстонской «Омакайтсе»

В ходе Таллинской наступательной операции, проведенной с 17 по 26 сентября 1944 года войсками левого крыла Ленинградского фронта (8-й и 2-й Ударной армиями) и при поддержке кораблей и морской пехоты Балтийского флота, была разгромлена крупная войсковая группировка гитлеровцев. Территория Эстонии была очищена от немецких оккупантов, и освобождена ее столица город Таллин.

Как и везде после ликвидации фашистского оккупационного режима, подавляющее число граждан встречали на улицах и площадях городов и сел своих освободителей искренними улыбками и живыми цветами. Но были и такие, которые уходили в леса, чтобы оттуда вести борьбу с армейцами и возвратившейся советской властью. Бандиты себя называли «лесными братьями».

Это были в основном сторонники и члены созданных в 1917–1918 годах эстонской буржуазией, напуганной размахом революционного движения в России, националистических организаций «Кайтселийт» — «Союз защиты» и «Омакайтсе» — «Самозащита». Всего в составе «самозащитников» перед войной было 13 дружин, составленных из 64 территориальных батальонов — 43 757 человек.

В феврале 1944 года по распоряжению «эстонского самоуправления» была проведена мобилизация в «Ома-кайтсе» лиц мужского пола в возрасте от 17 до 60 лет. После освобождения Эстонии часть их ушла в подполье, где они становились «лесными братьями».

Для простого народа они, конечно, не являлись братьями. Понятие прижилось только в отрицательном смысле. Отряды «Омакайтсе», действовавшие во время Второй мировой войны на стороне Германии, занимались ловлей и уничтожением евреев, сторонников советской власти, несли караульную и конвойную службу, проводили облавы и другие карательные операции против партизан и окруженных советских военнослужащих, поступали в карательные полицейские батальоны. Но в конце концов пришел им конец, в том числе и в результате активных действий оперативников-разыскников СМЕРШа.

★ ★ ★

Благодарные эстонцы в честь освобождения своей столицы от немецких оккупантов поставили 22 сентября 1947 года монумент

— «Бронзового солдата» на холме Тынисмяги в центре Таллина. Памятник воздвигли рядом с братской могилой, в которой 14 апреля 1945 года были перезахоронены тринадцать советских воинов, павших под эстонской столицей в ходе Таллинской операции 1944 года. В 1980 году каждую могилу украсили бронзовые плиты. В ночь на 1 сентября 1994 года эти плиты были похищены неизвестными вандалами. А через несколько лет по указанию новых властей из центра города власти убрали «Бронзового солдата» и останки наших воинов. Они были отправлены на Воинское кладбище, что на окраине города. Не буду развивать эту тему, о вандализме «новых эстонцев» написано уже много.

А мы вернемся к теме розыска тех, кто стрелял в спины нашим воинам, проводил шпионскую деятельность, совершал диверсии и другие преступления. Они, эти «лесные братья», называли себя освободителями.

В связи с этим хочется привести слова, сказанные недавно скончавшимся эстонским патриотом, Героем Советского Союза, полковником в отставке Арнольдом Константиновичем Мери. Он вспоминал: «В период с 1945 по 1949 год, когда я был первым секретарем ЦК комсомола Эстонии, то встречал свыше пятнадцати случаев, когда «лесные братья» убивали пионеров при сборе ягод в лесах только за то, что у них были красные галстуки. Так какие же это освободители? Это ж подумать только!»

Для охранной службы и борьбы с партизанским движением в тылу гитлеровской группы армий «Север» (командующий фельдмаршал фон Лееб) с сентября 1941 года немецкое командование занималось формированием эстонских батальонов вспомогательной полиции. Всего было сформировано 26 таких батальонов. Как показатель особого доверия немцев к эстонским полицейским батальонам, в них были введены воинские звания вермахта.

Эстонская полиция и «силы самообороны» ликвидировали сторонников советской власти, к которым зачастую причислялись все русские жители некоторых городов и сел, а также эстонцев, придерживавшихся левых взглядов. После занятия вермахтом Тарту летом — осенью 1941 года в противотанковом рву под городом, в населенном пункте Лемматси, эстонскими националистами было убито более 12 тысяч мирных жителей и советских военнопленных.

Эстония во время оккупации была покрыта сетью концлагерей, охрану которых несли полицейские батальоны, сформированные из местных граждан. Масштабы уничтожения людей в этих лагерях можно продемонстрировать на одном из

них — концлагере Клоога. Сюда в 1943–1944 годах было доставлено несколько тысяч евреев из гетто Вильнюса и концлагеря Саласпилс в Латвии для использования их на торфоразработках и различных стройках. Когда 19 сентября 1944 года советские воины неожиданно для немцев прорвались к самому лагерю, фашисты приказали расстрелять всех узников. В казнях принимала активное участие и эстонская охрана. В день казни евреев погнали на близлежащую железнодорожную станцию, куда накануне привезли дрова. Узникам было приказано взять по одному полену и нести к месту расстрела, где потом из трупов разжигали костры.

А если умножить эту цифру на все лагеря (а их, по данным интернет-портала «Свободная пресса», на территории Эстонии было более 140), то получится, что проводился элементарный этнический и политический геноцид. Как писал Александр Дюков на одном из сайтов в Интернете, «…беззастенчиво завышая количество жертв «советской оккупации», эстонские историки попутно преуменьшают число жертв нацистской оккупации. Доходит до того, что число убитых нацистами и их пособниками на территории определяют в 10 тысяч человек, хотя советская сторона после освобождения Эстонии насчитала около 125 тысяч уничтоженных мирных жителей и военнопленных…».

По воспоминаниям выживших очевидцев, эстонские отряды «Омакайтсе» и «полицаи» из «Остланд» убивали всегда с особой жестокостью. Только в Тартуском лагере было уничтожено 12 тысяч человек, в концлагере в Клооге было убито около 8 тысяч. Всего, по разным данным, с 1941 по 1944 год здесь было убито от 120 до 140 тысяч евреев, русских, украинцев, белорусов и людей других национальностей, из них около 70 тысяч за зиму 1941-го и весну 1942 года.

В 1942 году по приказу Гитлера был срочно создан Эстонский легион СС, который с января 1944 года больше известен как 20-я дивизия ваффен СС.

★ ★ ★

Огромную работу по борьбе с «лесными братьями» из военно-фашистских организаций, эстонской «Омакайтсе» и латвийской «Айсарги», провели военные контрразведчики — смершевцы Ленинградского фронта во главе с генерал-лейтенантом Александром Семеновичем Быстровым и 2-го Прибалтийского фронта под руководством генерал-майора Николая Ивановича Железникова.

Армейским чекистам приходилось участвовать вместе с войсковыми подразделениями в подавлении бандитских отрядов, документировании преступной деятельности конкретных «повстанцев», ловле и передаче «лесников» в руки правосудия. Не стоит идеализировать, как это делал Ющенко на Украине. Запад им — пособникам фашистов — в то время помогать отказывался, боясь общественного мнения. Страшась ответственности за свои злодеяния, бандиты в теплое время года сидели в землянках и схронах, а зимой прятались по хуторам и тихо жили у родственников на чердаках и в подвалах, а с наступлением тепла выползали на прокорм. Днями эти пламенные борцы за свободу в стройных рядах СС рыбачили, ставили силки, капканы, а ночами увлекались налетами, грабежами, убийствами.

В связи с военными поражениями Германии и продвижением частей Красной Армии с 1944 года члены «Омакайтсе» начали подвергаться арестам как сотрудниками СМЕРШа, так и территориальными органами государственной безопасности. В своих показаниях задержанные под воздействием многочисленной свидетельской базы вынуждены были признаваться в чудовищных преступлениях, совершенных вместе с немецкими адептами «нового порядка».

Для наглядности рекламируемой властями сегодняшней Эстонии «степенности борцов за свободу» есть смысл привести показания некоторых из них.

Задержанный Видрик Паргмэ, работавший надзирателем тюрьмы города Выру с 15 июля 1941 года по август 1944 года, подтвердил, что «…члены «Омакайтсе» принимали самое непосредственное участие в расстрелах мирных граждан. Приезжали они обычно на машинах в ночное время в количестве до 30 человек. Выводили заключенных и на машинах увозили их за город, где и расстреливали. По сколько, сказать точно не могу, но мне известно, что был случай, когда за один раз было расстреляно сорок человек. Расстрелы производились в лесу Редо — это по шоссе в пяти километрах за город Выру».

Опрошенный один из эстонских «лесников» Рихард Ярвамаа, рассказывая о своих сослуживцах Ребане, Мооритс, Оси, Аннманн, Лехапау, Веси и командире Йоханнесе Ныммике, заявил: «Когда в Тарту пришли первые немецкие части, пришел и он (Ныммике. — Авт.) и вступил в «Омакайтсе». Их обязанностью было снимать одежду с людей, уводимых на расстрел, завязывать им руки за спиной и сопровождать машину, выставлять вокруг посты и расстреливать. Кроме того, они насиловали перед уводом на расстрел молодых женщин из еврейской нации. Кто же сопротивлялся, их держали за руки и ноги.

Ныммик был героем того времени, он не имел ни жалости, ни пощады к арестованным. Был такой случай в концлагере, когда во время увода на расстрел одна девочка бросилась на землю и не хотела идти добровольно в автомашину, тогда Ныммик вывернул у нее пальцы из суставов, и девочка, крича, пошла к машине, где ей связали руки за спиной…»

О фельдфебеле Тойво Валгеристе задержанный говорил, что тот «…будучи в 3-й роте старшиной взвода, где все время вспоминал о днях, проведенных в «Омакайтсе» и о тех моментах, когда люди погибали от его выстрелов. По его словам, он чувствовал самое большое удовольствие, когда мог кого-нибудь убить. Еще говорил, как однажды вел на расстрел еврея, у которого руки были связаны за спиной и на нем была веревка, за которую он тащил его, как собаку. Так привел на окраину города и там застрелил…»

Бывший руководитель «Омакайтсе» в городе Калли-сте Рихард Тяте в конце июля 1941 года с группой «Омакайтсе» задержал председателя Каллистского горсовета М. Феклистова, которого подвергли пыткам: «Ему вырвали нос железными крючками, прострелили плечо, а на второй день полуживого закопали в землю».

Из показаний бойца «Омакайтсе» и 36-го полицейского батальона Рахумеель Юханес-Овальда Юхановича: «В 36-й полицейский батальон я вступил добровольно в начале февраля 1942 года 2-я рота формировалась в городе Курессааре, и она состояла только из добровольцев и членов организации «Омакайтсе». 4 августа 1942 года весь 36-й полицейский батальон, в том числе и я, был погружен в эшелон и направлен в Белоруссию, где нас на станции Новоельня выгрузили и маршем направили в город Новогрудок с задачей задержания советских граждан, в основном евреев, и впоследствии конвоирования их на расстрел. Приблизительно 10 августа 1942 года ночью нас погрузили на машины и поехали в село Дятлово, где в то время находился еврейский лагерь. Там находилось около 1000–1500 евреев. После того как мы выгнали их из домов на одну площадь, приказали лечь на живот, не разрешая подняться. К утру подъехали грузовые машины и одна газовая машина-«душегубка». Мы все начали евреев сгонять в автомашины, я лично сажал их в «душегубку». Потом отвозили на автомашинах на место расстрела, которое находилось в нескольких сотнях метров от села Дятлово…»

Аналогичная операция была проведена эстонскими фашистами в районе города Новогрудок и станции Новоельня. Там было расстреляно около 1000 человек, в основном евреев. На

вопрос об участии в боях против частей Красной Армии Рахумеель ответил: «Осенью 1942 года 36-й полицейский батальон был переброшен на Сталинградский фронт, где я участвовал в боях. 12 декабря 1942 года был ранен. За участие в Сталинградских боях и за показанную смелость немецким командованием был награжден Железным крестом 2-го класса».

А вот показания другого птенца «Омакайтсе» — Рудольфа Мязорга, принимавшего участие в зверствах на территории Белоруссии в составе 36-го эстонского полицейского батальона: «В начале февраля 1942 года поступил добровольно в 36-й полицейский батальон, сформированный на острове Сааремаа. 11 февраля 1942 года нас погрузили в поезд и тогда поехали в Тарту. Там нам дали обмундирование. После наша 2-я рота ушла в город Псков, где нас обучали. В августе 1942 года поехали в Белоруссию. Главной нашей задачей было убийство евреев…»

Из показаний Эверхарда Микельсона: «В начале 1942 года я совершенно добровольно вступил в немецкую армию в 36-й карательный полицейский батальон. Из Тарту батальон убыл в Белоруссию в район города Новогрудок. В местечке Дятлово нами было расстреляно около 1500 человек евреев. Личное участие в боях против Красной Армии я принимал в конце 1942 года под Сталинградом и осенью 1943 года под Невелем. На службе в немецкой армии находился до 1945 года…»

В конце допроса он назвал контрразведчикам более полутора десятков участников 36-го карательного полицейского батальона.

Из показаний Александра Куузика — участника карательных операций в составе 40-го эстонского полицейского батальона на территориях Псковской, Ленинградской, Калининской и других областей России: «1 апреля 1942 года я добровольно поступил в 40-й полицейский батальон. В мае 1942 года наш батальон выехал в город Псков, где находился в Иркутских казармах. Временно наш 40-й батальон был направлен на оккупированную советскую территорию Калининской и Псковской областей для борьбы с советскими партизанами. В районе городка Новоржев Калининской области мы совершили налет на штаб партизанского отряда…»

Далее каратель рассказал о своем сослуживце Оскаре Мардинсоне, который из пулемета застрелил советского летчика, приземлившегося на парашюте. Когда пилот снял парашютные ремни и стал удаляться в лесной массив, Мардинсон открыл огонь на поражение, а затем побежал в сторону упавшего советского офицера. Рядом с убитым он обнаружил пистолет «ТТ», который был изъят вместе с документами. В этот же период группа вместе с Мардинсоном в ходе облавы задержала русскую

женщину, которую заподозрили в разведке их позиций. Несмотря на ее пояснение, что она шла к стогу сена, где хранила картошку, несчастную отвели в сторону и тут же расстреляли, предварительно изнасиловав.

Из показаний легионера 20-й эстонской дивизии ваффен СС Вяйно Вызу, участвовавшего в военных преступлениях фашистской организации «Омакайтсе», 33-го и 287-го полицейских батальонов: «Находясь на службе в «Омакайтсе», я нес вооруженную патрульную службу военных объектов. Кроме этого, я лично нес охранную службу лагеря на площади «Няйтузе» в Тарту. В лагере содержались только политические заключенные — советские граждане, а позднее и советские военнопленные, которых содержали в отдельных бараках. Большая часть заключенных указанного лагеря была уничтожена. На расстрел жертвы возились на грузовых машинах обычно в ночное время. Расстреливать ходила специальная команда «Омакайтсе», состоявшая из личного состава взвода, руководимого Соовяли Яном.

Организацию «Омакайтсе» в городе Тарту осенью 1941 года возглавлял капитан Саар Людвиг. Под его личным руководством в 1941 году происходили массовые аресты, а впоследствии и массовые расстрелы советских граждан».

Дополнительно Вяйно Вызу показал, что в конце войны члены «Омакайтсе» из Тарту казнили заключенных путем поджогов бараков, в которых они содержались. Бывали случаи, когда «лагерники» — заключенные, пытаясь избежать быть заживо сожженными, вырывались из бараков и бежали к лесу в надежде спастись. Но по ним тут же открывался огонь из автоматов и пулеметов. Все они погибали. Трупы расстрелянных узников лагеря сжигались на кострах.

Из показаний свидетельницы Япас, проживавшей недалеко от лагеря: «Поздно вечером из леса поднялось пламя, а потом я увидела, как загорается барак. В то же время горели костры, от которых неслись стоны и крики людей…»

★★★

Контрразведчики СМЕРШа в ходе проведения чекистско-войсковых и агентурно-оперативных мероприятий не только уничтожали несдавшихся бандитов, но и собирали улики на тех, кто совершал кровавые злодеяния, для дальнейшего расследования преступлений с последующим направлением материалов в суды и военные трибуналы.

После освобождения Эстонии многие «лесные братья» были арестованы, осуждены и отправлены в места не столь отдаленные. Немалая часть их бежала за обозами своих недавних хозяев — отступающих нацистов. Они жили шкурными интересами — уйти от справедливого возмездия. Их пришлось буквально годами «выцарапывать» оттуда, ссылаясь на постановление Нюрнбергского Международного военного трибунала о преступных организациях всех СС и Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Одним из таких примеров может быть проведенная работа контрразведчиков по делу Карла Линнаса — офицера СС и коменданта нацистского концлагеря в городе Тарту, виновного в уничтожении в годы Второй мировой войны более 3,5 тысячи человек.

В 1944 году в связи с продвижением частей Красной Армии в глубь территории Эстонии Линнас вместе с родителями и сестрой бежал на Запад и обосновался в США, скрыв от иммиграционных властей свое нацистское прошлое. Советская внешняя разведка установила его место обитания — он проживал в Лонг-Айленде, где в одной из школ руководил духовым оркестром.

11 октября 1961 года руководство СССР направило властям США просьбу об экстрадиции Линнаса на Родину. В ноте было сказано, что на проходившем в Таллине с 16 по 20 января 1962 года судебном процессе по делу Юхана Юристе, Карла Линнаса и Эрвина Викса Линнас был заочно приговорен к расстрелу. Его обвиняли в организации лагеря смерти и участии в уничтожении 12 тысяч человек. Но, как известно, «холодная война» в то время находилась в разгаре, и было ощутимым действие двойных стандартов. Против депортации Линнаса в течение ряда лет выступали многие эстонские эмигранты, среди которых была ставшая позднее депутатом Эстонского и Европейского парламентов Мари-Анн Келам (в девичестве Доценко). Однако, несмотря на эти «подводные камни», Линнаса все же удалось получить в руки советского правосудия.

Следует заметить, что делом Линнаса в США занимался прокурор Рудольф Джулиани, избранный в конце девяностых мэром Нью-Йорка. Суд принял решение о лишении Линнаса гражданства США и его экстрадиции в СССР.

Карл Линнас стал первым военным преступником, переданным американскими властями Советскому Союзу.

20 апреля 1987 года военный преступник был отправлен из нью-йоркского аэропорта имени Кеннеди авиарейсом в Прагу, а оттуда спецрейсом «Аэрофлота» в Москву. 22 апреля 1987 года авиарейсом Линнас был доставлен в Таллинский аэропорт.

Палач понял, что за злодеяния против эстонского народа его ждет виселица или пуля. Не дожив до суда, он скончался в тюремной больнице в Ленинграде. Ходили слухи, что ему помогли это сделать свои, дабы он не смог потянуть за собой кого-то, стоявшего тогда близко к власти.

★★★

Сегодня в Эстонии и Латвии оккупантами называют освободителей — воинов Красной Армии, а эсэсовцев — «освободителями». Дело в том, что в лихие и окаянные девяностые годы к власти в молодой стране пришли дети и внуки тех, кто рукоплескал приходу фашистов и всячески им помогал. Это они поделили страну пополам — на граждан и «не граждан», чего нет, кроме Латвии, ни в одной цивилизованной стране мира. Они нынче хорохорятся, отмечают вчерашнее время — мрачные годы нацизма. Но разве можно жить таким грязным былым? Ведь прошлое для нормальных людей — это будущее, с которым они разминулись в пути.

Совсем недавно, 26 июля 2009 года, — как писал «Русский обозреватель», — близ эстонского местечка Синимяэ состоялся традиционный слет легионеров 20-й дивизии ваффен СС и их сподвижников из Прибалтики, Австрии, Германии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Грузии и других стран Европы. Таким образом, Эстония подтвердила свой статус страны, наиболее трепетно чтящей память нацизма и привечающей наиболее одиозных пособников гитлеровцев.

Около полутысячи эстонских эсэсовцев прошли парадом в честь 65-й годовщины боев с Красной Армией под знаменами со свастикой, эстонскими, латышскими и, что примечательно, грузинскими государственными флагами, с музыкальным сопровождением в виде нацистских маршей и патриотических песен. В рядах празднующих было много молодежи — участники «Клуба друзей Эстонского легиона», одетые в черные рубашки с сине-черно-белыми галстуками, и молодые нацисты из Латвии.

Член Евросоюза Эстония в очередной раз в открытую бросает вызов странам антигитлеровской коалиции. В Европе нацистским недобиткам не позволяется проводить мероприятия, даже отдаленно напоминающие копошение бывших эсэсовцев. Но власти Эстонии и Латвии к манифестациям бывших вояк из элитных подразделений Гитлера относятся более чем лояльно. Получается так, что эти уродства — позор, бесславие и бесчестие — стали длиннее самой жизни. Вот уж действительно позорно не

чувствовать позора, но у каждого народа есть вариант очиститься от него.

Вся возвышенность Синимяэ была ограждена лентой. За нее пропускали только по специальным приглашениям со свастикой и эмблемой 20-й дивизии ваффен СС. К тому же от ветеранов Великой Отечественной, сражавшихся против гитлеровцев и неонацистов, бережно защищали полицейские кордоны. При малейшей опасности «стражи порядка» бросались на тех, кто пытался мешать проведению марша.

Так, во время проведения утреннего пикета против шествия ветеранов эстонских ваффен СС были задержаны полицией пять человек, в том числе один из лидеров движения «Ночной дозор» Максим Рева. Позже эстонские «правоохранители» арестовали еще двух эстонских антифашистов и двух их товарищей из Латвии. Только вечером того же дня все участники пикета были освобождены из-под стражи.

«Мы успели простоять у Гренадерской горки, где проходил слет, около 20 минут, — рассказал член правления «Ночного дозора» Максим Рева. — Мы были в полосатых тюремных робах с фотографиями из нацистского лагеря Клоога и надписями на эстонском языке, напоминающими об ужасах концлагерей. После этого нас забрала полиция и доставила в Йыхвиское отделение».

На нацистский шабаш не допустили и многих активистов антифашистского движения, в том числе представителя «Антифашистского комитета» Финляндии Йохана Бэкмана.

«То, что происходит здесь, — это самая настоящая пропаганда нацизма, узаконенная государством, — заявил Бэкман. — В цивилизованной европейской стране такое невозможно. Особую тревогу у меня вызывает привлечение к этому шабашу молодежи».

Выступая на эсэсовском митинге рядом с отдававшими им почести представителями эстонских властей, бывшие участники разгромленных в 1944 году Красной Армией подразделений СС без стеснения рассказывали о своих совместных с гитлеровцами «подвигах».

«Мы остановили русские оккупационные войска почти на полгода», — гордо заявлял Хиндерг Пивер перед телекамерой российского «Первого канала». «Я сражался с русскими в составе элитного батальона, — вторил ему бывший эстонский легионер СС Койо Якобе. — Нужно, чтобы правительство страны закрепило за нами официальный статус борцов за освобождение Эстонии».

Ветеран бельгийских ваффен СС Паули Тонн гордился тем, что один из его соратников за бои под Синимяэ получил Железный крест.

«Мы счастливы, что можем собраться здесь, в Эстонии, открыто, — радовался бельгийский эсэсовец. — В других странах, например в Германии, это невозможно».

Следует заметить, что ожесточенные бои в районе Синимяэ в 1944 году, получившие название «битвы с европейскими силами ваффен СС», считаются самым кровавым сражением, когда-либо происходившим на территории материковой Эстонии.

2 февраля 1944 года части Красной Армии форсировали реку Нарва и создали на берегу несколько плацдармов. 11 февраля гитлеровцы и их союзники — эстонцы, датчане, бельгийцы, фламандцы, норвежцы из ваффен СС — отступили к линии «Танненберга», оборудованной примерно в двадцати километрах западнее Нарвы в пересеченной местности Синимяэ. Гитлеровские войска, в составе которых были и бойцы Эстонского стрелкового корпуса, сдерживали наступление советских войск до 10 августа. По оценкам историков, в тех боях потери с обеих сторон составляли около 200 тысяч человек. В том же году легион ваффен СС был разгромлен — и немцы, и легионеры, те, кто не погиб, разбегались в страхе отправиться к праотцам, как тараканы. Таким образом, бывшие эсэсовцы отмечали скорее памятную дату в истории Красной Армии, чем триумф гитлеровских войск.

Спецсообщение № 58

Интерес начальника отдела контрразведки 3-й Ударной армии полковника Андрея Селиверстовича Мирошниченко к этому спецсообщению, адресованному руководителю Управления КР СМЕРШ 2-го Прибалтийского фронта генерал-майору Железникову Николаю Ивановичу, продиктован уже упоминаемыми отрядами ваффен СС в Эстонии.

В Латвии их основу составляли националистические организации так называемых «айзсаргов». Для успешного розыска их активистов армейские контрразведчики решили глубоко вникнуть в историю зарождения этой националистической боевой организации.

Но прежде, чем переходить к документу, мне хочется немного остановиться на личности полковника А.С. Мирошниченко.

Как известно, 30 апреля 1945 года пятидесятишестилетний рейхсканцлер покончил с собой в бункере имперской канцелярии на берлинской улице Вильгельм-штрассе № 77–78. В тот же день оборвалась жизнь и его двойника Густава Велера.

4 мая 1945 года подчиненные полковника Мирошниченко — контрразведчик СМЕРШа 3-й ударной армии Алексей Панасов вместе с рядовыми Иваном Чураковым и Ильей Сероухом обнаружили обгоревшие останки Адольфа Гитлера и Евы Браун недалеко от последнего пристанища фюрера.

Но это будет потом, а пока шли упорные бои в Латвии.

26 июля 1944 года полковник Мирошниченко А.С. в совершенно секретном спецсообщении № 58 «О возникновении военно-фашистской организации «Айзсарги» в Латвии» писал:

«Военно-фашистская организация в Латвии организована в 1920 году на базе бело-латышских охранных батальонов. Свое организационное развитие она получила после фашистского переворота в Латвии в 1934 году и стала во главе политической жизни Латвии.

Организация «Айзсаргов» охватывала все слои населения Латвии общей численностью около 30 тысяч — 19 полков. Члены организации имели у себя оружие и являлись прямыми помощниками полиции — задерживали подозрительных лиц с оружием, пресекали революционные настроения среди населения.

Во время советской власти в Латвии ответственные руководители «айзсаргов» и все ее активные члены были изолированы, и сама организация «айзсаргов» была парализована и подпольной деятельности против советской власти вести не пробовала, за исключением одиночек, которые вступили в

организацию по своим собственным убеждениям и классовой принадлежности.

В целях личной выгоды одни занимали выжидательную позицию, некоторые из них быстро переключились на советскую политику.

В 1941 году во время оккупации Латвийской ССР немецкими войсками командованию Латвии было предоставлено самоуправление, и бургомистром Латвии был назначен полковник латышской армии, видный член организации «айзсаргов» Данкерс.

После восстановления организации «айзсаргов» последняя послужила базой, откуда брались кадры для государственных должностей самоуправления — бургомистры, старшины, полицейские и другие ответственные государственные служащие.

Наряду с этим из «айзсаргов» были созданы карательные отряды, проводившие борьбу с советскими партизанами, расстреливающие еврейское население, а некоторые выезжали проводить карательные экспедиции против партизан в Белоруссию, Ленинградскую и Калининскую области.

В 1942 году на базе таких карательных отрядов были созданы латышские легионы, которые несли охрану важных государственных объектов и частично использовались в экспедициях против партизан. Эти легионы уже были созданы по структуре немецкой армии — вооружались, обмундировывались, снабжались наравне с немецкими частями, из которых впоследствии, после проведения тотальной мобилизации в 1943 году, были созданы латышские национальные части с довольно большой прослойкой бывших легионеров и латвийские пограничные отряды, которые заменяли ушедшие на фронт легионы по охране объектов и борьбе с партизанами.

Будучи национал-шовинистически настроенными, многие члены «айзсаргов» начали проявлять недовольство немцами и готовиться к борьбе с помощью Англии после истощения в войне Германии и СССР за свободную Латвию, и уже имелись некоторые национально-партизанские отряды с запасом оружия и боеприпасов, припрятанных в лесах.

При наступлении войск Красной Армии и приближении к территории Латвии видные немецкие пособники и государственные деятели (они же являлись руководителями немецких очагов организации «айзсаргов») ушли б территории Латвии, а рядовой состав полиции и групп «В» и «С» из полицейских отрядов с оружием ушли в леса. Часть из них присоединилась к партизанам и ушла с ними, сдав оружие органам советской власти. Многие скрывались в лесах и

проживали на хуторах, дезертировав из немецкой армии, — все они имеют оружие.

Ушедшие в лес и скрывающиеся у себя на хуторах бывшие члены вспомогательных полиций «В» и «С», а также дезертиры из немецкой армии из леса не выходят, главным образом по той причине, что боятся репрессий со стороны советской власти как лица, скомпрометировавшие себя во время немецкой оккупации.

В целях недопущения возможного формирования террористических групп этими лицами, а также в целях предотвращения их морального разложения нами проводятся следующие мероприятия:

— задержанные в полках и дивизиях, а также заградотрядами и опергруппами для проверки скрывающиеся до этого в лесах лица нами после соответствующей беседы освобождаются, чтобы убедили других прийти и сдать оружие и что они никем и никаким репрессиям подвергаться не будут;

— посланные с такой задачей «айзсарги» Иссакович, Петровский, Лунде возвратились, и вместе с ними добровольно пришли и сдали оружие еще 19 человек, скрывавшиеся в лесах;

— таким образом, из лесов были выведены добровольно — Иссакович Петр, Ярош Тимофей, Бежбукий Родион, Лапик Иван, Данилов Михаил, Малошенко Браним, Шибаев Дмитрий, Лунды Владимир, Чета Дмитрий, Осадич Федор, Исаков Александр, Григорьев Александр, Григорьев Илья, Пенюш Иосиф, Радчук Иван, Петровский Оверьян, Семененко Владимир;

— Лендер Борислав, Гусач Павел и другие также отпущены нами по домам, чтобы агитировать за добровольный переход к нам и сдачу оружия.

Начальник ОКР СМЕРШ 3-й Ударной армии

Полковник Мирошниченко».

★ ★ ★

Возникновение «айзсаргов» как вооруженного националистического движения восходит к началу двадцатых годов. В конце 1923 года в Риге возникает идея сплочения разрозненных националистических групп. В начале следующего года создается товарищество «Фонд полковника Бредиса», учредителями которого стали 18 всевозможных организаций активного национал-патриотического толка. Для пропагандистской деятельности нужно было очертить круг героев, кому можно подражать, на кого следовало равняться, и врагов, с кем надо бороться.

Легендарными героями объявили полковников царских латышских стрелков Бриедиса и Калпакса, а символом освободительной борьбы стал генерал Янис Балодис — командующий армией Латвии с 1919 по 1921 год, а с 1931 по 1940 год — военный министр Латвии.

И все же официальной датой основания организации «айзсаргов» в Латвии принято считать 20 марта 1919 года, когда Временное правительство издало «Правила об отделах айзсаргов в волостях». Именно там предписывалось образовать отряды самообороны под названием «айзсарги» — «защитники».

При тогдашнем высоком уровне бандитизма и слабости центральных органов власти такие отряды вооруженных крестьян хоть как-то гарантировали безопасность в волостях и на дорогах. По сути, добровольцы-«айзсарги» не только защищали близких, но и выполняли функции полевой жандармерии — вылавливали дезертиров, мародеров и грабителей, обеспечивая порядок в прифронтовой полосе.

Сразу после ввода войск Красной Армии в 1940 году генерал Балодис был арестован и депортирован в СССР. По суду приговорен к 25 годам лагерей, но содержался в специальной тюрьме во Владимире. Жена — Элвира Юльевна сидела там же. Здесь Балодис с женой были «номерными заключенными». Их просто содержали без имени и фамилии. Оба были известны по номерам «9» и «10». Сам факт нахождения их в тюрьме являлся тайной.

После смерти Сталина Балодис был освобожден из тюрьмы, и только в 1960 году ему хрущевская власть разрешила вернуться в Латвию. Проживал в комнате коммунальной квартиры по соседству с алкоголиком. Умер в 1965 году.

Но вернемся ко времени образования «айзсаргов». Герои Бриедис, Калпакс и Балодис определились.

Врагов же нашли быстро — они были на виду: во-первых — местные левые (социал-демократы и коммунисты), во-вторых — большевики в России и русские вообще, в-третьих — евреи.

Несмотря на третью строчку в табеле о степени враждебности, именно от них, по утверждениям пропагандистов воинствующего латышского национализма и только что зародившегося фашизма, исходило все мировое зло.

Гитлер пропагандировал свои оценки еврейства такими словами: «Многие евреи не сознают деструктивного характера своего бытия. Но тот, кто разрушает жизнь, обрекает себя на смерть, и ничего другого с ним не может случиться!.. Мы не знаем, почему так заведено, что еврей губит народы. Еврей чует, где зреет конфликт, и использует его в своих целях…»

Чем не руководство к действию?!

В боевом органе латышских националистов, газете «Выбирай», был целый раздел — «Красный Мордухай бесчинствует», где обывателя пугали растущей еврейской опасностью.

★★★

15 мая 1934 года в Латвии устанавливается власть профашистского диктатора Карла Улманиса. Активную помощь диктатору в приходе к власти оказали одетые в зеленую форму «айзсарги». В ходе государственного переворота были ликвидированы все либеральные партии и организации, упразднена Конституция, разогнан парламент — Сейм и избранные местные органы самоуправления, закрыты 31 газета и многие журналы прогрессивного толка, усилились аресты инакомыслящих граждан. В годы правления Улманиса фашизм укрепился в армии и среди «айзсаргов», а русский народ был превращен во второсортный. А ведь проживало в то время в Латвии около 15 % русских.

Вот поэтому в 1940 году именно русские в первую очередь встречали Красную Армию цветами и улыбками, ничего не зная о сталинских репрессиях конца тридцатых годов. Вместо того чтобы проводить разумную политику, сообразуясь с обстановкой в Европе, представители советской власти наломали немало дров как на Украине в 1939-м, так и в Латвии в 1940 году. Стали массово вывозить латышей, поляков и даже русских в Сибирь. Не поэтому ли в списках «айзсаргов» встречались и русские имена? Все эти драконовские меры прямо-таки взбесили «молодую гвардию Улманиса».

В 1941 году в Прибалтику пришли немцы и сразу же на местах отдали власть «айзсаргам», которые в отместку за вывезенных латышей стали жестоко мстить ни в чем не повинному местному русскому беспартийному населению.

20 июля 1941 года — это первый день массовых арестов русских, многие из них были тут же расстреляны «айзсаргами» без суда и следствия с единственным обвинением — русские.

Со слов генерал-лейтенанта Н.И. Железникова, оперативниками СМЕРШа, занимающимися розыском преступников в Латвии, было установлено, что накануне войны нацисты готовили восстание в Прибалтике. Так, в одном из документов «Абвер-2» — восточно-прусское управление военной разведки — от 21 мая 1941 года говорилось: «Восстания в странах

Прибалтики подготовлены, и на них можно надежно положиться. Подпольное повстанческое движение в своем развитии прогрессирует настолько, что доставляет известные трудности удержать его участников от преждевременных акций.

Им направлено распоряжение начать действия только тогда, когда немецкие войска, продвигаясь вперед, приблизятся с тем, чтобы русские не могли участников восстания обезвредить».

3 июня 1941 года группы местных националистов «айзсаргов» получили задание от «Абвер-2» — после нападения Германии на СССР захватить и охранять (или испортить, но не уничтожать) 16 важных военных объектов на территории Советской Латвии, в том числе радиостанции Риги, Кулдиги, Мадонны, Лиепаи, железнодорожные и шоссейные посты в Даугавпилсе и Екабпилсе, главпочтамт в Лиепае, а в Приекуле почтамт, телеграф и телефонную станцию.

Органы госбезопасности СССР отреагировали на это упреждающе, раскрыв несколько ультранационалистических подпольных организаций. В ходе допросов некоторых членов «айзсаргов» были получены материалы, свидетельствующие о подготовке восстания. И вот в ночь с 13 на 14 июня 1941 года началась первая активная фаза депортации с целью обезвредить подполье, ту самую «пятую колонну». Среди задержанных оказались и многие организаторы так называемой «турпоездки» для захвата радиостанций. Однако в условиях культа личности Сталина были допущены и серьезные просчеты и даже преступления — выселение невинных детей, стариков, женщин. Общее число высланных по политическим мотивам составило 13 669 человек. Некоторые, даже служившие власти, были репрессированы без оснований. Такая участь постигла, в частности, командира 24-го территориального корпуса генерал-лейтенанта Кливинь-ша и командира 181-й стрелковой дивизии этого же корпуса генерал-майора Лепинья, которые спустя многие годы были посмертно реабилитированы.

По данным полиции безопасности и СД, в оккупированной Латвии «советами» в первые дни этой операции было арестовано и выслано около 5000 участников сопротивления советской власти. А всего борцов за свободу Латвии насчитывалось тогда более 40 000 человек.

В ходе войны были созданы вооруженные отряды Латвии численностью около 12 000 человек. В основном «айзсаргам» удалось в 1941 году арестовать 7944 советских активиста, пытавшихся эвакуироваться в советский тыл, — учет расстрелянных на месте не велся.

Как ни больно это утверждать сегодня, виновниками

латвийской политической ошибки были власти обеих сторон, но отдуваться пришлось простым гражданам — одураченным гражданам Латвии и воинам Красной Армии вместе с военными контрразведчиками СМЕРШа, а также после войны сотрудникам территориальных органов госбезопасности Латвийской ССР.

В советские годы, естественно, «айзсарги» были распущены. И вот после развала СССР в 1992 году в Латвии было объявлено о восстановлении «айзсаргов», которые не скрывают и по сей день своего антисемитизма и антирусскости, а также крайнего национализма. Они признают идеи диктатуры периода правления Улманиса и латышского легиона СС.

«Айзсарги» сегодня официально зарегистрированы как общественная организация. В ней ныне насчитывается около 5000 членов, из которых более тысячи человек активны и вооружены стрелковым оружием. Нынешние «айзсарги» добиваются от властей принятия их в оборонные структуры. Они стремятся монополизировать патриотическое воспитание молодежи. Недаром в народе говорится: у кого молодежь, у того и будущее страны.

Вместе с тем власти Латвии продолжают заигрывать с потомками тех, кто вкупе с нацистами строил «новый порядок» на латвийской земле. Так, бывший президент Латвии В. Вике-Фрейберги с неприкрытым цинизмом заметила в 2005 году — в 60-летний юбилей Победы: «Конечно, мы не переубедим, не изменим сознание тех пожилых россиян, которые 9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевывали Балтию».

Видимо, она считает настоящим освобождением Латвии тот период, когда ее страна, да и вся Прибалтика с Литвой, Эстонией и частью Белоруссии были включены в 1941 году в состав Восточных провинций Рейха под наименованием «Остланд» и управлялась через рейхскомиссариат во главе с германским нацистом Х. Лозе.

По следу палачей

Надо оказать, что авторитарный режим, близкий к фашистскому, в Литве был установлен еще в 1926 году, когда после государственного переворота у власти стали Сметона и профессор Вольдемаре.

В этот период на политический подиум выходят националисты — разных мастей провокаторы и нечистоплотные политиканы, которые намеренно решили втянуть народы маленькой страны в большой будущий кровавый омут. Как грибы после дождя растут националистические с военными претензиями так называемые общественные организации: «Литовский национальный фронт», «Национальная трудовая гвардия», «Литовская самооборона» и другие, составившие в будущем основу полицейских батальонов.

22 марта 1939 года гитлеровская Германия предъявила Литве ультиматум с требованием передать ей район Клайпеды. С немецким требованием Литва вынуждена была согласиться.

После разгрома вермахтом Польши и ее деления 17 сентября 1939 года Вильно заняли части Красной Армии, и город вошел в состав Советской Белоруссии. Однако через месяц, несмотря на то что численность литовцев в Вильно составляла лишь несколько процентов, по Договору о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 года часть юго-восточной Литвы и Вильно были переданы Литве. 27 октября в город вошли части литовской армии.

Этот акт литовцы восприняли со спокойной благодарностью. 3 августа 1940 года Литва стала частью СССР. В сентябре — октябре 1940 года была проведена земельная реформа, по которой землю получили около 75 ООО безземельных и малоземельных крестьян. Устанавливалась максимальная норма землепользования — 30 гектаров. Но надо признать, что на действие советской власти возникало противодействие со стороны тех, кто не хотел мириться с большевизмом. Возникали литовские вооруженные отряды, которые не только мешали внедрению новой аграрной политики, но и стали лишать жизни советских активистов. Сталин отреагировал репрессиями, под каток которых попало много ни в чем не виновных граждан.

Несмотря на то что Гитлер не считал Литву полнокровным государством, а литовцев считал нацией, у которой «…нет ничего арийского», профашистская ориентация верховных и местных властей с первых же дней оккупации немцами страны была

очевидной. Уже на второй день войны «Фронт литовских активистов» (ФЛА) по радио (опередили даже Бандеру и Стецко, провозгласивших «незалежной» Украину во Львове — 30.6.1941 г.) объявил о создании независимого государства литовского и составе временного правительства Литвы с премьер-министром Ш. Казисом. Однако у немецкого командования и германской гражданской администрации были совсем другие планы — территория всей Прибалтики должна входить в колониальное объединение под названием «Остланд». В составе Остланда Литва превращалась в так называемый генеральный округ, безраздельная власть в котором принадлежала рьяному исполнителю гитлеровской политики колонизации Литвы А. фон Рентельну, разместившемуся со своей штаб-квартирой в Каунасе.

В своих воспоминаниях сотрудник СМЕРШа литовец Евсей Яковлевич Яцовскис, уроженец Каунаса, писал о событии лета 1941 года:

«Петров (заместитель начальника особого отдела НКВД 179-й стрелковой дивизии. — Авт.) привез мне из разведотдела дивизии целую кипу немецких писем, обнаруженных у убитых вражеских солдат.

— Разберись, пожалуйста, со всей этой макулатурой. Если обнаружишь что-либо ценное для нашей работы или войсковой разведки — сообщишь.

Большинство писем было отправлено из Германии и носило сугубо семейный характер. Лишь в нескольких письмах содержались призывы из пропагандистского арсенала Геббельса. В юношеские годы я одно время увлекался филателией, и мне бросилась в глаза одна гашеная почтовая марка на конверте: обычная, красноватого оттенка, серийная. Она принадлежала почтовому ведомству Германии, достоинством 8 пфеннигов, с изображением Гитлера и надписью «Дойчес райх». Однако в верхней части черной краской допечатка: «Остланд». На почтовом штемпеле видно, что место отправления письма — Кауэн. Все ясно! Значит, уже не существует Литвы! Есть колония гитлеровского рейха Остланд, то есть Восточный край, а мой родной город уже не литовский Каунас, а немецкий Кауэн!

Что касается провозглашения независимой Литвы, Гитлер резко отреагировал на самоуправство литовцев — было объявлено о немедленном роспуске временного правительства и созданных ФЛА вооруженных отрядов.

Но авантюристы от политики решили прогнуться перед фюрером. В подготовленном меморандуме ФЛА под пышным названием: «Великому Вождю Империи А. Гитлеру и главнокомандующему германскими войсками В. Браухичу о

положении в Литве в связи с созданием немецкой гражданской власти» от 15 сентября 1941 года говорилось:

«Фронт литовских активистов» создался во время большевистской оккупации как военная организация, задачей которой было восстановление независимости Литвы с помощью вооруженного восстания. «Фронт литовских активистов» для этой цели завязал контакт с немецким военным командованием. Основой сотрудничества ФЛА и немецкого военного командования являлось то, что последнее признавало главную цель фронта — борьбу за независимость Литвы.

В присяге литовских добровольцев, которую они давали немецкому военному командованию, говорится:

«Принимая добровольно на себя задание по освобождению моей Родины Литвы, обязуюсь перед Богом и моей совестью выполнять это задание сознательно, не жалея своего здоровья и жизни…»

Под текстом пространного меморандума поставили подписи Л. Прапуолянис, М. Мачекас, А. Дамушис, И. Веб-ра, Н. Таутвилас, И. Дикснис, И. Янкауская, П. Баронис и др. будущие палачи литовского народа. Они подписали, по существу, смертные приговоры своим молодым в основном гражданам, которые стали пушечным мясом в угоду гитлеровцам.

Многие из них, обманутые и преданные своими правителями, погибли на фронтах. Смерть находила литовских солдат и офицеров под Москвой и в Белоруссии, под Сталинградом и на Украине, в литовских лесах и в тюрьмах ГУЛАГа. Верхушка же политических авантюристов после освобождения Литвы Красной Армией от нацизма бежала на Запад, где еще несколько лет лаяла из подворотен на Советскую Россию. Что же, надо признать, что у каждого народа есть свои каины и свои заблудшие овцы!

★ ★ ★

Главное управление контрразведки СМЕРШ НКО СССР через свои фронтовые подразделения собрало обильный материал о враждебной деятельности литовских пособников германского фашизма. Литва в период немецкой оккупации превратилась в «фабрику смерти». За время немецкой оккупации только евреев было убито более 200 тысяч человек. Ревностными работниками этой «фабрики» были члены военизированных, составленных из гражданского населения батальонов. Первые пять были сформированы в Каунасе по 400–500 человек в каждом. Потом они стали возникать в Вильно, Паневежисе, Шавли, Мариямполе

и других местах. Всего было сформировано 20 батальонов. При формировании их простые литовцы надеялись, что будут всего лишь сторожами — нести охранную службу, но немцы их быстро оприходовали для борьбы с евреями, партизанами и частями Красной Армии.

Каунасскому батальону под № 13 была отведена особая роль — палачей. Его так называли и немцы, и литовцы — расстрельный батальон. Сформирован он большей частью из городских жителей, любящих легкую наживу, всякого рода проходимцев и людей с темным прошлым — уголовников. Командовал подразделением майор Шимкус, а потом капитан Гасенас. Личный состав батальона занимался уничтожением евреев, представителей советского актива, партизан, больных и раненых военнопленных. Мародеры, спекулирующие одеждой, обувью и драгоценностями, снятыми с жертв перед расстрелами. За деньги, вырученные от продажи вещей расстрелянных, покупались спиртные напитки, и начинались ночные оргии.

Немецкое командование испугалось дальше сотрудничать с «каунасскими бандитами» и отправило батальон «проветриться» на фронт, где он почти целиком погиб. Как говорится, нет людей, нет и проблем.

Грабежи и садизм, презрение и позорное равнодушие к людям другой веры, иного миропонимания не могут быть оправданием. Объяснять, почему такие поступки, а вернее, проступки и преступления, живут в темных углах личного и народного сознания, бесполезное занятие, потому что они от лукавого. Жестокость, как всякое зло, не нуждается в мотивации; ей нужен лишь повод.

В связи с этим автора занимала одна проблема — причина жестокости населения Литвы по отношению к евреям и русским. Ни в советские времена, ни теперь об этом не хотели и не хотят говорить, но народ без знания истории — не народ. Кто-то из великих людей говорил, что, если приходится выбирать между неправдой и грубостью, выбери грубость; но если приходится выбирать между неправдой и жестокостью, выбери неправду. Литовские националисты выбрали жестокость.

Стремление партийных идеологов, особенно в годы перестройки, таких как Горбачев, Яковлев, Медведев и других, лишний раз не затрагивать тему масштабов соучастия приспешников нацизма на Украине и в Прибалтике в кровавых преступлениях против своих народов — мирных жителей разных национальностей — привело к тому, что начиная с середины 80-х годов всплеск национализма был окрашен в русофобские цвета.

То, что творилось в маленькой стране под названием Литва,

было большой бедой.

Для многих жертв в Литве смерть выглядела благим избавлением на фоне мучений и истязаний в годы немецкой оккупации.

Что же такого сумела «натворить» советская власть в Литве за один год — с 1940 по 1941 год? Почему литовцы организовали бойню евреев и русских с приходом первых немецких солдат? Да, были репрессии, аресты, выселение, национализация земли и собственности, конфискация имущества у зажиточных фермеров, рыбаков, ремесленников и других производственников. Возникшее желание поквитаться с носителями прошлой власти у обиженных людей можно понять, но нельзя уразуметь форму мести. То, что происходило в Литве, находится за границей понимания, оно не поддается никакой логике, смысловой закономерности. Элементарно шла ежедневная охота на людей — жажда наслаждений делает людей жестокими.

Истреблялись не только ненавистные советские и партийные работники, а также военнослужащие — виновники в установлении советской власти в Литве, не только евреи, виновные в том, что они евреи, но и поляки, душевнобольные, старики и даже грудные дети. Все они были представителями другой крови. Копаться в этом должны, наверное, не историки, а психиатры. В войну и сразу же после ее окончания с этим позорно-преступным явлением со стороны литовских нелюдей разбирались правоохранительные органы СССР и, в частности, сотрудники военной контрразведки СМЕРШ.

И все же коллаборационистов было меньше, чем людей вставших на защиту поруганной фашистами родной земли — военных и партизан. С первых дней войны в боях с неприятелем участвовали полнокровные литовские соединения: 179-я стрелковая дивизия и 16-я Краснознаменная Кпайпедская стрелковая дивизия. Что касается партизанского движения, то оно в Литве разворачивалось в сложных условиях. Ведь боевые действия приходилось вести на два фронта — против немецких оккупантов и местных националистов — вооруженных бандитов, пособничавших гитлеровским захватчикам. В основном в их составе были скрывавшиеся бывшие полицейские, сотрудники охранки, члены военизированной фашистской организации «Шаулю саюнга». Они нападали из засад на новоселов, военных, коммунистов и комсомольцев, земляков, получивших от новой власти землю. И все же с каждым месяцем сопротивление врагу росло.

26 ноября 1942 года ГКО образовал штаб литовского партизанского движения, который возглавил А. Снечкус.

Партизаны стали смелее применять активные наступательные действия. В период немецкой оккупации в Литве действовало 92 отряда. Участвуя в «рельсовой войне», партизаны пустили под откос 577 железнодорожных составов противника с живой силой и техникой. Вывели из строя 400 паровозов, более 3000 вагонов, взорвали 125 мостов и 48 казарменных построек, разгромили 18 гитлеровских гарнизонов, повредили линии связи на многие километры, истребили более 14 000 немецких солдат, офицеров и гитлеровских пособников. В сражениях погибло около полутора тысяч народных мстителей. За проявленную отвагу и доблесть в партизанской борьбе семь ее участников стали Героями Советского Союза.

В рядах военных контрразведчиков воевало тоже немало литовцев. Об одном из них и пойдет речь в этой главе.

★★★

Офицер ГБ Евсей Яковлевич Яцовскис, сначала сотрудник особого отдела НКВД 179-й литовской стрелковой дивизии, а потом ОКР СМЕРШ 16-й, прошел дорогами войны от начала до Победы со своими друзьями-земляками. Славный боевой путь в рядах Красной Армии и военной контрразведки, в том числе и СМЕРШа, прошли В. Виткаусас, В. Карвялис, А. Урбшас, П. Пятронис, В. Мотека, С. Гайдамаускас, А. Шуркус, В. Луня, В. Римас, Ю. Барташюнас, Й. Чебялис, Й. Жибуркус, В. Каволюнас, П. Симорайтис и многие другие побратимы Яцовскиса по оружию.

Они сражались с агрессором за единую Отчизну, в составе которой была и их страна — Литва. В одном из весенних номеров газета «Красная Звезда» в 1944 году опубликовала небольшую повесть Ильи Эренбурга «Сердце Литвы», посвященную двум воинам литовской 16-й дивизии — Йонасу Даунису и санитарке Зосе Денинай-те, погибшим в бою с гитлеровцами на орловской земле. Он писал:

«Нет маленьких народов. Нет маленькой земли. Любовь меняет пропорции… В Литве жили три миллиона человек. Но разве арифметикой определишь сердце? Литовцы любят свой край, зеленую тишину лесов, цветы и сугробы, широкие реки и ручьи. Испокон веков Литва сражалась против жадных и жестоких тевтонов. В боях против тевтонских рыцарей Литва обрела волю, душу, историю…

Йонас Даунис умел жить только во весь рост. Когда немцы напали на Советский Союз, Даунис узнал большое горе: немцы убили его жену и двух дочерей… В один день Даунис потерял

счастье. Он спас сына. Он спас также честь. Он ушел на восток не за тем, чтобы спастись. Он ушел на восток за тем, чтобы спасти Литву. Он стал солдатом Красной Армии…

Это было в разгаре боя. Немцы открыли ураганный огонь. Даунис вплотную подполз к проволочным заграждениям на верхушке холма, бросил гранату и поднялся во весь рост. Рота услышала голос своего любимца: «За Родину! За свободу!»

Все видели, как из рук Дауниса упал автомат. Увидела это и Зося Денинайте. Хрупкая девушка, за два дня боев она вынесла более шестидесяти раненых. Под огнем она бросилась к товарищу. Даунис еще стоял, еще кричал: «Вперед!» Потом он упал. Зося наклонилась над ним. Пуля пробила грудь девушки. Тяжело раненная, она нашла в себе силы перевязать Дауниса.

Немцы не выдержали натиска. Тактически важная высота была занята литовцами.

На холме лежали два бездыханных тела: Дауниса и Зоси. Кто взял высоту? Йонас Даунис, который, умирая, крикнул «Вперед!»? Зося, поспешившая ему на помощь? Бойцы командира Ласаускаса? Они не спасли двух погибших, но они отвоевали у жадного врага кусок русской земли. Они сделали шаг на запад — к родной Литве…

Даунис и Зося не только говорили о свободе Литвы, они за нее умерли. Слова верности написали кровью, и нет во всех чернильницах мира чернил, которые могли бы перечеркнуть такую присягу».

И таких героев рождала война каждый день сотни, тысячи. А все потому, что они воевали с исчадием ада — озверелым фашизмом, который поддерживали всякого рода проходимцы от политики, человеконенавистники и одураченные националисты. Надо отметить, что генерал армии К.К. Рокоссовский не раз ставил в пример это соединение.

Сокрушительные удары Красной Армии побуждали фашистов еще шире использовать оружие идеологических диверсий — провокаций, лжи, клеветы, обмана, шантажа и угроз, пытаться рассчитывать на низменные инстинкты человеческих ничтожеств.

Вот о каком случае вспоминал сотрудник СМЕРШа Яцовскис:

«14 августа (1944 г. — Авт.) штаб дивизии остановился на привал в деревне Кошелево… Здесь из 224-го артиллерийского полка в отдел контрразведки дивизии принесли вскрытый пакет, на котором стоял гриф «Секретно». Мне было поручено расследовать обстоятельства утери этого пакета. Выяснилось, что почтальон полка красноармеец Е. Рабиновичюс, следуя на велосипеде по делам службы, обнаружил на обочине дороги запечатанный конверт с грифом «Секретно».

«Ну и раззява», — в сердцах мысленно обругал он неизвестного коллегу, утерявшего служебный пакет. Офицеры штаба полка, вскрыв конверт, обнаружили отпечатанный на пишущей машинке секретный приказ командования Красной Армии по вопросам борьбы с фактами членовредительства среди личного состава действующей армии.

При чтении этого документа мне прежде всего бросилось в глаза то обстоятельство, что в приказе самым подробным образом описывались способы совершения над собой членовредительства в целях уклонения от участия в боевых действиях на фронте, а главное, излагались детальные сведения, а по существу, советы о том, каким способом скрывать факт членовредительства. При более внимательном изучении этого документа стало ясно, что отпечатанный на машинке текст был размножен типографским способом и распространялся в расположении наших войск. Очередная гитлеровская фальшивка! Этот экземпляр «приказа» был, видимо, сброшен с самолета».

После ожесточенных боев с фашистами 16-я дивизия была выведена с передовой на доукомплектование во второй эшелон. Штаб соединения оказался в Туле, куда прибыл Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис, который 14 сентября на Собрании партийного актива соединения сказал такую фразу, которую запомнил контрразведчик: «После битвы под Грюнвальдом литовскому народу не приходилось участвовать в таких серьезных боях, в каких теперь отличились литовские подразделения Красной Армии. В этих боях вы сдали экзамен на мужество и удостоились бессмертной славы…»

Сегодня эту славу пытаются затоптать новые политиканы, потомки тех, кто прислуживал фашистам. Они теперь называют оккупантами советских солдат и офицеров, в том числе и своих земляков, освободивших Литву от коричневой нечисти. Будем считать, мягко говоря, что они заблуждаются.

★★★

Разыскная работа отдела КР СМЕРШ соединения велась интенсивно. Немецкие спецслужбы, отступая вместе с вермахтом, всячески пытались через свою агентуру внедриться в подразделения и части дивизии с целью ведения разведки, совершения диверсионных и террористических актов. После «прохладного душа» под Москвой и Сталинградом в плен стало попадаться все больше и больше «тевтонских вояк», с отдельными из них занимались военные контрразведчики. Так, во время боев

под Полоцком в ближнем тылу противника наши разведчики из засады разгромили немецкий обоз, и среди захваченных в плен военнослужащих оказался также старший лейтенант — ветеринарный врач.

«Привели его в штаб дивизии, — вспоминал Евсей Яковлевич, — щеголеватого, при всех регалиях, причем с чемоданом в руках. При допросе он пытался создать о себе впечатление как о личности интеллектуальной, культурной, не причастной к совершенным нацистами преступлениям. Он то и дело повторял:

— Мое дело только лошадей лечить…

Однако, когда для досмотра был открыт его чемодан, все ахнули: рядом с аккуратно сложенным бельем и предметами личного туалета красовались изделия из фарфора, старинные шкатулки искусной работы, столовое серебро, старательно свернутые в трубку, снятые с подрамников, исполненные маслом картины — два пейзажа и один натюрморт, а также наручные часы разных марок, серьги с драгоценными камнями, золотые обручальные кольца и другие вещи…»

Следы мародерства были налицо. Вот уж действительно, краденая вода сладка, а тайно съеденный хлеб — приятен, а поэтому доброму вору всякая петля впору. Но перед смершевцами стоял навытяжку совсем не добрый вор — добрых не бывает. Стоял и дрожал за свою судьбу оккупант, захватчик, фашист…

Ну как тут не вспомнить слова Льва Толстого, сказанные в «Войне и мире» о наполеоновских вояках:

«Это была толпа мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей, которые казались ему ценны и нужны».

Мародеры фюрера, оказывается, своим грабительским аппетитом ничем не отличались от бонапартовских предшественников.

Кстати, в усадьбе великого гения мировой литературы варвары двадцатого века приходили в бешенство от факта существования русской культуры. Они планомерно уничтожали все, что было связано с именем Льва Николаевича — печи топили разбитой уникальной мебелью и книгами, в одной комнате сделали туалет, здание школы для крестьянских детей превратили в развалины, унесли с собой ценные картины, ковры, другие экспонаты, хранившиеся в музее. Рассказы местных жителей были полны ужасных подробностей о грабежах, разбоях, убийствах и действиях специальных команд поджигателей домов.

Все эти данные были собраны военными контрразведчиками 16-й стрелковой дивизии.

«Любопытный случай, — писал Яцовскис, — произошел в

апреле 1943 года в нашей чекистской практике. Вернувшись в один из вечеров из 167-го стрелкового полка, я увидел в отделе задержанного красноармейца.

Поздней ночью пришлось разбудить начальника отдела и доложить о результатах допроса. Полковник Барташюнас, внимательно выслушав меня, приказал немедленно под личную ответственность отконвоировать задержанного в Особый отдел армии.

Как сейчас вижу перед собой этого рослого, статного, смуглого украинца. Когда его ввели в комнату, он тут же вытянулся по стойке «смирно» и, как бравый солдат, щелкнул каблуками.

«Прошел хорошую муштру», — мелькнула у меня мысль. Предложил ему сесть, а сам принялся рассматривать изъятую у него при личном обыске красноармейскую книжку.

Я спрашиваю, он отвечает, записываю, опять спрашиваю:

— Профессия и специальность?

— Тракторист.

— Место службы и должность или род занятий?

— Агент немецкой разведки…

Мне показалось, что я ослышался. Ничего не стал записывать и еще раз переспросил. А он в ответ:

— Я уже сказал, агент немецкой разведки. Прошлой ночью был переброшен в тыл Красной Армии.

Я поспешно кончил заполнять анкету и принялся писать протокол допроса подозреваемого.

— Вы запишите, пожалуйста, в протокол, что я явился с повинной, с тем чтобы во всем чистосердечно признаться, — попросил допрашиваемый.

— Но ведь вас задержал патруль, — возразил я.

— Не моя вина, что весь день пришлось искать Особый отдел.

И тут он мне поведал из ряда вон выходящую историю. Еще задолго до получения задания от гитлеровской разведки этот агент твердо про себя решил: «Поручение фашистов выполнять не буду и сразу после выброски добровольно явлюсь в Особый отдел НКВД».

После приземления на парашюте в нашем тылу он штыком заколол своего напарника-радиста, который намеревался выслужиться перед врагом, спрятал рацию, оружие, другое выданное немцами снаряжение и направился в сторону фронта на поиски Особого отдела. Повстречавшиеся на рассвете красноармейцы указали ему на землянки возле опушки леса. Он приблизился к одной из них и спросил у часового, здесь ли находится Особый отдел.

Красноармеец недружелюбно спросил:

— А тебе какое дело?

— Я немецкий шпион.

— Я тебе покажу «шпиона»! Давай катись-ка отсюда, — зло прокричал часовой и направил на него ствол автомата.

— Что ж мне оставалось делать? — продолжал свой рассказ задержанный. — От того места весь день петлял по дорогам, пока не встретил ваши патрули.

Приблизительно месяц спустя в отдел заезжал руководящий работник Особого отдела армии, от которого мы узнали, что все показания задержанного полностью подтвердились: был обнаружен убитый немецкий агент-радист, парашюты, радиоаппаратура. Разобрались и с ротозеем-часовым, прогнавшим прочь немецкого агента. Он, видите ли, думал, что, называя себя шпионом, красноармеец над ним подшучивает, издевается.

— Не встречал таких шпионов, которые сами приходят в НКВД, — пытался оправдаться незадачливый боец взвода охраны Особого отдела.

Но на фронте случалось всякое!»

Тепло военный контрразведчик отзывался о командующем Калининского фронта генерале армии Андрее Ивановиче Еременко, который в 1940 году был командиром механизированного корпуса и являлся одновременно начальником Вильнюсского гарнизона. На одном из совещаний он сообщил, что войска фронта готовятся к новым наступательным операциям, и настало время освобождения Белоруссии и Литвы. Затем Еременко приказал построить офицеров. Когда это было сделано, скомандовал:

— Кто имеет одно ранение, шаг вперед! Кто ранен дважды, два шага вперед! Кто ранен трижды и более, три шага вперед — марш!

Генерал армии вручил ордена офицерам, которые были ранены на фронтах Великой Отечественной войны, но не имели правительственных наград. Он придерживался правила сразу же после боя прямо на передовой — в окопах, землянках, блиндажах, на артиллерийских позициях — вручать ордена и медали наиболее отличившимся воинам.

★ ★ ★

В конце октября 1943 года батальон 249-го стрелкового полка, успешно выполнив боевое задание, занял круговую оборону. В полдень бойцы боевого охранения задержали

слоняющуюся без дела у опушки леса девушку. Когда о ней стало известно старшему оперуполномоченному полка капитану Й. Юргайтису, у него возникло подозрение о возможной причастности девушки к немецкой агентуре. Она назвалась Аннушкой. В ходе беседы задержанная рассказала, что в 1942 году она добровольно вступила в отряды народных мстителей. Работала в партизанском отряде, действовавшем в окружении Полоцка, радисткой. Неделю назад каратели окружили отряд. В завязавшемся бою лишь немногим удалось спастись. Она все время шла на восток — к своим…

На посланный запрос сотрудники СМЕРШа вскоре получили ответ — Аннушка действительно служила в отряде радисткой. Связь с отрядом прервалась полгода назад. Все как будто соответствовало показаниям радистки, кроме периода ее ухода из отряда. Допросили девушку еще раз. На этот раз она была не так уверена, начала путаться и нервничать. Все больше возникало противоречий. Тогда сотрудник СМЕРШа попытался склонить задержанную девушку к откровенной беседе.

Аннушка вздохнула и, опустив голову, заявила:

— Боюсь сознаться…

И вот полился рассказ искреннего раскаяния.

Полгода назад гитлеровцы разгромили партизанский отряд, и она оказалась в плену. Однако затем начались совершенно неожиданные и непонятные для нее события: немцы ее не пытали, не собирались вешать, как они обычно делали с партизанами, даже не допрашивали ее.

Спустя некоторое время ей разрешили свободно прогуливаться по двору дома, в котором располагался немецкий штаб, а командир воинской части, хорошо говоривший по-русски капитан по фамилии Штефан, был с Аннушкой изысканно вежлив, ни разу не расспрашивал ее ни о партизанах, ни о родственниках. Так прошел месяц, потом другой. Затем Штефан начал ей давать невинные, на первый взгляд, поручения. У Аннушки был красивый почерк, и ей велели переписывать какие-то списки. После этого Штефан поручил ей выписать из списков советских военнопленных каждого десятого, которых эсэсовцы вскоре расстреляли в отместку за якобы совершенный кем-то побег из лагеря. Очередная просьба Штефана была такова — ее послали с повесткой к местному жителю. Ничего не подозревая, он явился в немецкий штаб, и его на глазах у Аннушки повесили.

«Хитрый и коварный немецкий разведчик, — как писал Евсей Яковлевич, — незаметно опутал Аннушку липкой прочной паутиной, из которой она не сумела вырваться. Выполнение этих «невинных» поручений оказалось равносильным сотрудничеству с

врагом. Она это поняла слишком поздно, а Штефан убедил, что дороги назад у нее нет.

Аннушка встала на путь предательства. Дважды она ходила в разведку в партизанский край, и оба раза доставляла фашистам необходимые сведения. На этот раз Штефан послал ее разведать, что там за большая группа хорошо вооруженных людей оказалась в тылу у немецких войск — партизаны или регулярные части Красной Армии. Бдительность красноармейцев помешала Аннушке выполнить это последнее задание немецкой разведки.

Закончив следствие, я доложил об этом начальнику отдела и получил приказание отправить Аннушку в отдел контрразведки СМЕРШ армии.

До разоблачения Аннушки нашими органами еще не было известно о существовании немецкой разведывательной группы капитана Штефана. 14 декабря 1943 года, вручая мне орден Красной Звезды, начальник отдела контрразведки СМЕРШ 4-й Ударной армии полковник Василий Федорович Смышников сказал:

— Помимо всего прочего, это вам за разоблачение первой ласточки капитана Штефана!

Уже после войны я узнал, что Аннушка искупила вину перед Родиной, она помогла нашим чекистам в роли агента-опознавателя обезвредить не одну группу вражеской агентуры, засылавшейся капитаном Штефаном в тыл Красной Армии».

★★★

Сегодня все те, кто сражался за освобождение Литвы с коричневой чумой, в том числе воины 16-й литовской стрелковой дивизии и многочисленные отряды партизан, в Литве обозваны «оккупантами», а сторонники гитлеровского режима из отрядов ваффен СС — освободителями. Переписчики истории спешат выхолостить из памяти потомков правду о войне, а молодежи влить в души свою «правду», выстроенную на мифологемах. А вообще каждый народ имеет то правительство, которого он заслуживает. Этим правителям следует напомнить одну вещь — став министром, Геббельс исключил Генриха Гейне из энциклопедического словаря. Как говорится, одному дана власть над словом, другому над словарями. Прошло немного времени, и жизнь поставила всех на свои места — гения на пьедестал, преступника сожгла и пустила прах по ветру.

Что касается понятия «освободители» в современной трактовке литовских властей, то здесь уместны герценовские

слова — я вижу слишком много освободителей, g не вижу свободных людей. Литва разделена сегодня на своих и чужих, на граждан и неграждан страны, хотя класть декларирует свободу слова и личности. Но как говорил Марк Твен — милостью Божьей мы имеем три драгоценных блага: свободу слова, свободу совести и благоразумие никогда не пользоваться ни тем, ни другим.

Зафронтовой агент

Разыскники СМЕРШа считали, что самый надежный способ выйти на агента противника — внедрить его в то гнездо, где лупятся яйца, высиженные абвером или РСХА, и появляются, таким образом, лазутчики, готовые шпионить, взрывать, терроризировать население.

Ярким примером поиска предателей может служить операция, проведенная контрразведчиками СМЕРШа 3-го Белорусского фронта. Документ с грифом «Совершенно Секретно» назывался:

«Докладная записка СМЕРШ 3-го Белорусского фронта № 2/32937 в Главное управление контрразведки СМЕРШ НКО СССР о выполнении задания зафронтовым агентом «ГОРЯНОВЫМ». 21 ноября 1944 г.

При этом представляю доклад зафронтового агента Горянова», переброшенного нами в тыл противника 20 июня с.г. с задачей внедрения в разведпункт противника, дислоцирующегося в д. Будилово Витебского рай-рта, и сбора контрразведывательных данных о деятельности и агентуре этого пункта.

Одновременно «Горянов» являлся прикрытием для второго нашего агента — «Вестового», который, являясь Агентом германской разведки… был перевербован нами, направлен в Будиловский разведпункт 113-й агентурно-разведывательной группы «Гирш» с заданием вербовки работницы кухни этого пункта в нашу пользу. Агентурная комбинация мною была представлена в Главное управление контрразведки СМЕРШ №/ 2/17137 от 14 июня с.г.

Приложение: доклад зафронтового агента «Горянова».

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ 3-го

Белорусского фронта генерал-лейтенант Зеленин».

В этих скупых строчках докладной записки с непродолжительным временным параметром втиснут огромный объем работы как военных контрразведчиков, так и самих наших агентов. Готовилась агентурная пара оперативниками 2-го отдела Управления контрразведки СМЕРШ во главе со старшим оперуполномоченным Молчановым и его коллегами.

К докладу был приложен список выявленной «Горяновым» и «Вестовым» агентуры «абвергруппы 113» и преподавательского состава. На агентуру из числа советских военнослужащих давались их установочные данные, псевдонимы и сведения о прошлой службе в рядах Красной Армии. Эти данные нужны были

для предметной работы по поиску вражеской агентуры, заброшенной в тыл Красной Армии.

Из доклада зафронтового агента «Горянова»: «В ночь на 20.06.1944 г. на участке 159-й стрелковой дивизии в районе дер. Рублево Витебского района Витебской области я вместе со своим напарником «Вестовым» был направлен через линию фронта в расположение германских частей для выполнения задания советского командования по выявлению агентуры противника, подготавливаемой в разведпункте в дер. Будилово, и сбора данных о деятельности этого пункта…»

До нейтральной полосы их сопровождали наши военнослужащие, указавшие путь следования к немецким позициям. А дальше они шли одни. При приближении примерно метров за тридцать до переднего края немецкой обороны «Горянов» стал вполголоса кричать: «Алло! Алло!»

Сразу же немцы запустили осветительные ракеты. Поднялась ружейно-пулеметная стрельба с обеих сторон. Фашисты при свете ракет их заметили и тут же прекратили стрельбу.

«Горянов» вновь крикнул несколько раз: «Алло! Дойч агент!» Вскоре один немецкий солдат поднялся из окопа и крикнул по-немецки:

— Ком! Ком!

После чего два наших разведчика с поднятыми руками побежали в сторону немецких траншей. Стоило им впрыгнуть на дно окопа, как они тут же были разоружены и переданы офицеру вермахта.

— Кто вы такие? — удивленно спросил он.

— Немецкие агенты и возвращаемся после выполнения задания из тыла Красной Армии, — ответили почти хором «перебежчики».

— Гут! Гут! Карашо! — улыбнулся фашист, говоривший по-немецки, и стал детально интересоваться: где образовалось скопление советских войск с танками и артиллерией, не готовятся ли русские наступать или на каких вероятных участках можно ожидать наступления?

Разведчики тоже отвечали на его родном языке.

После завершения беседы офицер констатировал — молодцы, дайте им по стакану водки. На столе появилось сало, лук, хлеб.

Перекусив, разведчики немного расслабились. После выпитой водки уставшие люди считали, что им дадут передохнуть. Но их под конвоем повели в глубь оборонительных позиций. Углубившись в тыл километра на два, разведчиков завели в землянку, где повторился характер опроса очередным немецким офицером. Через несколько часов их отвезли на автомашине в

штаб разведпункта…

Встретил их переводчик в звании зондерфюрера по фамилии Регер. Первый его вопрос был жестким:

— Почему вы нарушили срок пребывания за линией фронта?

— Да, вместо семи суток мы пробыли в стане противника двадцать дней. Но в этом нет нашей вины, — пояснил один из агентов. — Дело в том, что германские войска не отступили в предполагаемое время, и мы только на пятые сутки сумели проникнуть в расположение частей Красной Армии. (Эти данные соответствовали разработанной легенде. — Авт.)

— А еще, — вставил «Горянов», — мы оказались в затруднительном положении, то есть вынуждены были или опоздать, но выполнить задание, или возвратиться вовремя, не достигнув цели.

Он понимал, что в минуты нерешительности надо действовать быстро и стараться сделать первый шаг.

— Я вас не виню, но своим длительным молчанием вы заставили изрядно поволноваться наше руководство. Кроме того, я признаю и свою вину в неудачной переброске…

Через два дня в деревню Будилово прибыл начальник разведгруппы 113 капитан Генрих Темерис. Он от лица службы поблагодарил своих «агентов» за проявленную находчивость при выполнении задания и вручил обоим лазутчикам медали…

★ ★ ★

После отхода немцев в результате наступления советских войск разведгруппа уходила вместе с войсками на запад. С ней пришлось перемещаться и нашим разведчикам. За этот период они углубили свои знания о задачах этого подразделения фашистской военной разведки, собрали данные на весь личный состав, установили условное наименование группы — «Hirsch» — «Олень» и ее принадлежность к 3-й армии вермахта, а также техническую оснащенность группы.

Немцам хотелось быстрее задействовать своих «агентов» в деле. Отступая, офицеры разведгруппы 113 готовили и забрасывали свою агентуру в тыл Красной Армии. Пришел черед и нашим молодцам, горевшим желанием как можно быстрее оказаться в кругу своих. Тем более, багаж собранной информации о противнике требовал «освободиться» от нее.

В районе местечка Рагниш (Восточная Пруссия) немцы наконец-то отдали приказ на вылазку в тыл Красной Армии. Сначала их переодели, выдали документы прикрытия и

продовольствие. «Горянова» экипировали в форму лейтенанта Красной Армии, а его напарника — в форму сержанта. Лейтенант, согласно легенде, являлся офицером связи 87-й стрелковой дивизии.

«Горянов» вспоминал:

«Мне были выданы фиктивные документы: удостоверение личности на имя Орлова Филиппа Михайловича, кандидатская карточка ВКП(б) № 720 3654, временное удостоверение о награждении медалью «За отвагу», расчетная книжка, продаттестат, 4 командировочных предписания в разных вариантах. Легендой предусматривалось, что я, как офицер связи, следую за получением Имущества на военскладе № 1056, а на обратном пути к линии фронта я должен был легендировать, что иду в подразделение со склада, где сдавал имущество связи.

Мой напарник «Вестовой» имел документы на имя Максакова Николая Васильевича, согласно легенде, следовал вместе со мной как подчиненный. Нам также было Выдано оружие: мне — револьвер системы «Наган», а напарнику — автомат. Продуктов дали из расчета на 2 суток. Задание заключалось в том, чтобы в районе переброски севернее Рагниша собрать данные о наличии и Наименовании советских частей, углубившись не больше как на 6–8 км в тыл… 16–17 октября 1944 г. мы должны были вернуться обратно к немцам по паролю «Дойч агент».

Инструктировал и выдавал документы старший лейтенант — литовец. Присутствовал при этом переводчик Стефаний. При инструктаже нам рекомендовали смело двигаться по дорогам в советском тылу, не обходить стороной и контрольно-пропускные пункты, так как имеющиеся у нас фиктивные документы «не вызывают никаких подозрений». На случай проверки документов рекомендовали предъявлять проверяющим вначале один какой-либо документ и лишь по требованию показывать остальные…»

Кроме того, им ставилась задача собирать необходимые сведения о нумерации и дислокации советских воинских частей и соединений путем наблюдения и расспросов идущих по дорогам бойцов, главным образом, одиночек. При этом им рекомендовалось в разговоре с конкретным солдатом поинтересоваться, из какой он дивизии, и тут же назвать место своей службы — 87-я стрелковая дивизия. Они должны были пояснить, что дивизия их переместилась в ходе наступления и теперь приходится разыскивать свою часть. В случае задержания рекомендовалось оказывать вооруженное сопротивление, ни в коем случае не признаваться в связях с немецкой разведкой.

14 октября 1944 года офицер-литовец и переводчик Стефаний доставили «агентов» в легковой машине на передний край

немецкой обороны. Затем с наступлением темноты два немецких солдата указали им путь следования в сторону советских войск. Вскоре разведчики оказались в расположении одной из частей и, согласно паролю, были переданы в отдел военной контрразведки.

Дальнейшая судьба наших героев неизвестна. Но когда исчезают герои, на арену выходят клоуны…

Предатели из Туркестанского легиона

Вопрос об использовании против Советской России подразделений вермахта, состоящих из тюркских народов СССР и Центральной Азии, был поставлен Гитлером еще в 1933 году, сразу же по приходе бывшего ефрейтора к власти. В советской исторической литературе указывалось, что идея проекта создания Туркестанского легиона, как части большого Восточного легиона, принадлежала некому Мустафе Шокаю. Однако сегодня обнаружены другие данные — ему, видному антисоветскому эмигранту, осенью 1941 года лишь предлагалось возглавить Туркестанский легион. Но он отказался и вскоре Скоропостижно скончался. Есть подозрение, что он был отравлен немецкой спецслужбой. Первым руководителем легиона в марте 1942 года был назначен узбек по национальности Вели Каюм.

Источником пополнения Туркестанского легиона, созданного 15 ноября 1941 года при 444-й охранной дивизии, являлись советские военнопленные, а также эмигранты и беженцы, осевшие в европейских странах и Турции. В подразделениях легиона служили казахи, узбеки, туркмены, киргизы, уйгуры, татары и другие народности, исповедующие ислам. Сначала легион назывался «Туркестанским полком», состоявшим из четырех рот.

В зиму 1942 года он обрел название «Туркестанский легион», состоявший уже из батальонов. База формирования батальонов находилась в Польше. Весной 1942 года на советско-германский фронт были отправлены первые два батальона — 450-й и 452-й, за ними еще четыре — с 781-го по 784-й, весной 1943 года — 8 батальонов. Уже к началу 1944 года на фронте действовало 24 туркестанских батальона.

И все же из-за относительной малочисленности личный состав легиона чаще использовался не в ходе активных боевых действий, а был занят во вспомогательных и тыловых военных, в основном — карательных операциях. Задействовали его также в охране стратегических военных объектов. Большинство батальонов было приписано к 6-й армии генерал-полковника Ф. Паулюса.

В мае 1943 года в городе Нойхаммере была сформирована экспериментальная 162-я туркестанская пехотная дивизия, которая воевала в Словении и Италии. Солдатам и офицерам легиона и дивизии германское командование обещало создание Туркестанского государства — Большого Туркестана под

протекторатом Германии. Большой Туркестан, в который бы входили помимо Средней Азии и Казахстана еще Башкирия, Поволжье, Азербайджан, Северный Кавказ и Синьцзян.

Руководство вермахта и спецслужб фашистской Германии не оставляло надежд поднять против советской власти восстание в Центральной Азии. Для этой цели активно работала гитлеровская резидентура в Афганистане. Именно из этой страны немцами планировалась операция по прорыву госграницы. В 1943 году фашисты сформировали специальное подразделение под кодовым названием «Алаш». Руководителем его назначили А. Агаева с задачей заброски отряда в Казахстан и проведения там серии враждебных актов. Группа должна была проникнуть на территорию Жилокасинского района Гурьевской области. Кроме того, диверсантам ставилось следующее конкретное задание: установить связи с враждебно настроенными к существующей власти элементами и дезертирами из числа местного населения для организации диверсий как в глубоком тылу Красной Армии, так и в местах расположения эвакуированных заводов, связанных с оборонной промышленностью, для проведения диверсий на нефтепромыслах и железнодорожном транспорте.

Для ведения профашистской агитации и пропаганды в тылу группа располагала 3000 листовок на казахском языке, типографским станком, набором шрифтов, красками, готовыми клише антисоветских карикатур, а для легализации на территории Казахстана имелось 130 чистых бланков и свыше 120 печатей различных государственных учреждений.

Немецкие самолеты дважды выбрасывали диверсантов — 3 и 6 мая 1944 года. Полеты транспортников, на которых летели разведывательно-диверсионные группы, были вовремя замечены средствами ПВО. Об этом военные быстро сориентировали местное управление НКВД, яичный состав которого был задействован в поиске диверсантов. Вскоре пришельцев с неба чекистам удалось обнаружить. Операция завершилась тем, что пять человек из парашютного десанта были уничтожены в ходе боевого столкновения, а девять диверсантов пленены. Оставшийся в живых радист группы до окончания войны работал на военную контрразведку СМЕРШ, передавая немцам ложную информацию. Приятно было отметить, что дезинформация по группе Агаева достигла цели — абвер, а потом и РСХА до последних дней войны считали, что получают от «алашистов» объективную информацию.

★★★

О результатах разыскной работы сотрудников военной контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта на территории Болгарии и Югославии свидетельствует один документ, фрагменты которого есть смысл привести, чтобы показать масштабы этой деятельности армейских чекистов.

Так, в докладной записке УКР СМЕРШ фронта № 29342/3 от 14 декабря 1944 года в ГУКР СМЕРШ НКО СССР о результатах розыска на упомянутых территориях активных карателей, служивших в Туркестанском легионе, говорилось:

«Со времени вступления войск 3-го Украинского фронта на территорию Болгарии и Югославии органами контрразведки СМЕРШ в результате проводимых мероприятий установлено и арестовано 116 карателей, служивших в так называемых «туркестанских легионах», принимавших активное участие в вооруженной борьбе против частей Красной Армии и в карательных экспедициях против Местных партизан.

13 октября с.г. в отдел контрразведки СМЕРШ 93-й Стрелковой дивизии, входящей в состав 57-й армии, поступили данные о том, что в населенном пункте Шабурь (Югославия) скрываются добровольцы немецкой армии, отставшие при отступлении. Принятыми мерами розыска в указанном пункте были обнаружены и задержаны:

1. Матякубов Базарбай, в Красной Армии служил с декабря 1941-го до мая 1942 года, с мая 1942-го по октябрь 1944 года — в немецкой армии в звании ефрейтора.

2. Нагиметов Толеу, в Красной Армии служил с 1939-го по сентябрь 1941 года, с мая 1944-го по октябрь служил в немецкой армии, унтер-офицер.

3. Мирзаев Тимур, в Красной Армии служил с июня по август 1941 года, с октября 1942 по октябрь 1944 года служил в немецкой армии, унтер-офицер.

Произведенным расследованием установлено, что указанные лица в разное время и на различных участках фронта, проявив трусость в боях с немцами, добровольно перешли на сторону противника, а спустя некоторое время также добровольно поступили на службу в немецкую армию. Из показаний арестованных видно, что все трое находились на службе в 785-м туркестанском батальоне легионеров, который на разных участках фронта принимал участие в боевых действиях против частей Красной Армии.

До мая 1944 года батальон располагался в городе Речице Белорусской ССР и Миньске-Мазовецком, где нес гарнизонную службу и охрану от нападения партизан. В августе с.г. батальон был направлен на германо-советский фронт и занимал оборону

по реке Висла, откуда в начале октября был переброшен в Югославию, где добровольцы принимали участие в боях с Красной Армией в районе Белграда.

В октябре отделом контрразведки СМЕРШ 244-й стрелковой дивизии от осведомителя «Стороженко» было получено донесение, в котором указывалось, что находящийся на службе рядовой «Андрей» ранее служил в туркестанском батальоне в должности командира взвода и зверски относился к мирным жителям. В процессе дальнейшей разработки было установлено, что «Андрей», о котором сообщил осведомитель «Стороженко», есть — Рахимов Хайдар, в Красную Армию вторично призван в августе 1944 года на территории Бессарабии. На основании указанных данных и показаний свидетеля Хамраева Рахимов 22 сентября был арестован.

На допросе он показал, что, находясь в плену у немцев, в марте 1943 года добровольно поступил на службу в формируемый германским командованием 244-й туркестанский батальон легионеров, где был вначале рядовым солдатом, затем командиром отделения и в последнее время командиром взвода в чине унтер-офицера. Одновременно Рахимов показал, что вместе с ним в батальоне служили и принимали участие в грабежах населения находящиеся на службе:

1. Оразов Туак, в Красную Армию мобилизован в ноябре 1941 года, а в июне 1942 года добровольно перешел на сторону немцев. Вторично в Красную Армию мобилизован в августе 1944 года.

2. Джумаев Коленжар Кули, в Красную Армию призван в 1941 году, был в плену противника с 1942 по 1944 год, служил в немецкой армии.

Оразов и Джумаев также арестованы, и показаниями последних установлено, что 244-й туркестанский батальон во время отступления немцев на территории СССР использовался в карательных целях, занимался поджогами населенных пунктов, отбирал у населения скот и угонял его в тыл немецких войск, а также насильственно угонял мирных советских граждан, проводил облавы на Партизан и коммунистов. Солдаты этого батальона творили массовые злодеяния и насилия над советскими Людьми. Кроме грабежей и насилий, легионеры в составе батальона в 1943 году принимали участие в боях против Красной Армии в районе г. Славянска и по реке Северский Донец. Из показаний арестованных видно, что немецкое командование среди солдат батальона проводило усиленную пропаганду под лозунгом «Борьба за создание самостоятельного туркестанского государства».

В ноябре с.г. отделом контрразведки среди военнослужащих агентурным путем было вскрыто 3 группы изменников. Они служили в немецкой армии и принимали активное участие в боях против частей Красной Армии и партизан на оккупированной немцами территории.

6 ноября по подозрению в причастности к Туркестанскому легиону было задержано 34 человека.

Все арестованные в ходе следствия показали, что в 789-й туркестанский батальон они вступили добровольно под влиянием антисоветской пропаганды, проводимой среди военнопленных немецким командованием и изменниками Родины, бывшими командирами Красной Армии из числа среднеазиатских национальностей. В составе этого «батальона» они в конце 1942 года были направлены на Украину, где вели бои с регулярными частями Красной Армии, несли охрану складов, мостов, железнодорожных путей и принимали участие в операциях по борьбе с партизанами.

В декабре 1943 года, после того как одна из рот «легионеров» перешла на сторону Красной Армии, 789-й батальон был разоружен и направлен в Германию. Там добровольцы в течение двух месяцев проходили обучение, а затем снова были вооружены и направлены в Грецию для борьбы партизанами.

Находясь в Греции, принимали участие в вооруженной борьбе, занимались грабежом мирного населения и разрушениями населенных пунктов.

1 ноября с.г. отделом контрразведки СМЕРШ 9-го района авиабазирования 17-й воздушной армии на территории Югославии была задержана, а впоследствии арестована группа изменников Родины в количестве 29 человек, среди которых:

1. Синкенов Байнияз.
2. Курчиев Абас.
3. Алтабаев Козикбай.
4. Салмапаев Имаш и другие лица, являвшиеся военнослужащими Красной Армии, в разное время в 1941 —

1942 годы в боевой обстановке, с оружием в руках, добровольно сдались в плен противнику.

Будучи в составе туркестанского батальона, Синкенов, Курчиев, Алтабаев и другие изменники в течение всего времени службы принимали непосредственное участие в борьбе против Красной Армии; до августа 1944 года несли службу по охране немецких коммуникаций в Польше, в августе — сентябре с.г. принимали участие в строительстве укреплений немцев на р. Висла и там же держали оборону, в сентябре — октябре участвовали в боях против частей народно-освободительной

армии Югославии, несли службу по охране немецких коммуникаций в Югославии.

Отделом контрразведки СМЕРШ 34-го стрелкового корпуса 10 ноября с.г. была арестована группа изменников Родины в количестве 9 человек: Ачилова Мухтара, Минбаева Конлибая и других лиц, служивших в 789-м туркестанском батальоне, проводивших активную вооруженную борьбу против греческих партизан и принимавших участие в грабежах мирного населения. Следствием установлено, что все арестованные в преобладающем своем большинстве в первые месяцы Отечественной войны сдались в плен противнику и некоторое время содержались в лагерях военнопленных, а затем весной

1943 года добровольно поступили на службу в 789-й туркестанский батальон.

Отделом контрразведки СМЕРШ 295-й стрелковой дивизии, входящей в состав 37-й армии, 31 ноября с.г. арестовано 20 военнослужащих, проникших на службу в дивизию, разоблаченных агентурным путем как изменники Родины, состоявшие на службе у немцев. В процессе следствия установлено, что все арестованные по делу, находясь в плену противника, добровольно поступили на службу в сформированный немцами «11-й туркестанский батальон легионеров». В этом подразделении они под командованием немецких офицеров обучались навыкам боевых действий в условиях горной местности, несли охрану железнодорожных сооружений, а затем принимали участие в карательных экспедициях против польских и греческих партизан, поджогах сел и участвовали в грабежах мирных жителей.

Одновременно отделом контрразведки СМЕРШ 34-го стрелкового корпуса 17 ноября с.г. было арестовано 14 военнослужащих, находившихся на сборно-пересыльном пункте. В отношении этих лиц имелись данные об их службе в том же батальоне и участии в борьбе против партизан, поджогах населенных пунктов и грабежах мирных жителей, в особенности на территории Греции.

Отделом контрразведки СМЕРШ 259-й стрелковой дивизии 11 ноября с.г. арестовано 6 человек, ранее изменивших Родине, а затем служивших в 769-м туркестанском батальоне легионеров, в составе которого принимали участие в борьбе против греческих партизан. Также установлено, что все они, как и другие добровольцы 789-го батальона, являлись активными карателями, проводившими грабеж мирного населения и поджоги населенных пунктов. Из материалов следствия по всем делам изменников-карателей видно, что батальоны, в которых они служили, осенью

1944 года, в ходе боевых действий были разбиты частями Красной Армии на территории Югославии. Остатки недобитых легионеров бежали с немцами, а часть их была взята в плен.

В ходе следствия выявлен ряд новых изменников Родины — карателей, в отношении которых проводим дальнейшие мероприятия по розыску и аресту.

Список выявленных и арестованных изменников Родине, служивших в «туркестанском легионе», прилагаем.

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта Генерал-лейтенант Ивашутин».

— Эти предатели получили по заслугам. Одних приговорили военные трибуналы к расстрелу, других ожидали, как правило, 10-летние сроки лагерного содержания.

★★★

Военные контрразведчики СМЕРШа провели серию интересных операций и на территории Чечено-Ингушской АССР против немецкой агентуры и гитлеровских пособников в лице руководителей и организаторов повстанческого движения в Чечне Хасана Исраилова и Майр-бека Шерипова.

Начиная войну с нашей страной, — как писал известный историк и публицист Игорь Пыхалов, — немцы среди прочего рассчитывали разыграть «националистическую карту». Частично это им удалось. Ряд народностей СССР, в частности чеченцы и ингуши, фактически встали на путь массового предательства.

Во-первых, с их стороны отмечалось массовое дезертирство. За первые три года войны из рядов РККА дезертировало около пятидесяти тысяч чеченцев и ингушей — точнее, 49 362 человека, уклонилось от призыва — 13 389, что в сумме составляло 62 751 человек.

Во-вторых, организация бандитизма. Сегодня деятельность «борцов с Советами» часто героизируется, а по сути «повстанцы» были элементарными бандитами. Их обычная тактика — ограбить, украсть, убить, а потом скрыться при появлении опергрупп или воинов РККА. За период с начала войны по 1944 год органами госбезопасности было уничтожено около двухсот банд.

В-третьих, на территории Чечено-Ингушетии произошло три крупных восстания: в конце октября 1941 года — в Галанчожском, Шатоевском и Итум-Калинском районах, в августе 1942 года — в Итум-Калинском и Шатоевском районах и в октябре 1942 года в Введенском и Чеберлоевском районах.

С приближением фронта к Кавказу немцы стали забрасывать свою агентуру и диверсионные группы с целью максимального усиления бандитско-повстанческих формирований.

Есть смысл остановиться на совместной работе военных контрразведчиков вместе с отдельными территориальными органами НКВД Чечено-Ингушской АССР. Почему отдельными, будет сказано чуть ниже. ГУКР СМЕРШ нужны были сведения о степени участия местного населения в оказании помощи немецким оккупантам и состоянии повстанческого движения в Чечне.

В начале 1943 года советской военной контрразведкой был арестован резидент немецкой разведки Осман Сайднуров (агентурный псевдоним — «Губе»), получивший от руководства абвера звание оберста (полковника).

Он был выброшен с германского самолета в районе селений Аршты-Берешки Гапашкинского района ЧИ АССР в 1942 году вместе с четырьмя пособниками. Перед ними были поставлены следующие задачи: разведдеятель-ность, проведение диверсий на железнодорожном транспорте в расчете на срыв передвижения частей Красной Армии, формирование бандитских групп и организация восстания на Кавказе.

На допросах «Губе» показал, что немецкое командование требовало подбивать местное население на участие в саботаже, срывать продовольственные поставки воюющей Красной Армии, проводить теракты против местного чиновничества и военнослужащих, сеять панику и слухи. Гитлеровцы в ответ на лояльность и помощь оккупационным властям заявляли, что дадут после войны независимость всем кавказским народам. Большое внимание уделялось влиянию на призывную молодежь для склонения ее к дезертирству и пополнения банд, особенно в гористых местностях.

На одном из допросов он показал:

«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4 месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обреталась в Турции и Германии горская эмиграция.

Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми руководили шкурнические соображения, желание при

немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили бы хоть часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

25 августа 1942 года группа обер-лейтенанта Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная в основном чеченцами, ингушами и осетинами, десантировалась в районе селений Чишки, Дачу-Борзой и Дуба-Юрт Ата-гинского района ЧИ АССР тоже для организации диверсионно-террористических актов и организации повстанческого движения. Для этого руководитель группы установил связь с одним из главарей чеченских банд Хасаном Исраиловым, а также с предателем Эльмурзаевым, который, будучи начальником Старо-Юртовского райотдела НКВД, в августе 1942 года перешел на нелегальное положение вместе с районным уполномоченным заготовительной конторы Гайтиевым и четырьмя милиционерами, забрав 8 винтовок и несколько миллионов рублей. Однако развернуть преступную затею в полной мере им не удалось. Вскоре бандиты были обнаружены. Не выполнив указаний немцев, обер-лейтенант с остатками группы с помощью проводников-чеченцев во главе с Хамчиевым и Бельтоевым перешли линию фронта и оказались снова у фашистов.

В октябре 1942 года группа, возглавляемая унтер-офицером Гертом Реккертом, забрасывается в горную часть Чечни в составе 12 человек — в основном это были Чеченцы. Им была поставлена конкретная задача — встретиться с одним из руководителей повстанцев горных территорий Расулом Сахабовым и подтолкнуть население селений Введенского района к массовым выступлениям. Его группа в течение непродолжительного времени привлекла в свои ряды около полутысячи человек. Всем завербованным чеченцам и ингушам тут же было вручено немецкое оружие, сброшенное с самолетов во время десантирования группы Реккерта, который уже в октябре того же года сумел организовать восстание в ряде аулов Введенского и Чеберлоевского районов. Однако принятыми оперативно-войсковыми мерами это вооруженное выступление было ликвидировано. Реккерт в одном из боестолкновений был убит, а примкнувший к нему главарь другой диверсионной группы Дзугаев арестован органами военной контрразведки.

Но в борьбе с немецкой агентурой органами СМЕРШа в конце 1943 года были вскрыты недоработки, ошибки и факты предательства со стороны местных сотрудников НКВД. Возглавлявший НКВД ЧИ АССР капитан госбезопасности Султан Албогачиев, ингуш по национальности, всеми путями отмежевывался от участия в борьбе с террористами.

На одном из заседаний бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), а конкретно 9 ноября 1941 года, говорилось: «Наркомат внутренних дел (нарком т. Албогачиев) не выполнил постановления бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 25 июля 1941 года. Борьба с бандитизмом до последнего времени строилась на пассивных методах, в результате бандитизм не только не ликвидирован, а наоборот, активизировал свои действия».

На вопрос, откуда такая пассивность у наркома ЧИ АССР, ответ нашли военные контрразведчики. В ходе очередной операции военнослужащими 263-го полка Тбилисской дивизии войск НКВД лейтенантом Аникеевым и старшиной Нециковым был обнаружен вещмешок одного из главарей чеченских бандитов Исраилова-Терлоева с его дневником и перепиской. В этих документах находилось письмо от Албочагиева следующего содержания:

«Дорогой Терлоев! Привет тебе! Я очень огорчен, что твои горцы раньше положенного времени начали восстание. Я боюсь, что если ты не послушаешь меня, и мы, работники республики, будем разоблачены. Смотри, ради Аллаха, держи присягу. Не назови нас никому. Ты разоблачился сам. Ты действуй, находясь в глубоком подполье. Не дай себя арестовать.

Знай, что тебя будут расстреливать. Связь держи со мной только через моих доверенных пособников. Ты пиши мне письмо враждебного уклона, угрожая мне, а я тоже начну преследовать тебя. Сожгу твой дом, арестую кое-кого из твоих родственников и буду выступать везде и всюду против тебя. Этим мы с тобой должны доказать, что будто мы непримиримые враги и преследуем друг друга.

Ты не знаешь тех орджоникидзевских агентов гестапо, через которых, я тебе говорил, нужно послать все сведения о нашей антисоветской работе.

Пиши сведения об итогах настоящего восстания и пришли их мне, я их сразу сумею отослать по адресу в Германию. Ты порви эту записку на глазах моего посланника. Время опасное, я боюсь.

10 октября 1941 г.».

Не отставали от милиционеров и чекистов также и партийные чиновники. При приближении линии фронта в августе — сентябре 1942 года бросили работу и бежали в горы к повстанцам около сотни членов ВКП(б), в том числе шестнадцать первых секретарей райкомов, восемь руководящих работников райисполкомов и четырнадцать председателей колхозов. С учетом того, что в описываемое время ЧИ АССР включала в себя двадцать четыре района и город Грозный, вырисовывается картина — со

своих постов дезертировали ровно две трети первых секретарей райкомов.

Когда ГУКР НКО СМЕРШ получил обильный материал, свидетельствующий о массовом сотрудничестве местного населения с гитлеровцами, начальник ГУКР НКО СССР генерал-полковник В.С. Абакумов доложил обобщенной справкой Верховному Главнокомандующему. В феврале 1944 года по указанию Иосифа Сталина органы НКВД СССР провели спецоперацию под кодовым названием «Чечевица», в результате которой из Чечено-Ингушской Автономной Республики спешно выселили в районы Средней Азии, особенно на территории Казахстана и Сибири, почти всех чеченцев и ингушей, а саму республику упразднили. Покарали, таким образом, и невиновных. Хотя с позиций сегодняшнего дня многим исследователям показалось, что можно было решить эту задачу другим способом, но каким — никто не может ответить. Но война есть война, у нее жестокий нрав, и она не делает мягче ни солдат, ни офицеров, ни политиков.

— Надо честно признаться, — писал Д.М. Кураев на одном из сайтов в Интернете, — что эффективность данной акции, жертвой которой стали главным образом ни в чем не повинные старики, женщины и дети, оказалась непродуманной и иллюзорной. Вооруженные противники советской власти, озлобленные и доведенные до отчаяния, продолжали мстить русскоязычному населению, устремившемуся на Кавказ после окончания войны.

Операция же по выселению чеченцев и ингушей в Среднюю Азию — в основном в Казахстан и Киргизию, получившая, как известно, кодовое название «Чечевица», началась 23 февраля 1944 года в 2 часа ночи.

Были оцеплены все населенные пункты, устроены дозоры и засады, отключены радиотрансляционные станции и телефонная связь. В 5 часов мужчин созвали на сходы, где им объявили решение правительства и тут же разоружили.

Со слов уже упоминаемого знатока этой темы И. Пыхаяова, пока проходил сход, в это время в двери чеченских и ингушских домов уже стучались опергруппы (ОГ). Каждая ОГ, состоявшая из одного оперативного работника и двух бойцов войск НКВД, должна была произвести выселение четырех семей. По прибытии в дом выселяемых проводился обыск, в ходе которого изымалось огнестрельное и холодное оружие, валюта, антисоветская литература.

Главе семьи предлагалось выдать участников созданных немцами отрядов и лиц, помогавших фашистам. С собой выселяемым разрешалось брать продовольствие, мелкий бытовой

и сельскохозяйственный инвентарь из расчета 100 кг на каждого человека, но не более полутонны на семью. Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали. На сельскохозяйственное оборудование, фураж, крупный рогатый скот выдавалась квитанция для восстановления хозяйства по новому месту жительства. Оставшееся движимое и недвижимое имущество переписывалось представителями приемной комиссии. Все подозрительные лица подвергались аресту. В случае сопротивления или попыток к бегству виновные расстреливались на месте без каких-либо окриков и предупредительных выстрелов.

Следует отметить, что подавляющее большинство «воинственных горцев» послушно отправилось к сборным пунктам, даже не помышляя о сопротивлении. При сопротивлении или попытках к бегству было убито всего лишь 50 человек. В ходе выселения оперсостав совместно с солдатами НКВД изъяли — 20 072 единицы огнестрельного оружия, в том числе 4868 винтовок, 479 пулеметов и автоматов.

Что касается сознательного уничтожения чеченцев и Ингушей, как об этом уверяют обличители «преступлений тоталитаризма», то его не было, а был жестокий послевоенный голод. В этих условиях государство должно было в первую очередь заботиться о лояльных гражданах, а чеченцы и прочие поселенцы во многом оказались предоставлены сами себе. Естественно, традиционное отсутствие трудолюбия и привычка добывать пропитание разбоем и грабежом отдельных из них отнюдь не способствовали выживанию. Тем не менее постепенно переселенцы обжились на новом месте, и перепись 1959 года дает уже большую цифру чеченцев и ингушей, чем было на момент выселения…

Ошибки в национальной политике Сталина, Хрущева, Горбачева и Ельцина дорого обошлись нашему народу. В ходе первой и второй чеченской войн практически все русскоязычное население из Чечни было выдавлено. Более 500 000 русскоговорящих граждан, исповедующих христианство, под воздействием угроз и совершения преступлений покинули пределы республики. Их выбрасывали из квартир, убивали, захватывали имущество, делали заложниками для получения выкупа.

Кто ответит уже за это современное головотяпство, если не сказать жестче — преступление? А мы хотим разобраться со сталинским произволом во время такой непредсказуемой войны. Сегодняшние политики молчат вместе с ангажированными властью журналистами. Но отвечать все же жизнь заставит! Иногда лишь кара пробуждает чувство вины, ибо если виновных

нет, их назначают.

Сито СМЕРШа

Еще полыхали пожары войны. Позади была Сталинградская битва, впереди сражения на Курской дуге. Под мощным напором Красной Армии враг медленно, но сдавал свои позиции — отступал! По мере освобождения наших земель от оккупантов раскрывались чудовищные факты злодеяний, совершенные немецкой администрацией, вермахтом и спецслужбами. Встал остро вопрос о мерах наказания для немецко-фашистских злодеев.

Интересен в связи с исследованием этого вопроса приказ начальника Генерального штаба генерал-полковника Сухопутных войск Германии Ф. Гальдера за № 8000 1942 года. Этим приказом объявлялось «Положение об использовании местных вспомогательных сил на Востоке». В нем говорилось, что «подбор добровольцев из местных жителей и русских солдат (военнопленных) ведет командир батальона. Принимает присягу на верность фюреру — штаб батальона.

Подбор добровольцев преследует цель заменить немецких солдат добровольцами.

Немецкий солдат должен отстаивать свое превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах. Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами.

Добровольцы носят свою русскую военную форму или гражданскую одежду с повязкой на левом рукаве с надписью: «На службе немецкого вермахта».

В отдельных случаях выдается старая немецкая форма. Добровольцы получают содержание по трем разрядам:

1. 30 марок (375 рублей),
2. 36 марок (450 рублей),
3. 42 марки (525 рублей).

Содержание по первому разряду могут получать все добровольцы, по второму — 20 %, по третьему — 10 % всего состава добровольцев. Каждый перевод во второй и третий разряды должен быть подтвержден письменным распоряжением командира батальона.

Добровольцы получают продовольствие, и им предоставляются квартиры и оказывают медицинскую помощь бесплатно.

Запрещается выставлять добровольцев на охрану складов с боеприпасами и оружием. Размещаются они отдельно от немецких солдат. Надзором в целях предотвращения шпионажа ведают в первую очередь фельдфебели (главные вахмистры)

подразделений.

К добровольцам необходимо по возможности засылать тайных агентов».

В этом «приглашении на предательство» с оплатой в тридцать сребреников чувствуется все-таки некоторое недоверие к изменникам.

На действие оккупантов последовало противодействие со стороны советских властей.

Весенним днем 1943 года выходит приказ НКО № 106, объявляющий Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

В нем говорилось:

«1. Ниже объявляется Указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников.

2. Военным советам фронтов и армий обязать командиров дивизий не позднее 10 мая 1943 г. организовать для этой цели военно-полевые суды в соответствии с требованиями объявляемого Указа. Об исполнении донести.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза И. Сталин».

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

«О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено много фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами.

Многие десятки тысяч ни в чем не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев были зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса

гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение.

2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

3. Рассмотрение дел о фашистских злодеях, виновных в расправах и насилиях над мирным советским населением и пленными красноармейцами, а также о шпионах, изменниках Родины из числа советских граждан и об их пособниках из местного населения возложить на военно-полевые суды, образуемые при дивизиях действующей армии в составе: председателя военного трибунала дивизии (председатель суда), начальника особого отдела дивизии и заместителя командира дивизии по политчасти (члены суда), с участием прокурора дивизии.

4. Приговоры военно-полевых судов при дивизиях утверждать командиру дивизии и приводить в исполнение немедленно.

5. Приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов при дивизиях производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предает свою Родину.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН Москва, Кремль. 19 апреля 1943 г.».

В этот же день родилось и Главное управление контрразведки СМЕРШ.

Оперативная масса, с которой пришлось столкнуться сотрудникам СМЕРШа во время войны и после ее окончания для просева и нахождения нужных объектов, представляла невиданные масштабы. Чтобы представить объем работы, необходимо обратиться к некоторым цифрам как по советским военнопленным у немцев, так и немцам в советском плену.

Из общего числа советских военнопленных — 6,3 млн человек в годы войны погибло около 4 миллионов. Многие из 1,8 млн бывших пленных, вернувшихся в СССР, прошли через фильтры военной контрразведки.

Проверка военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или в окружении на армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных (ПФП) пунктах, проводилась в формах личного досмотра, письменных показаний, допросов, запросов и заключений по результатам фильтрации.

Многим было трудно объяснять смершевцам, почему попал в плен, почему не бежал, почему не застрелился? До сидевших в лагерях доходила жесткая оценка Сталиным попавших в плен. Дословно они, конечно, не знали реплики вождя по этому поводу, а вот офицеры СМЕРШа ее усвоили:

«Русских в плену нет. Русский солдат сражается до конца. Если он выбирает плен, он автоматически перестает быть русским…»

Не отсюда ли берут начало весьма популярные среди мифотворцев утверждения, будто с освобожденными советскими военнопленными в СССР обращались хуже, чем с взятыми в плен немцами? Например, некто М.И. Семиряга писал, что «уж если говорить о парадоксе применительно к позиции Сталина и его окружения по отношению к военнопленным, то он состоял в том, что советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена».

В унисон с Семирягой говорит другой апологет этой теории Штейнберг. Он пишет, что «свыше полутора миллионов мужчин в стране, потерявшей значительную часть именно этого компонента своей демографии, были изолированы в так называемых фильтрационных центрах. Условия в них ничем не отличались от гулаговских, и немалая часть «фильтруемых» погибла».

Оплевывающие прошлое нашей страны публицисты Дружно рисуют душераздирающую картину, как бывшие советские военнослужащие, освобожденные из фашистских концлагерей, чуть ли все скопом отправлялись в лагеря ГУЛАГа.

Главный коммунистический идеолог, член Политбюро ЦК КПСС, подозреваемый в принадлежности к «агентуре влияния» ЦРУ (см. статью В. Казначеева «Последний генсек», Москва, газета «Гудок» — 1996 г. и книга Н. Зеньковича «Покушения и инсценировки»), сменивший серого кардинала Суслова и ставший тенью Горбачева — А.Н. Яковлев писал в одной из статей в «Известиях» в 1995 году:

«А после войны потрясла меня лютость к пленным. За что? Из гитлеровских лагерей смерти — в концлагеря сталинские. Только Георгий Константинович Жуков попытался заступиться за трижды несчастных людей, но напрасно. Сам попал в опалу».

Однако статистика опровергает вышеприведенные умозаключения. Вот данные из справки Л.П. Берии на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова (согласитесь, лгать было опасно даже самому Лаврентию. Сталинская система перепроверки любой информации действовала бесперебойно и четко). Он писал:

«В октябре и ноябре с.г. в лагеря поступило 97 ООО военнопленных, главным образом из окруженной в районе Кишинева группировки войск противника. Больше половины из них оказались истощенными и больными. Несмотря на мероприятия по их оздоровлению, смертность этого состава военнопленных в октябре и ноябре резко повысилась».

Согласно этому документу, на 5 декабря 1944 года у нас в плену находился 680 921 военнослужащий противника. При этом за последнюю декаду ноября в лагерях военнопленных умерли 6017 и в госпиталях 2176 человек. То есть за 10 дней умерли 8193 пленных, или 1,2 %.

Для сравнения: в 15 спецлагерях НКВД из 120 ООО проходивших проверку советских военнопленных за аналогичное время умер всего лишь 41 человек, или 0,03 %.

Надо признать, что и освобожденные советские военнопленные поступали в фильтрационные лагеря НКВД тоже отнюдь не из санаториев. Тем не менее смертность среди них была на порядок меньше.

Вот еще одно дотошное исследование. Судьбы бывших наших военнопленных, прошедших проверку до 1 октября 1944 года, распределялись следующим образом:

а) направлено в воинские части через военкоматы — 231 034 человека (76,25 %);

б) в штрафные роты и батальоны — 18 382 человека (6,07 %);

в) в промышленность — 30 749 человек (10,14 %);

г) в конвойные войска — 5924 человека (1,9 %);

д) арестовано — 11 556 человек (3,81 %);

е) отправлено в госпитали, лазареты, больницы и там умерло

— 5347 человек.

Всего прошло проверку 302 992 человека (100 %). Таким образом, видно, что среди рядового и сержантского состава благополучно прошли проверку 95 % (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных.

Несколько иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось их меньше 3 %, но зато с лета 1943-го до осени 1944 года значительная доля направлялась в качестве рядовых и сержантов в штрафные батальоны. И это вполне понятно — с офицера спрос больше, чем с рядового.

Но еще здравый смысл подсказывает, что военные, вернувшиеся из плена, должны проверяться органами контрразведки, так делается и в других странах хотя бы потому, что среди них всегда должно быть некоторое количество вражеской агентуры. Так было во все времена, так есть и так будет. Немцы активно использовали этот канал для засылки своей агентуры.

Начальник политической разведки службы безопасности Третьего рейха (4-е Управление РСХА), бригаден-фюрер Вальтер Шелленберг в книге «Мемуары (Лабиринт)» это тоже подтвердил. Он писал:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

К концу Второй мировой войны на территории Германии и ее союзников оказалось несколько миллионов мирных советских граждан. Прежде всего это люди, насильно вывезенные на принудительные работы. К осени 1941 года обширные пространства западной части СССР были оккупированы немцами, и тысячи жителей, привлеченные обещаниями хорошего заработка и приличных условий, отправились в Германию на поиски работы.

Они, конечно, не знали о том, что в самом начале французской кампании 15 мая 1940 года по заданию Гитлера Гиммлером был подготовлен шестистраничный, секретный документ-меморандум: «Некоторые мысли по поводу обращения с инородцами на Востоке» с припиской автора от 28 мая:

«Фюрер отдал указание о том, чтобы документ был составлен

лишь в нескольких экземплярах, не подлежал размножению, и о том, что его необходимо сохранять в полном секрете».

О степени секретности говорят такие факты, что с содержанием документа разрешалось ознакомить только двух имперских министров и даже не всех гаулейтеров и начальников главных управлений СС.

В этом документе предлагалось расчленить Россию, как апельсин на ломтики, и, таким образом, покончить с огромным русским государством. Это был план «переустройства» Советского государства, который, к сожалению, был осуществлен в ходе «перестройки» и «реформ» нашими Иванами, не помнящими родства.

Весной 1940 года Гиммлер после доклада Гитлеру по плану «работы над народами в Совдепии» радостно сказал своему врачу Керстену:

«Вы не можете понять, как я счастлив. Фюрер не только меня выслушал, но и одобрил то, что я ему доложил. Это самый счастливый день в моей жизни. Восток Отныне принадлежит СС…»

«Самый счастливый день» Гиммлера стал самым страшным днем для народов, оккупированных вермахтом, ибо он означал начало осуществления безжалостной программы уничтожения, казней и расправ над мирным населением, не говоря уже о военнопленных.

Но война, словно ненасытный молох, пожирала людей, в том числе и немецких рабочих, отправленных на фронт. Вот почему потребовались рабочие силы с Востока, особенно с Украины и Прибалтики. Наемным рабочим обещали море счастья — спокойную работу, бытовую обустроенность и хорошее питание.

Отрезвление, как говорится, наступило быстро. Хотя номинально они и числились свободными тружениками, немцы — как власть, так и население — относились к ним как к «крепостным» и нещадно их эксплуатировали, всех советских людей они называли русскими, которых фашистская пропаганда называла унтерменшами — нелюдями, быдлом, скотом. Любимый журнал Генриха Гиммлера «Der Untermesch» был главным рупором русофобии, релокурые, голубоглазые, атлетически сложенные германцы соседствовали с отвратительными калеками, которых называли недочеловеками-славянами. Это не могло не напугать желающих окунуться в «немецкий рай». Таким образом, поток добровольцев стал иссякать.

Но Восточный фронт, словно мясорубка, ежечасно Поглощал огромные материальные и людские ресурсы. Вскоре, это уже было уже в конце 1941 года после Московского побоища, появился

план принудительного рекрутирования русских рабочих. Этот чудовищный план был выдвинут Германом Герингом в так называемой «Зеленой папке».

Выполнить это задание Гитлер поручил министру труда Третьего рейха Фрицу Заукелю. Нацистская пропаганда теперь стала изображать мобилизованных рабочих из СССР «этакими жизнерадостными и примитивными подмастерьями, успешно работающими на германскую промышленность».

Великолепно издававшийся с обилием фотоматериалов журнал «Сигнал» печатал фотографии смеющихся, хорошо одетых украинских девчат, гуляющих аллеями парка, отдыхающих на крутолобых скамейках где-то на берегу водоема, осматривающих достопримечательности музеев Берлина.

Что же касалось действительности — она была ужасна. Из людей выжимали, как говорится, все соки и, как следствие, выгоняли за ограду заводов и общежитий. Из всех иностранных рабочих Третьего рейха русских кормили хуже всего. Основу их рациона составлял хлеб из репы, кофе из желудей, лепешки и супы из «дерки». В период «отдыха» им разрешалось проводить по несколько часов за пределами предприятий или лагерей. Остарбайтеры — восточные работники должны были носить унизительные нашивки расово неполноценных людей, им запрещалось ходить в кино, рестораны и другие общественные места, вступать в связь с немками.

Ненужных, отработанных рабочих отправляли, как скот, в товарняках снова на Восток — на Украину, в Белоруссию и Россию. Уже в начале 1942 года немецким властям пришлось отправить назад сто тысяч человек — они были настолько истощены, что не могли работать. Немцы всегда были предельно практичным народом — они даже экономили электроэнергию в крематориях при отправлении «живых скелетов» на родину.

Всего на принудительные работы было вывезено около 2,8 миллиона советских граждан, из них к концу войны около двух миллионов еще жили в Германии. Они составляли подавляющее большинство огромного количества русских, освобожденных союзниками в 1945 году и прошедших через сито СМЕРШа.

★★★

Теперь, что касается такого объекта военной контрразведки, как германские военнопленные. Всего с 22 июня 1941-го по 8 мая 1945 года советские войска пленили 4 377 300 военнослужащих противника. После разгрома Квантунской армии их число

увеличилось еще на 639 635 человек. Однако не все взятые в плен направлялись в лагеря. В последние месяцы войны после первичной проверки значительная часть пленных репатриировалась на родину.

В общей сложности из прифронтовой полосы возвратилось домой 680 000 человек из числа бывших военнослужащих гитлеровской армии и 64 888 — армии Японии. Более 183 000 человек было отправлено на родину даже без оформления на них документов на репатриацию.

Наряду с военнопленными на территориях стран Восточной Европы, освобожденных от фашистов, были интернированы в лагеря 208 239 человек, «способных носить оружие», и 61 573 функционера низовых фашистских партийных и административных органов (редакторы, журналисты, политологи, пропагандисты, следователи, судьи, прокуроры и прочие).

И вот эту людскую массу надо было просеять через «сито» СМЕРШа.

Как уже говорилось, основная тяжесть этой работы легла на плечи 2-го отдела ГУКР СМЕРШ НКО СССР с ёго начальником полковником Сергеем Николаевичем Карташовым, который возглавлял отдел с июня 1943 года и до конца войны.

После окончания войны и упразднения фронтов на территории СССР действовало 43 специальных лагеря и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. В оккупированной советскими войсками части Германии и других странах Восточной Европы имелось еще 74 ПФЛ и 22 СПП. Последние фильтрационные лагеря закрылись только после смерти Сталина.

Об организации репатриационных комиссий было официально объявлено 24 октября 1944 года, то есть через неделю после того, как англичане пообещали наркому СССР В.М. Молотову лично проследить за возвращением всех потенциальных репатриантов на Родину.

Главой комиссии был назначен генерал-полковник Ф.И. Голиков, возглавлявший в 1940–1941 годы Главное разведывательное управление Наркомата обороны СССР.

Что касается союзников, то они узаконили процесс репатриации на встрече в Ялте в 1945 году. Участники встречи договорились вернуть на родину попавших в немецкий плен или насильственно вывезенных в Германию людей. После 9 мая советской стороне передали 1 миллион 682 тысячи бывших военнопленных и свыше 3,5 миллиона гражданских лиц. Отказались вернуться в СССР свыше 450 тысяч человек, в том числе около 160 тысяч военнопленных.

Выявить среди военнопленных бывших сотрудников абвера и

«Цеппелина», полиции безопасности, СД чрезвычайно трудно. Это была тяжелая и изнурительная борьба с сильным и коварным противником, понимающим, что в случае разоблачения его неминуемо ждет возмездие через военный трибунал, который для таких извергов не скупился в вынесении смертных приговоров.

Зло творили на нашей земле и солдаты, и генералы Третьего рейха. Трудно взвешивать, нелегко определить, кто больше крови пустил — рядовые или полководцы.

Недавно автору довелось побывать на историко-документальной выставке Госархива РФ — «Советское общество и война. 1941–1945 годы», посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

У одного экспоната толпились люди. За стеклом на пожелтевшей бумаге были помещены два небольших листка с машинописным текстом. Первый:

«Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. А.С. Щербакову

Посылаю вам выдержку из письма убитого гитлеровского солдата Пауля Кенинга и проект передовой «Правды» — «Гитлеровские кровопийцы».

Прошу указаний.

14.09.1942 г. К. Потапов».

Второй: выдержка из статьи «Зверь рыщет на Дону» военного корреспондента «Правды» по Сталинградскому фронту К.В. Потапова.

«Чье сердце не содрогнется, читая письма хищного зверя в облике человека. Это письмо найдено у немецкого солдата Кенинга, убитого в районе Клетской. Вот что он пишет своей жене в Саарбрюкен:

«Сегодня мы изрядно выпили. Солдатская жизнь опасна и горька. Одно утешение — в вине. Выпив, развеселились, наплевать на все.

Разговор зашел о наших предках — древних германцах. Роберт сказал, что они считали за честь пить кровь у побежденного врага.

Я заметил:

— А разве мы не такие, мы должны пить кровь русских. Кровь противника сладка и горячит, как вино.

— А выпил бы? — спросил Роберт.

— Выпил бы!

Я был пьян. Побежал в сарай, вывел пленного русского солдата, самого молодого, какой там был, и приколол его, как барана. Он упал.

Я подставил к груди стакан, наполнил его, выпил одним

махом. Было тошно, но я сдержался и убедил всех, что это даже приятно. Другие солдаты тоже начали выводить пленных, прикалывали их и пили кровь. Так мы живем…»

Конечно, возможностей творить кровавое зло у гитлеровских военачальников было несравнимо больше. Вот почему этих арийских вампиров высоких рангов военным контрразведчикам СМЕРШа и нужно было вычислять — этого требовало справедливое возмездие за злодеяния фашистов на нашей Родине.

★★★

Чтобы уяснить структуру и содержание работы лагерей для немецких военнопленных, остановимся на одном из них — лагере № 27 в Красногорске. Он был создан в 1942 году, когда «потек германец» при отступлении и разгромах под Москвой и Сталинградом. Среди обитателей лагеря было много раненых, обмороженных, больных, которых приходилось лечить. Надо признаться, что, несмотря на это, уровень смертности был очень высок. Сначала лагерь представлял собой несколько дощатых бараков, присыпанных наполовину с боков землей как спасение от сквозняков. По мере роста числа пленных рос лагерь и его отделения. Сначала было первое отделение, потом появились второе и третье.

Со слов полковника в отставке Николая Васильевича Левшина, хорошо знавшего эту тему, к 1943 году там появились новые бараки, кухня, столовая, баня, бытовка, лазарет, сооружены водопровод и канализация. Все строительные «шедевры» делались руками самих военнопленных, в среде которых находилось много разных специалистов. В лагере содержались слесари и кровельщики, механики и столяры, жестянщики и каменщики, плотники и строители, инженеры и кулинары и прочие, прочие умельцы. После Сталинградской трагедии для немцев первое отделение было рассчитано на содержание в нем старших офицеров и генералов. Именно сюда доставили всех немецких генералов, плененных под Сталинградом во главе с фельдмаршалом Ф. Пау-яюсом, которые первые два месяца, почти до конца апреля 1943 года, жили в этом отделении.

В разное время в лагере № 27 находились такие «знаменитости», как:

— Ф. Шернер — фельдмаршал;

— Г. Герлах старший лейтенант, сын фельдмаршала Клейста;

— Геральд фон Болен унд Гольбах — сын пушечного короля

Круппа;

— О. Гюнше — майор, личный адъютант Гитлера;

— Г. Бауэр — генерал-лейтенант, шеф-пилот фюрера;

— Г. Линге — старший камердинер Гитлера;

— К. Лоренц — австрийский врач и писатель, в последующем ставший в 1973 году лауреатом Нобелевской премии за серию детских книг о поведении зверей и других. Кстати, начал писать он эту книгу в Красногорске.

Во втором отделении, или зоне, содержались простые солдаты и унтер-офицеры, которые должны были работать, по сравнению с «привилегированными» сидельцами первого отделения. Диапазон их использования был широк и многообразен. Их руками в Красногорске были построены здания Госархива кино- и фотодокументов, средней школы № 1, шесть жилых домов и три общежития для рабочих оптического завода, а также трибуны городского стадиона.

Третье отделение с числом работающих до 300 человек, которые находились в Москве, обслуживало работу стадиона «Динамо».

В лагере № 27 пленными были созданы свои мастерские, где ремонтировали и восстанавливали трофейные и советские автомашины, производили по заказу дорогую мебель для правительственных учреждений, санаториев и домов отдыха. В швейных и обувных мастерских шили одежду и обувь для высших чиновников МВД, МИДа, ярких артистов московских театров и кино, редакторов центральных газет и журналов.

Пленные четвертого отделения ведали подсобным хозяйством лагеря. Это лагерное подразделение располагалось в районе деревни Рыбушки под Ново-Петровском. Туда многие стремились попасть, особенно японцы. Заключенные выращивали овощи, содержали свиней и крупный рогатый скот, заготавливали дрова для приготовления пищи и отопления бараков в зимний период.

С 1945-го и по осень 1947 года в одном из домов Брусчатого поселка под охраной жили семьи девяти польских княжеских родов: Радзивиллы, Бронницкие, Замойские, Красницкие и др. Осенью 1947 года они были отпущены и уехали на родину.

Надо признаться, что смертность в первые месяцы существования лагеря была большая. На кладбищах Красногорска похоронено около тысячи военнопленных. Одно из них сохранилось до наших дней. Оно благоустроено и доступно для посещения.

Начиная с 1947 года число содержащихся в лагере военнопленных постепенно сокращается. Но, с другой стороны, именно в этот период сюда перед конвоированием все чаще стали

помещать и осужденных военным трибуналом нацистов, совершивших конкретные преступления на нашей земле. По состоянию на декабрь 1949 года в лагере было осуждено 358 человек по фактам злодеяний. Осенью 1950 года последние эшелоны с железнодорожной станции Павшино города Красногорска отбыли через Брест во Франкфурт-на-Одере. Лагерь № 27 прекратил свое существование…

★★★

Однако помимо Красногорского лагеря № 27 существовало еще несколько лагерей в глубине страны. Создание их диктовалось переполненностью немецкими военнопленными приемных пунктов прифронтовой полосы — это ведь уже был 1943 год.

Интересны в чисто познавательном смысле некоторые рассекреченные нормативные акты того времени.

ПРИКАЗ НКВД СССР № 00398 о вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы

«Сов. секретно.

Москва. 1 марта 1943 г.

Содержание: О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы.

Для обеспечения вывоза военнопленных, содержащихся в лагерях и приемных пунктах прифронтовой полосы,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Вывезти в течение марта месяца текущего года всех военнопленных, находящихся в лагерях НКВД, на приемных пунктах в прифронтовой полосе и 78 500 человек из района Сталинграда. Всего 110 563 человека. Первыми эшелонами вывезти офицеров.

2. Для размещения военнопленных офицеров выделить лагеря: Оранский № 74, Елабужский № 97 и Суздальский № 160.

Для организации подготовки лагерей к приему и размещению военнопленных офицеров командировать:

в Оранский лагерь — начальника отдела ГУЛАГа НКВД СССР подполковника госбезопасности т. Грановского;

в Елабужский лагерь — начальника отделения ГУЛАГа НКВД СССР майора госбезопасности т. Ткачева; в Суздальский лагерь — начальника отделения ГУЛАГа НКВД СССР подполковника госбезопасности т. Лютого.

Наркому внутренних дел Татарской АССР полковнику госбезопасности т. Габитову, начальникам УНКВД Горь-ковской

области комиссару госбезопасности т. Рясному и Ивановской области — полковнику госбезопасности т. Маркееву совместно с командированными НКВД СССР товарищами принять необходимые меры, обеспечивающие прием и размещение военнопленных офицеров.

3. Всех рядовых военнопленных и лиц младшего комсостава направить в лагеря военнопленных согласно прилагаемому при этом плану.

4. Возложить ответственность за своевременную погрузку и продвижение эшелонов с военнопленными к местам назначения на начальника Управления по делам военнопленных генерал-майора т. Петрова и заместителя начальника отдела Транспортного управления комиссара госбезопасности т. Аркадьева. Для обеспечения вывоза военнопленных командировать в Хреновский лагерь заместителя начальника Управления по делам военнопленных полковника госбезопасности т. Супруненко и в Сталинград начальника отдела железнодорожных перевозок НКВД СССР подполковника госбезопасности т. Зикеева.

5. Начальнику Управления военного снабжения генерал-майору интендантской службы т. Вургафту обеспечить бесперебойное питание военнопленных как в пути следования к лагерям, так и в местах их размещения. Народным комиссарам внутренних дел Узбекской ССР, Казахской ССР и Удмурдской АССР, начальникам УНКВД Свердловской, Челябинской, Карагандинской, Ивановской, Саратовской и Омской областей обеспечить прием и размещение военнопленных.

6. Начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР генерал-майору т. Кривенко организовать охрану военнопленных в пути следования и в лагерях.

7. В частичное изменение пунктов 1, 2 и 3 приказа НКВД СССР № 00367 от 24 февраля с.г. утвердить прилагаемую при сем дислокацию лагерей НКВД СССР для военнопленных и их начальников.

8. Наблюдение за работой Управления по делам о военнопленных возложить на заместителя народного комиссара внутренних дел СССР т. Круглова.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР, Генеральный комиссар государственной безопасности Л. Берия».

Что же касается цифр вывоза военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы, то они впечатляют географией и количеством распределения. Так, по данным на 25 февраля 1943 года, числилось военнопленных 256 918 человек, из них работоспособных 199 090, остальные 57 828 — больные и

раненые. В предложениях к приказу подлежало вывозу военнопленных в количестве 110 563 человек из следующих лагерей:

а) Бекетовского лагеря № 108 — 78 500;

б) Хреновского лагеря № 31–24 000;

в) Новохоперского лагеря № 62 — 1787;

г) находящихся в пути следования к Хреновскому, Новохоперскому и Урюпинскому лагерям — 6276.

А всего 110 563 человек, из них офицеров 3775 и рядовых 106 783.

Что же касалось вывоза военнопленных офицеров, в предложениях говорилось:

а) в Оранский лагерь, кроме имеющихся там 1325 военнопленных офицеров, направить из Сталинграда 895 человек.

Содержащихся в Красногорском лагере 378 офицеров также вывезти в Оранский лагерь в течение марта. Всего в лагере будет содержаться 3093 офицера.

б) в Суздальский лагерь, кроме имеющихся там 169 офицеров, направить содержащихся в других лагерях военнопленных офицеров общей численностью 1331 человек. Иметь резерв по этому лагерю в 450 мест.

Остальные военнопленные офицеры в количестве 129 человек содержатся мелкими группами в 9 лагерях и также будут сосредоточены в офицерских лагерях.

Находящихся в Оранском лагере 764 человека и в Суздальском лагере 1004 рядовых военнопленных вывезти в Южский лагерь.

Грязовецкий лагерь вместимостью 2000 мест иметь в резерве.

В Оранском и Елабужском лагерях в основном содержались военнопленные немецкой национальности, а в Суздальском лагере — итальянцы, венгры, румыны и другие.

Военнопленные рядовые вывозились в следующие лагеря:

1. Свердловская область.

Отделения Монетно-Лосинского лагеря № 84:

— в отделение № 1, ст. Тавда — 2500 чел.;

— в отделение № 2, ст. Лобва — 2500 чел.;

— в отделение № 3, ст. Монетная — 4000 чел.;

— в отделение № 4, ст. Тагил — 5000 чел.;

— в отделение № 5, ст. Медная шахта — 2500 чел.;

— в отделение № 6, ст. Моховая — 2500 чел.;

— в отделение № 7, ст. Асбест — 2000 чел.

2. Челябинская область.

Отделения Потанинского лагеря № 68:

— в отделение № 1, ст. Шагол — 5000 чел.;

— в отделение № 2, ст. Вавилово — 2000 чел.
3. Молотовская область.
Отделения Березняковского лагеря № 241:
— в отделение № 1, ст. Боровская — 2500 чел.;
— в отделение № 2, ст. Соликамск — 2500 чел.;
— в отделение № 3, ст. Басская — 2500 чел.;
— в отделение № 4, ст. Всволодовская — 3000 чел.
4. Карагандинская область.
Спасозаводской лагерь № 99 — ст. Караганда — 5000 чел.
5. Ивановская область.
Южский лагерь № 165 — ст. Вязники — 3000 чел.
6. Удмурдская АССР.
Рябовский лагерь № 75 — ст. Рябово — 3000 чел.
7. Саратовская область.
Отделения Покровского лагеря № 125:
— в отделение № 1, ст. Покровск — 5000 чел.;
— в отделение № 2, ст. Вольск — 3000 чел.;
— в отделение № 3, разъезд № 6 — 2500 чел.
8. Омская область.
Тюменский лагерь № 93 — ст. Тюмень — 6000 чел.
9. Узбекская ССР.
Фархатский лагерь № 86–20 000 чел.
10. Казахская ССР.
Пахта-Аральский лагерь — 20 000 чел.

В этих лагерях и на строительных объектах, их окружавших, тысячи бывших солдат и офицеров вермахта, попавших в советский плен, своим трудом искупали те неисчислимые бедствия и злодеяния, которые они принесли людям и экономике нашей страны.

Что же касается оперативной стороны работы военной контрразведки СМЕРШ, по существу, эти и другие лагеря были своеобразным ситом, через которое нужно было просеять всю изучаемую людскую массу с целью отыскания в ней преступного элемента: нацистов, виновных в злодеяниях, и советских граждан, совершивших акты предательства.

И эта работа шла активно и постоянно.

★★★

В связи с этим интересна судьба военнопленного нацистского фельдмаршала Эвальда Пауля Людвига фон Клейста. Несмотря на неоднократные пропагандистские тирады Геббельса о том, что «немецкие генералы в плен не сдаются», в советский плен попало,

по одним данным — В. Христофорова — 376, по другим — И. Безбо-родова — 403 немецких генерала и трое генерал-фельдмаршалов: Ф. Паулюс, Э. Клейст и Ф. Шернер.

Клейст был главнокомандующим группой армий «А». Он был взят в плен 25 апреля 1945 года американскими войсками. Вскоре гитлеровский полководец был вывезен в Англию — в Лондон. Привлекался к даче показаний на Нюрнбергском процессе. В начале осени 1946 года был выдан властям Югославии. Следствие по его делу длилось около двух лет. В августе 1948 года югославским судом за злодеяния против мирного населения был приговорен к 15 годам каторжных работ. Весной 1949 года по требованию советской стороны он был отправлен в Москву. Содержался во внутренней тюрьме МГБ на Лубянке, в Бутырской и Лефортовской тюрьмах, а также в тюрьме № 2 г. Владимира. Военная коллегия Верховного суда СССР признала, что он «является особо опасным преступником, требующим строгой изоляции его от общества», и 21 февраля 1952 года Эвальд Пауль Людвиг фон Клейст был приговорен к 25 годам заключения в ИТЛ. Умер 15 сентября 1954 года в результате обострения болезни сердца…

★★★

На следствии и в ходе судебного разбирательства Клейст пытался играть роль оппонента Гитлеру, за что якобы пострадал. Действительно, фельдмаршал часто возражал фюреру, предлагая свои пути решения той или иной боевой задачи. «В январе или феврале 1943 года, — показывал Клейст, — я получил приказ отступать… Русские в пять раз превосходили нас — бедных, но храбрых немцев — как в численности, так и в вооружении. Моим непосредственным командиром был сам Гитлер. К сожалению, советы Гитлера в то критическое время были все такими же идиотскими».

30 марта 1944 года после оставления его войсками Крыма и эвакуации на Южный Буг Клейст был вызван в ставку Гитлера, награжден знаком «мечи» к ранее полученным «дубовым листьям» к Рыцарскому кресту и… уволен в отставку. В апреле того же года группа армий «А» была переименована в группу армий «Южная Украина». Командующим ее был назначен новый фаворит Гитлера Ф. Шернер.

После покушения на фюрера 20 июля 1944 года Клейст попадает под подозрение скорее не как участник заговора, а как человек, знавший о существовании радикальной оппозиции

Гитлеру, и вскоре арестовывается гестапо. Но следствие не нашло прямых улик, и его освободили. Хотя, наверное, как указывал американский психиатр, участник Нюрнбергского процесса Л. Голденсон, — гестапо могло держать в запаснике слова, сказанные Клейстом Гитлеру на личной встрече 1 декабря 1943 года: «Мой фюрер, сложите с себя полномочия Верховного главнокомандующего Сухопутными силами. Занимайтесь внешней и внутренней политикой!»

Но вся эта «смелость» Клейста была обнародована только после капитуляции Германии на суде в Нюрнберге. Однако «отмазаться» этому «Анике-воину» не удалось. Те злодеяния его подчиненных против мирного населения на Украине — под Дубно, Луцком и Ровно в начале войны и на Кубани и в Крыму в ее конце, чинимые по непосредственным приказам соответственно генерал-полковника, а затем фельдмаршала Клейста, красноречиво доказывали степень личного участия в них фашистского военачальника.

О военных преступлениях Клейста свидетельствовал акт № 39 от 9 января 1943 года, составленный в Нальчике Кабардино-Балкарской АССР при активном участии сотрудников военной контрразведки: «После оккупации территории Эльбрусского района немецко-фашистские войска по указанию фельдмаршала фон Клейста проводили массовое истребление мирных жителей Эльбрусского района Кабардино-Балкарской АССР…

После изгнания немецко-фашистских войск из территории Эльбрусского района и города Нальчика частями Красной Армии и населением было обнаружено за городом Нальчиком недалеко от аэродрома, в противотанковом рву, кладбище, где трупы не всегда закапывались. Родственники и знакомые, жители города Нальчика и селений Эльбрусского района нашли на этом месте замученными, истерзанными и убитыми более 600 человек…

Перед расстрелом гитлеровцы подвергали свои жертвы страшным пыткам: отрезали части тела, выкалывали глаза, вырывали волосы и т. д. В противотанковом рву найдено 50 человек расстрелянных военнопленных и раненых красноармейцев, возле которых находились костыли и гипсовые повязки…

На подступах к Нальчику потребовалось разминировать минное поле. По приказу немецких офицеров сюда, на минное поле, вместе со скотом были загнаны жители селений Шалушка, Чегем и др., десятки советских граждан — взрослых и детей подорвались на минах. Немец унижал достоинство кавказцев. В селении Верхний Курп Терского района на глазах матери немецкие солдаты и офицеры насиловали девушек-кабардинок.

Матерей, которые выступали в защиту своих дочерей, немцы избивали прикладами. Немецкие фашисты издевались над мусульманским духовенством. Они убивали деятелей мусульманского духовенства, в том числе в противотанковом рву, на подступах к Нальчику, найден труп эфенди Дабагова Хамида, проживавшего в селении Вольный Аул Нальчикского района.

Немцы разрушили мечети. В селении Малка Зольско-го района мечеть превращена в немецкую конюшню…»

Итак, Клейст, исповедуя теорию арийской особенности и обособленности, так и не мог доказать постулат английского писателя Герберта Уэллса, что наша истинная национальность — человек. Он вместе с другими военачальниками виновен в насаждении человеконенавистничества. А может, в нацисте Клейсте отсутствовало геройство и мужественность, и прав был наш полководец Александр Васильевич Суворов — только трусы жестокосердечны.

★★★

Именно в лагерях шел активный процесс «просева» информации для выявления фигурантов преступлений.

Интересен в связи с этим один документ — докладная записка В.С. Абакумова А.Я. Вышинскому о выявленных оперативным путем в лагере с немецкими военнопленными конкретных зверствах солдат и офицеров вермахта по отношению к советским военнопленным в период Сталинградской битвы.

Вот что удалось установить сотрудникам СМЕРШа.

«2 сентября 1943 г.

Совнаркому Союза ССР товарищу Вышинскому А.Я.

В середине января 1943 года, сжимая кольцо окружения вокруг 6-й германской армии, наши войска захватили находившийся у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных, так называемый «Дулаг-205».

На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных бывших военнослужащих Красной Армии.

В связи с этим Главным управлением СМЕРШ было произведено расследование, в процессе которого выявлено, что немецкие офицеры и солдаты, выполняя установки германского военного командования, относились к военнопленным издевательски, зверски истребляли их путем массовых избиений

и расстрелов, создавали невыносимые условия содержания в лагере и морили голодом. Также установлено, что подобное зверское отношение немцев к военнопленным имело место и в лагерях военнопленных в Дарнице под Киевом, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и Россоши.

Непосредственными виновниками гибели советских людей являлись находящиеся в настоящее время под следствием в Главном управлении СМЕРШ:

— Керперт Рудольф, бывший комендант лагеря «Дулаг-205», полковник германской армии, 1886 года рождения, уроженец Судетской области (Германия), из купеческой семьи. В плен взят 31 января 1943 года в г. Сталинграде.

— Фон Куновский Вернер, бывший обер-квартирмей-стер 6-й германской армии, подполковник, 1907 года рождения, уроженец Силезии, дворянин, сын генерал-майора германской армии. В плен взят 31 января 1943 года в г. Сталинграде.

— Лянгхельд Вильгельм — бывший офицер контрразведки… при лагере «Дулаг-205», капитан германской армии, 1891 года рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, из семьи чиновника, член национал-социалистской партии с 1933 года, в плен взят в январе 1943 года в г. Сталинграде.

— Медер Отто, бывший адъютант коменданта лагеря «Дулаг-205», обер-лейтенант германской армии, 1895 года рождения, уроженец Эрфуртского округа (Германия), член фашистской партии с 1935 года. В плен взят 31 января 1943 года под Сталинградом.

Показаниями Куновского, Лянгхельда и Медера установлено, что существовало прямое указание высшего командования германской армии об истреблении советских военнопленных — офицеров и рядовых, как людей «неполноценных». Так, бывший офицер военной контрразведки при лагере капитан Лянгхельд на допросе 1 сентября 1943 года показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных как рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ. Русских военнопленных, содержавшихся в Алексеевском лагере «Дулаг-205», как и в других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

Зверства, которые мы чинили над военнопленными, были направлены на истребление их как лишних людей. Кроме того, я должен сказать, что в своем поведении с русскими военнопленными мы исходили из особого отношения ко всем русским людям, существовавшего в немецкой армии. В германской армии по отношению к русским существовало

убеждение, являющееся для нас законом: «Русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России».

Это убеждение было привито нам германским правительством. Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления немцам после установления нового порядка в России.

Издевательства над русскими военнопленными чинились как солдатами, так и офицерами германской армии, имевшими какое-либо отношение к военнопленным».

Этим объясняется, что в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях. Как показали немецкие офицеры Керперт, Куновский и Медер, советские военнопленные, находясь в «Дулаге-205», кормились впроголодь, а с начала декабря 1942 года командование 6-й германской армии в лице начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта совершенно прекратило снабжение лагеря продовольствием. В результате чего среди советских военнопленных возникла массовая смертность на почве голода.

С 5 декабря 1942 года смертность среди военнопленных от голода достигла 50–60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря войсками Красной Армии погибло 3000 человек.

Бывший обер-квартирмейстер 6-й германской армии подполковник Куновский на допросе 25–26 августа 1943 года показал: «…я лично, так же как и начальник штаба 6-й германской армии генерал-лейтенант Шмидт, как и другие офицеры, относился к советским военнопленным как к людям неполноценным. Когда военнопленные, будучи измучены голодом, потеряли для нас ценность как рабочая сила, по моему мнению, ничего не мешало нам расстрелять их. Правда, военнопленные расстреляны не были, но они были уморены голодом. Цель была достигнута. Свыше 3000 человек, которые могли в связи с разгромом 6-й германской армии выйти на свободу, — нами истреблены. Я думаю, что и те немногие военнопленные, что остались живы, никогда не смогут восстановить своего здоровья и останутся калеками на всю жизнь».

Бывший комендант лагеря Керперт на допросе от 23 июля с.г. сказал: «…военнопленные были размещены в невероятной тесноте. Они лишены были совершенно возможности лежать и

спали сидя… С 5 декабря 1942 года среди военнопленных начался настоящий голод, на почве чего среди них наступила большая смертность, С 10 декабря ежедневно умирало около 50 человек. Трупы военнопленных, умерших за ночь, ежедневно утром выбрасывались из землянок, увозились за пределы лагеря и закапывались».

Это же подтверждает обер-лейтенант Медер, который также заявил, что о создавшемся положении в лагере он неоднократно докладывал обер-квартирмейстеру 6-й германской армии Куновскому, который, однако, никаких мер к снабжению питанием лагеря не принимал.

Медер на допросе 27 августа 1943 года показал: «…5 или 6 декабря 1942 года, во время одного из докладов Куновскому, я спросил его, не следует ли мне поговорить о положении в лагере с начальником штаба армии. На это Куновский мне ответил, что начальник штаба отсутствует и вообще непосредственное обращение излишне, так как он сам докладывал командованию. На мой категорический вопрос: «Что же нам прикажете делать через два дня, когда у военнопленных не будет ни одного грамма питания?» — Куновский пожал плечами и сказал: «Придется тогда всех военнопленных перестрелять». Тогда в лагере было еще около 4000 военнопленных».

…Лянгхельд рассказал, что, производя допросы военнопленных, он сам, его фельдфебель и переводчик в целях получения у них военно-разведывательных данных избивали русских военнопленных… и он провоцировал через свою агентуру попытки к бегству военнопленных, в результате чего они расстреливались…

Лянгхельд рассказывал: «Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4–5 см, но это было не только в Алексеевке. Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и Россоши. Во всех этих лагерях практиковалось избиение военнопленных. В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли из мелкокалиберных винтовок в военнопленных».

Медер: «…До мобилизации в армию я проживал в г. Бурге, куда для сельскохозяйственных работ привозили русских военнопленных. Эти военнопленные были крайне истощены и измучены…»

К работе по выявлению конкретных злодеяний фашистов оперативники СМЕРШа привлекали очевидцев событий. По делу вышеупомянутых немецких военнопленных в Сталинградском спецлагере были допрошены бывшие военнослужащие Красной

Армии, содержавшиеся некоторое время в «Дулаге-205», — Крупаченко П.С., Писановский К.К., Касинов И.Д., Кучеряев С.М. и Алексеев А.А.

Алексеев А.А. на допросе 10 августа 1943 года показал: «В лагере была большая смертность: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавали хлеба, воды. Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных. Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны, и, несмотря на мои неоднократные просьбы, помощь оказана не была, раны гноились. Немецкие часовые стреляли в военнопленных без предупреждения. Я лично сам видел, как один военнопленный, фамилию его не знаю, во время раздачи пищи пытался ножом отрезать клочок лошадиной шкуры — был замечен часовым, который в упор выстрелил. Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было возможности. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших. Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума. Немецкое командование лагеря травило собаками-овчарками военнопленных».

Аналогичные показания, иллюстрируемые фактами зверств немцев над военнопленными, дали и другие бывшие военнослужащие Красной Армии. Керперт, Куновский, Лянгхельд и Медер в совершенных ими преступлениях виновными себя признали. Следствие по делу продолжается.

Мною поставлен вопрос перед Правительством о целесообразности организации по делу гласного процесса, с освещением его в печати.

Абакумов».

Такого материала было много. Вчерашние квириты коричневой империи, теряя на нее права в силу «испарения» Третьего рейха, пытались скрыть свои преступные действия на чужой территории, куда они пришли, чтобы утвердить «новый» порядок.

Невиновные иностранцы и соотечественники, просеянные через сито военной контрразведки, шли дальше по жизненным большакам, а вот те, кто не проваливался через решетку, составлял остаток, которого ждали другие процессуальные действия, как правило, судебные

инстанции в виде военных трибуналов.

★ ★ ★

Те, кто оставался, представляли собой непросеянные «остатки». Они были слишком крупными объектами, чтобы вместе с другой массой человеческого материала проскочить вниз через решетку смершевского сита. Одних, дезертиров и самострелов, судили быстро, устраивая показательную казнь — расстреливали перед строем. Комиссары были озабочены сообщениями о том, что немцы предлагают не только достойную службу перебежчикам, но и позволяют вернуться домой, если те проживали на оккупированной территории. Вследствие этого руководством военной контрразведки Сталинградского фронта была в Центр составлена докладная записка, в которой говорилось: «Недостатки в политической работе активно используются немецкими агентами, которые ведут подрывную работу, пытаясь склонить к дезертирству политически неграмотных солдат, особенно тех, чьи семьи остались на территориях, временно оккупированных немцами».

Всех коллаборационистов, работавших на немцев или служивших в войсках вермахта из числа советских военнослужащих, называли «хиви» — предатели и изгои. Так уж устроена душа у славян — предательство, пусть даже и против нелюбимой власти (а когда она была любимой?), считалось преступлением.

В зимние месяцы фронтовых баталий в одинаковой степени «генерал-мороз» воевал против немцев и против красноармейцев. По словам участника Сталинградской битвы сержанта-пехотинца Соболева В.И.: «…с предателями расправлялись иногда тайком от начальства. Вешали на дульный тормоз орудия танка и медленно задирали ствол вверх. Так «солдатский приговор» приводился в исполнение без всяких обвинительных заключений.

Мучительно проходила смена позиций. Приходилось отрывать укрытие в «зимнем бетоне» — промерзшей земле. Топор не брал скованный морозом грунт, не то что саперная лопатка, которой можно было только разгрести толщу снега. А ведь нужен был еще и бруствер, из-за которого надо стрелять. Выходили из положения срочным сбором замороженных… трупов наших и неприятельских солдат. От этих «братских штабелей» пули отскакивали, как от бетона, мертвые — свои и чужие — защищали живых. Страшно было видеть в штабелях положенных лицом к окопу. Однажды в таком «бруствере» лежал наш молоденький солдатик с открытыми голубыми глазами, не успевшими, наверное, от холода помутнеть. Я даже вздрогнул от страха. Но вскоре началась стрельба, и уже ничто не могло возвратить меня к «ужастику» или напугать, кроме летящей в твою сторону, по твою душу пули-дуры, возможно, выпущенной

вчерашним сослуживцем, ставшим «хиви».

В числе воевавших против советской власти были войсковые формирования из:

— украинских националистов — УПА, 14-я дивизия СС «Галичина», Вольное украинское казачество и т. д.;

— боевых казачьих формирований на Дону, Кубани, Тереке, 1-я казачья кавалерийская дивизия генерала Гельмута фон Паннвица, преобразованная в конце войны в 15-й Казачий Кавалерийский корпус СС, казаков в Русском охранном корпусе на Балканах и др., Кавказских частей генерала Султана Келеч-Герея;

— белоэмигрантов и власовцев — пасынков Третьего рейха — «Русского корпуса», формирований А.В. Туркула, «Русская освободительная армия» (РОА) и пр..

«Что же за люди служили в этих казачьих формированиях, — писал Петр Крикунов, — и, главное, что заставило их пойти на службу в армию страны, идеология которой рассматривала славян как недочеловеков, подлежащих почти полному уничтожению? Что это было — слабоволие, ненависть к советской власти или просто желание сохранить собственную жизнь? Повторюсь: благодаря изучению архивных материалов сегодня практически не приходится сомневаться в том, что почти половина «казаков» не принадлежала ни к бывшему казацкому сословию, ни к казачьим частям Красной Армии. И называлась казаками лишь для того, чтобы вырваться из лагерей военнопленных, попасть в какой-нибудь «восточный отряд» и тем самым спастись».

А ведь голод и холод косили людей так же, как и пули. Об этом немецкие вербовщики в лагерях советских военнопленных постоянно напоминали сидельцам, предлагая альтернативу — вступление в казачьи отряды. Они рисовали перед добровольцами «заманчивые возможности» и «розовые перспективы». Естественно, в таких условиях немало отыскивалось охотников стать «казаками» или «власовцами», разведчиками или диверсантами. Но была и другая категория «добровольцев» — многие шли к немцам с одной целью: получить оружие, а потом бежать к партизанам.

В «остаток» ситового просева попадали и те, и другие. И надо было глубоко разбираться в этом остатке. Все дела, связанные с «изменой Родине», включая «переход на сторону врага, сдачу в плен, контрреволюционную агитацию, террор, пособничество врагу, пораженческие настроения, подозрения в шпионаже» — т. е. все преступления по 58-й и 59-й статьям УК РСФСР, — расследовались непосредственно работниками Особых отделов, а

потом УКР СМЕРШ фронтов и ГУКР СМЕРШ НКО СССР.

Как правило, на фронте дивизионные военные трибуналы рассматривали дела в звании до капитана включительно. Армейские военные трибуналы вели дела, начиная с майора и выше — от командира батальона до офицера штаба полка или дивизии. Судебные дела полковников и генералов поступали в трибунал фронта. Но это разделение было условным. Если преступление являлось тяжким, то в трибунале армии могли судить и сержанта, и старшину, и полковника. Все судебные заседания шли без участия защиты, согласно «законам военного времени».

До лета 1942 года осужденных за воинские преступления к различным срокам заключения нередко отправляли в исправительно-трудовые лагеря (ИТ/1), но после приказов НКО № 227 — «Ни шагу назад!» и № 298 — «Положение о штрафных частях» направленные туда военнослужащие искупали свою вину кровью.

Весной 1943 года по приказу Сталина организуются военно-полевые суды (ВПС), которые занимались исключительно предателями Родины, немецкими преступниками и их пособниками, карателями из бывших советских граждан, а также военнослужащими вермахта и немецкой полиции, участие которых в расправах над гражданским советским населением было доказано на следствии.

ВПС прекратили свое существование практически с того момента, как части Красной Армии освободили нашу территорию и перешли государственную границу.

Председательствовал в ВПС обычно старший по званию офицер из той дивизии, которая занимала определенный район. В состав ВПС входили также представители СМЕРШа, политотдела и военной прокуратуры. Суды не были постоянной судебной структурой и организовывались только после освобождения части нашей территории.

Любой расстрельный приговор на старших офицеров утверждался только с санкции Военного Совета фронта. Командующий фронтом имел по закону право отменить приговор, даже расстрельный.

Результатами разыскной работы были приговоры преступникам, каждому по заслугам. Вердикты выносили суды разных инстанций. Что касается основного осадка — главных военных преступников, то их осудил 1 октября 1946 года Международный Военный Трибунал в Нюрнберге. 16 октября того же года по приговору суда все десять главарей нацизма: Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Эрнст Кальтенбруннер,

Альфред Ро-зенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Артур Зейсс-Инкварт были повешены.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 года.

Сразу же после законного возмездия над главными немецкими преступниками появилось сообщение ТАСС:

«Нюрнберг, 16 октября. Восемь журналистов — по два от каждой из оккупирующих Германию держав — присутствовали при казни главных немецких военных преступников, приговоренных к смертной казни через повешение Международным Военным Трибуналом.

Казнь была совершена в здании, находящемся во дворе Нюрнбергской тюрьмы.

Приведение приговора в исполнение началось в 1 час 11 минут и закончилось в 2 часа 46 минут».

★★★

Закончился Нюрнбергский процесс всемирным осуждением нацизма.

Нюрнбергский судебный процесс по делу главных нацистских преступников высветил преступную роль лидеров ОУН — Коновальца, Мельника, Бандеры, Ярого, Стецко и других, состоявших в тайных, агентурных связях с нацистскими властями и их специальными карательными службами — абвером, СД и СС, направлявшими националистическое движение на Украине в интересах фашистской Германии.

Оказавшись в окружении советских войск, бандеровцы в ряде случаев уничтожали документы и своих «союзников», чтобы замести следы немецко-украинского сотрудничества. По недоразумению, когда не срабатывали средства опознания, немцы открывали огонь по переодетым в форму Красной Армии бандеровцам, принимая «щирых украинцев» за своих врагов. Были жертвы с той и с другой стороны. Но такие боестолкновения в конце концов заканчивались миром и братанием.

Что же касается самооценки оуновцев и их ющенковских последователей с лозунгом типа: «Мы единственные борцы за свободу Украины!» — с попыткой переименовать националистическое движение украинских коллаборационистов в национально-освободительное, был дан необандеровцам достойный отпор в трудах советско-российских авторов и многих реально мыслящих исследователей этой проблемы на Западе.

Среди них американские журналисты Д. Амстронг и К. Симпсон, итальянский историк Д. Боффа, французский публицист А. Герэн, польский публицист Э. Прусс, историки: английский — А. Даллин, немецкий — В. Брок-дорф, польский — Р. Торжецки. Названные исследователи единодушны в том, что националистическое движение на Украине в годы Второй мировой войны не было национально-освободительным, так как ОУН и УПА никогда не являлось самостоятельной политической силой. Их деятельность направлялась и контролировалась властями нацистской Германии через агентуру в лице главарей ОУН — УПА.

★★★

Прошло 65 лет со дня Победы, но до сих пор в массовом сознании нет истинных представлений о ее цене, размерах людских потерь и материальных затратах, понесенных воюющими сторонами. О действительных потерях нашей страны не принято было говорить.

В 1946 году Сталин определил их в 7 млн человек, Хрущев назвал цифру — 20 млн. В последнее время стала фигурировать цифра в 27 млн. Писатель Г. Бакланов, выступая на встрече Б. Ельцина с мастерами культуры, назвал уже цифру в 37 млн. Автору довелось встречать в публицистике цифры за 40–50 млн.

Масштаб тиражируемых глупостей дошел до того, что если поверить тому же Бакланову, с учетом соотношения убитых и раненых на минувшей войне как 1 к 3–4, то получается, что около 200 млн наших военных были убитыми и ранеными. А кто, хотелось спросить этого именитого литератора и ему подобных, воевал до последнего боя и взял Берлин, кто работал на оборонных заводах, кто сеял, сажал и собирал урожаи на нивах и в садах? Опять нестыковка вышла в угоду «главному демократу», почему-то люто ненавидившему время наших отцов и дедов. Но разве они виноваты, что родились в то время и что им пришлось жить и умирать при таких событиях? Фальсификация нашей истории сегодня стала модным и выгодным промыслом, она стала товаром, который продается и покупается.

Да, основную тяжесть борьбы с фашизмом вынес Советский Союз. На его долю выпало самое большое число человеческих жертв. Другие страны тоже несли потери в годы Второй мировой войны: США — 405 тыс., Англия — 357 тыс., Китай — 10 млн, Польша — 6 млн, Югославия — 1,7 млн, Германия — 13,6 млн, Япония — 2 млн человек.

В эти скорбные списки входили те, кто погиб на фронте, умер от ран, был умерщвлен в концентрационных лагерях и в ходе репрессий гитлеровцев против мирного населения на оккупированной территории.

Но на потери в Украине влияли и другие факторы, в первую очередь действия коллаборационистов — головорезов из ОУН и УПА, батальонов «Нахтигаль», «Роланд», дивизии СС «Галичина», «Полесской сечи» и прочих бандитских формирований. Это они воевали против мирных граждан и истребили в Белоруссии свыше 2,2 млн, в Львовской области более 700 тыс., в Одесской — 200 тыс., в Харьковской — 195 тыс., в Бабьем Яру Киева — более 300 тыс. человек. Население Украины за время оккупации сократилось на 13,6 млн человек. Разве это не дикость? Свою «лепту» в сокращение населения внесли и боевки бандеровцев.

С приходом Красной Армии на территорию Западной Украины в донесениях УКР СМЕРШ фронтов и армейского командования все чаще стали фиксироваться случаи, когда банды ОУН и УПА нападали на мелкие отряды красноармейцев и одиночных бойцов, отставших на марше от своих частей. С убитых снимали одежду, забирали ордена и медали.

Вот как писал об этих фактах командующий 1 — й Гвардейской танковой армией генерал-полковник М.Е. Катуков: «Бродили в районе банды бандеровцев под видом обычных крестьян, так что трудно было разгадать, кто они такие. Нападали на отдельных бойцов. Убивали, забирали оружие, обмундирование, документы».

Начальник Управления контрразведки СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-майор Николай Алексеевич Осетров докладывал в Центр своему шефу Абакумову, что при проведении операций по ликвидации националистических бандформирований в тылах фронта во вскрытых бандеровских схронах и бункерах его сотрудники совместно с оперативным составом территориальных органов находили большое количество советских орденов, медалей, обмундирования и красноармейских книжек.

15 февраля 1944 года в районе села Микулино, в 16 км от Ровно, была установлена действующая бандгруппа, одетая в форму военнослужащих, которая похитила бойца саперного батальона 121 ГГСД Ковтуна и увезла его в неизвестном направлении.

Таких примеров было много. О двух операциях армейских чекистов по розыску и задержанию украинских пособников фашистов и пойдет ниже речь.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ НКО СМЕРШ КОМИССАРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ 2-го РАНГА Товарищу Абакумову Город Москва.

«4 мая с.г. отделом СМЕРШ 74-го корпуса 1-й Гвардейской армии на основании материалов и свидетельских показаний были арестованы активные украинские националисты села Могильницы, Будзановского района, Тарнопольской области: Козловский Леонид Григорьевич, 1893 года рождения, Кричевский Иосиф Антонович, 1910 года рождения, Корчинский Иосиф Петрович, 1910 года рождения, Терлецкий Петр Иванович, 1906 года рождения.

Расследованием установлено, что указанные лица, являясь членами ОУН, вели активную борьбу по уничтожению лиц, лояльно настроенных по отношению к советской власти.

Свидетель Рыжий С.А. на допросе от 3 мая рассказал:

«Козловский с приходом немецких захватчиков в Могильницы, в июле 1941 года, добровольно поступил на службу в украинскую полицию, состоявшую из националистов-бандеровцев, был вооружен карабином и носил повязку со значком «Трезубец». В июле 1941 года он арестовал три еврейских семьи: Гелис, Мендель и Ворун, состоявшие из 18 человек — стариков, подростков и детей в возрасте от 6 месяцев до 12 лет. Все они были отведены в лес, где взрослых расстрелял, а детей от 6 месяцев до 6 лет брал за ноги и ударял головами о дерево, затем бросал в яму…

Перед приходом частей Красной Армии в марте с.г. он ходил по селу и предлагал жителям прятать имущество и продукты питания, заявляя, скоро придут грабители-большевики.

Козловский рассказывал следующее: когда придут красные войска, УПА на время уйдет в Карпатские горы, затем возвратятся и будут громить советские тылы и работников НКВД. Красная Армия под напором немцев, УПА и Галицийской армии вскоре будет уничтожена…»

Преступная деятельность арестованного Кричковского аналогична преступлениям Козловского, он тоже принимал участие в расстрелах советских граждан, длительное время работал в украинской полиции.

Свидетель Яницкий о Кричевском рассказал:

«В ночь на 18 марта украинские националисты-бандеровцы учинили массовое убийство поляков в Могильницах. Они под видом советских партизан, в масках, врывались в дома поляков и производили самые жестокие издевательства над ними, резали их ножами, рубили топорами детей, разбивали головы, после чего с

целью сокрытия своих преступлений сжигали. В упомянутую ночь бандеровцы замучили, зарезали и расстреляли до 100 человек советских активистов, евреев и поляков. В эту же ночь была вырезана моя семья — жена, 17-летняя дочь и сын. В мой дом ворвались до 15 националистов, среди которых я опознал бандеровца Кричковского Иосифа Антоновича, принимавшего непосредственное участие в убийстве моей семьи…»

При проверке показаний свидетеля Яницкого в лесу около Могильницы Будзановского района в ямах было обнаружено 94 трупа замученных жителей с. Могильницы, которые были убиты националистами в ночь на 18 марта 1944 года.

Арестованные националисты Корчинский и Терлецкий также принимали активное участие в уничтожении советских граждан. Установлено, что ими лично расстреляны в 1941 году работники НКВД Головецкий и Гореняк, секретарь комсомольской организации Салий Павел, председатель колхоза Вылинский Иосиф и две еврейские семьи.

Следствие по делу арестованных ведет отдел СМЕРШ 1-й Гвардейской армии.

Начальник управления контрразведки НКО СМЕРШ Первого украинского фронта Генерал-майор ОСЕТРОВ 20 мая 1944 года».

Начальник УКР СМЕРШ 1 — го Белорусского фронта генерал-лейтенант Вадис Александр Анатольевич спецсообщением донес:

НКО СССР СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА товарищу ЖУКОВУ

«О результатах борьбы с украинскими националистами в тылу частей и соединений 1-го Белорусского фронта. По состоянию на 20 июня 1944 года».

В ночь на 12 мая с.г. в селе Теодоровка Клесовского р-на Ровенской области бандитами вырезаны две семьи в количестве 6 человек: Михаревич Никита — 50 лет, Абрамчук — 28 лет и четверо детей в возрасте от 7 до 10 лет. Михаревич и Абрамчук работали в подсобном хозяйстве 79-го восстановительного железнодорожного батальона 5-й железнодорожной бригады. Недалеко от дома, где произошло убийство, обнаружено приклеенным к столбу следующее объявление (перевод с украинского):

«Это люди, которые наказаны смертью трибуналом УПА за то, что они работали с нашим наибольшим врагом — большевиками. Предупреждаю всех крестьян: кто будет дальше работать с большевиками, всех постигнет такая же участь, потому что большевики сегодня есть, а завтра их не будет, мы же — украинские крестьяне — есть, были и будем. Слава Украине,

героям слава». 28 мая. Ночью в село Хрицик Домбровицкого района явилась большая группа численностью до 15 человек и, подойдя к сараю, где находились эвакуированные из прифронтовой полосы, предложили выйти во двор всем мужчинам. Во двор вышли эвакуированные из Столинского района Пинской области: Курган Савва Михайлович — 55 лет, его сыновья Анатолий — 22 года и Василий — 18 лет и их родственник Лузко Григорий. Бандиты, выдавая себя за партизан, спросили их, почему они до сих пор находятся дома, а не в Красной Армии. Семья Курган и Лузко стали оправдываться и при этом рассказали, что в армию не были призваны потому, что работали по сооружению оборонительных укреплений для Красной Армии, при этом каждый старался доказать свою лояльность и преданность советской власти. Отпустив Кургана Василия, как молодого, бандиты предложили остальным идти с ними для направления их в армию. Выведя их за село Хрицик, по направлению села Залешаны, бандиты учинили над ними расправу, зверски убив Кургана Анатолия и Лузко Григория, а Кургана Савелия (отца) повесили на углу одного их сараев.

В ту же ночь эти же бандиты подошли к дому жительницы села Хрицик — Пришко Хавроньи Севастьянов-ны — 20 лет, вызвали ее на улицу и увели с собой, а затем в 200 метрах от ее дома учинили над ней расправу: распороли ножом живот и подвесили за ноги на дереве. К трупу Пришко была приколота записка: «Так будет со всеми изменниками, которые будут предавать украинскую нацию. Смерть изменникам…»

В конце концов, этих бандитов обезвредили чекисты. Одни были убиты в ходе чекистско-войсковых операций, другие стали фигурантами судебных процессов. Обвиняемые понесли заслуженные наказания.

* * *

История ОУН и УПА, их структура и первые успехи в мобилизации — это отдельная тема исследования, но не сказать о причине появления этих военизированных украинских отрядов нельзя.

Как известно, к 1943 году гитлеровцы, испытывая нехватку в живой силе, решили как можно шире использовать украинских националистов для диверсионной работы в тылу наступающих советских войск и для уничтожения партизанских отрядов, выросших к тому времени в соединения. Для этого немецкой службой СД совместно с военной разведкой абвер была создана

14-я дивизия ваффен СС «Галичина» и Украинская Повстанческая Армия (УПА). Уже к концу 1943 года этот масштабный проект заработал в полную силу — разведывательные акции, диверсии, террористические акты, массовые убийства мирного населения. Нашей армии и органам СМЕРШа пришлось уже после войны уничтожать и силой, и умом УПА численностью до 100 тысяч человек.

Украинско-канадский историк Орест Субтельный, явно оправдывая земляков, зараженных чумой воинствующего национализма, писал: «Кроме бойцов галичанской дивизии, в армии Гитлера служили и другие украинцы. Среди почти миллиона бывших советских граждан, которые носили в 1944 году немецкую форму, было около 220 тысяч украинцев (остальные преимущественно русские). Чтобы осмыслить эти цифры в широком контексте, следует принять во внимание, что почти два миллиона украинцев воевали на советской стороне, а многие находились в польской, румынской, венгерской, чешской, американской и канадской армиях. Такова была судьба народа без державы».

Но с приближением фронта и успешным наступлением частей Красной Армии резко изменилась обстановка на Западной Украине. Уставшее от войны, измученное оккупационным режимом и набегами на села бандеровцев население с нетерпением ждало конца страданиям.

Как писал в своей книге «Операция «Рейд» Георгий Санников, участник борьбы с бандформированиями на Украине: «… бандеровцы искали новые пути продолжения борьбы в условиях возвращающейся советской власти. После длительных споров и колебаний они пришли к выводу о необходимости любыми путями и средствами попытаться вовлечь в орбиту борьбы с Советами широкие массы местного населения. Они понимали, что для этого им придется отказаться от некоторых идеологических постулатов. Политическая платформа бандеровской ОУН должна была срочно меняться».

Крупные отряды УПА сразу же становились мишенью чекистско-войсковых операций. Поэтому Бандера отдал распоряжение о переходе на методы партизанской войны, сократив отряды до незначительных размеров — от 10 до 50 человек. Это увеличивало степень их мобильности. Они по тревоге в случае необходимости могли быть быстро сведены в отряды с необходимым количеством боевиков.

Тесное сотрудничество бандеровцев с немцами позволило первым уверовать в безнаказанность истребления ими поляков, проживавших на территориях Волыни и Полесья. По архивным

данным, от рук лесных палачей в Западной Украине погибло более 200 тысяч поляков. По данным уже упоминаемого Субтельного из польских источников, только «…на Волыни в 1943–1944 годах украинцы, прежде всего отряды службы безопасности (СБ) ОУН, вырезали по 60–80 поляков в день — мужчин, женщин и детей. Украинцы утверждают, что резня их народа началась раньше, в 1942 году, когда поляки уничтожили несколько тысяч украинцев в польских районах Холмщины, а впоследствии продолжалась в 1944–1945 годах среди беззащитного украинского меньшинства на западе от реки Сан.

Нужно отметить, что на помощь полякам в это время пришла подпольная Армия Крайова, защищая своих земляков от физического уничтожения с целью сохранения контроля над землями, которые раньше входили в состав Польши.

★★★

Автор книги в то послевоенное лихолетье жил с родителями в Западной Украине — на Ровенщине в городе Сарны и знал не понаслышке то, что творилось в тех местах. Родителей направили в эти места по комсомольскому набору в 1939 году. Отец служил (железнодорожники носили погоны) в паровозном депо и имел звание — инженер-лейтенант тяги.

Война закончилась — жизнь постепенно входила в мирное русло, но была одна беда, и ее называли «бандеровщиной». Недобитые руководители ОУН и УПА делали кровавые вылазки. Они продолжали войну после войны. Стреляли из-за угла, подрывали эшелоны, рубили, вешали, топили, в основном своих сельских земляков — в город соваться боялись. Знали — получат сдачу, а то и голову потеряют. Машинистам, проживающим на окраинах городка, выдавали для самообороны трофейные винтовки — ведь приходилось в поездки отправляться и в ночное время, как и возвращаться после них.

В селах лесные вояки расправлялись с беззащитными почтальонами, лесниками, медсестрами, библиотекарями, учителями и прочими. Мстили тем семьям, у кого родственники были призваны в Красную Армию или кто отказывался идти к бандитам.

Ночами они вылезали из своих нор и шли убивать ни в чем не повинных граждан. Списывали свою месть на «стукачество» жертв органам советской власти.

Под бандеровскими фугасами погибали паровозные бригады, катились под откос вагоны с народно-хозяйственными грузами.

Однажды отец пришел домой опечаленный.

— Что случилось? — спросила мать с тревогой.

— Друг погиб… Солошин, вы же помните его, бандиты подорвали. Мужик прошел всю войну — ни царапины и вот тут в «мирное время» сложил нелепо голову, — простонал отец.

— Конечно, помню, жаль, хороший человек был.

Вскоре черная туча опасности пронеслась и над нашей семьей. Это было глубокой январской ночью 1946 года. Накануне отца вызвали в поездку. Бабушка Мария Захаровна услышала подозрительную возню за окном. Разбудила сноху Агафью.

— Слышишь?

— Ага!..

— Кто-то вытаскивает стекло в окне.

Только она поведала об этом, как неизвестный выдавливать одну из досок внутренней щитовой ставенки. Наконец, одна из тонких дощечек поддалась усилию рычага, и кусок ее отлетел в сторону. В образовавшийся проем полился яркий золотистый поток лунного света. На кухне стало светло. Разбуженные на печи мы с сестрой могли теперь наблюдать, как чья-то рука пыталась выломать оставшуюся часть доски. Потом она ухватилась за подоконник. В это время у окна оказалась Мария Захаровна с топором. Она размахнулась и с силой опустила его на руку грабителя. Кисть отлетела и запрыгала на полу в конвульсиях, словно желто-зеленая лягушка.

В то же мгновение душераздирающий крик потряс округу. Через минуту послышались сначала одиночные выстрелы, а потом прогремели две сухие автоматные очереди…

Утром приехала повозка с солдатами. Наверное, то были энкавэдэшники, которые забрали трупы безрукого, его кисть и еще двух бандитов, убитых патрулем. Патруль случайно оказался на месте события. Все было по правилам: они охраняли покой в городе и боролись с мародерами, грабителями и бандитами.

Приехавший из поездки глава семейства взволнованно слушал торопливый и сбивчивый рассказ матери и жены о событиях ночи…

— Как чувствовал, что что-то должно случиться, — пояснял глава семейства. — Когда я шел в поездку, видел двух подозрительных типов, бесцельно круживших на пустыре возле нашего дома. По всей видимости, это были ночные пришельцы — лесные братья, бандеровцы…

— Ну, что им надо от нас — простых трудяг, мы же не власть и не военные.

— А, шоб воны повыздыхалы, кровопийцы, — подытожила бабушка Мария Захаровна. — Яки воны украиньци, колы рижуть и

рубають своих беззахьютных землякив. Шастают по селам та по окраинам города.

— Голодные, видно, — тихо промолвила Агафья.

В этих словах была святая правда. Палачи не только мстили «восточникам», «советским», «приезжим» за их работу на власть, но и, теснимые отовсюду за свои злодеяния, не могли ни спокойно отоспаться, ни вдоволь поесть. Все они были повязаны преступной кровью. Кровь, как говорится, бывает двух видов: та, что течет в жилах, и та, что вытекает из жил. Они были приверженцами последней.

Свою власть они недаром называли «страшной».

«С этой тщательно законспирированной организацией, — как писал Алексей Чистяков, — СМЕРШу и пришлось воевать сразу после освобождения Украины. До конца войны и в первые годы после нее советская власть заканчивалась в районных центрах. В селах хозяевами были бандеровцы. Чтобы покончить с этим, после войны в Западной Украине в каждом селе стали размещать гарнизоны. На одну Ровенскую область понадобилась целая 13-я армия, после чего все стало вставать на свои места. Бандитов загнали в лес и лишили снабжения, а СМЕРШ стал уничтожать в первую очередь главарей…»

После их ликвидации банды распадались, так как большинство людей было мобилизовано в УПА под страхом экспроприации собственности, поджога жилища и убийства родственников.

★ ★ ★

Об одной операции СМЕРШа, внедрившей в ряды ОУН — УПА военного контрразведчика Ю.В. Тараскина, находившегося там до 1947 года, и пойдет ниже речь. Он вспоминал, что в 1946 году «… мы перебили банды на уровне куреней, кошей и сотен. А вот службу безопасности, или на их языке — «безпеку», этих жесточайших палачей, нам добить толком не дали. Когда в 46-м мы вышли на уровень надрайонного руководства, следы потянулись в ЦК Украины во главе с Хрущевым. Тут нас и остановили. Тогда и свернулась работа по борьбе с бандеровцами в Ровенской и Львовской областях…»

Были ликвидированы отделы СБ, ОКР СМЕРШ, ББ (борьба с бандитизмом). Сняли с должности генерала Трубникова, руководителя Ровенского управления НКВД, и генерала Асмолова в Львовской области. А из Киева во Львов перевели по указанию Хрущева генерала Рясного, как оказалось после, в какой-то

степени сочувствующего националистам. В результате чего служба «безпеки» учиняла расправы над нашими людьми вплоть до 50-х годов.

После смерти Сталина, по данным Тараскина, в результате амнистии, проведенной Хрущевым, вышли на свободу все активные участники УПА — ОУН, возвратившиеся к себе на родину. В 1950–1960 годах происходило тихое восстановление ОУН. Начали они с выдвижения своих людей на партийные и хозяйственные посты, были случаи приема проводников идей ОУН и политреферентов ОУН в комсомол с дальнейшим карьерным ростом (яркий пример — Леонид Кравчук). А тех, кто им мешал, или запугивали, шантажируя жизнью близких, или под видом несчастного случая или бытовой ссоры убивали. Далее он говорил: «В 1974 году я приехал на Западную Украину, и мои друзья рассказали, что на многих высоких партийных и хозяйственных постах, не говоря о мелких, особенно в сельской местности, в Ровенской, Львовской, Ивано-Франковской областях стоят люди ОУН. Бывший до 1972 года первым секретарем ЦК КП Украины Шелест скрывал все это от Москвы. Как человек, знавший почти всю бандеровскую верхушку, хочу отметить их повальную продажность, жажду денег. И это на всех уровнях, от верха до низа. Там не было идеалистов, просто каждый желал за счет своего положения урвать побольше материальных благ…

Призывом в УПА руководили коменданты мобилизационных отделов, в случае больших потерь в УПА по системе связных станичным передавались требования на мобилизацию нужного количества людей, за уклонение от призыва — расстрел. Особое внимание хочу уделить «сотне отважных юношей» и такой же «сотне девушек» при отделе особого назначения. Это была настоящая кузница кадров ОУН — УПА. Вся молодежь делилась на три возрастные группы, 10–12 лет, 13–15 лет и 16–18 лет. У всех этих половозрастных групп были свои задачи, действия и спрос.

Самые младшие использовались как наблюдатели, разведчики и связные, более старшие — как диверсанты. Например, в «сотне отважных юношей» при отделе особого назначения начинал свою «трудовую деятельность» в качестве разведчика будущий Президент Украины Леонид Кравчук. О том, насколько это была серьезная организация, можно судить по тому, как они вели наблюдение за танковым резервом 1-го Украинского фронта, стоящего в Тучинском лесу в 1944 году, с последующим наведением на него немецкой авиации. Не любили мы этих юношей, бывало, окружим банду, убившую наших товарищей, а они бросают оружие, поднимают руки и кричат, что

они дети. А «сотня отважных девушек» при этом же отделе — так это самые настоящие садистки, мы их и в плен не брали, расстреливали на месте. Они на наших пленных солдатах отрабатывали практические занятия по наложению шин на сломанные конечности, ломая им руки и ноги, или разрезали их для изучения полевой хирургии и способов сшивания ран. Свои хорошо оборудованные районные госпитали на 100 тяжелораненых они держали в труднодоступной лесной местности.

Надрайонные руководители предпочитали не светиться, находились обычно в лесу, в своих бункерах. У них там было все оборудовано для автономной жизнедеятельности: и электрическое освещение, и свой водопровод с канализацией, была радиосвязь с заграницей. На надрайонном уровне существовали школы младших командиров и политвоспитателей, аналоги современных тренировочных лагерей в Чечне, находившиеся в глухих карпатских лесах. Большинство из них было уничтожено в 1943 году партизанским соединением под руководством Вершигоры. В лесах на Оржевских хуторах Глевальского района Ровенской области находился и центральный провод ОУН — УПА, в хорошо оборудованном бетонном бункере со всеми удобствами, построенном под наблюдением немецких инженеров.

В городах влияние бандеровцев было гораздо меньше, чем в селе. В городе у них была только служба внешнего наблюдения и связные. А руководство ОУН боялось там находиться, так как НКВД в городе хорошо работало. Да и городское население, более грамотное и лучше разбиравшееся в политической обстановке, не хотело сотрудничать с бандеровцами…»

Теперь немного цифр.

За 1944–1945 годы бойцами истребительных батальонов было ликвидировано около 10 тысяч участников бандеровского подполья. Несмотря на угрозы со стороны соратников, за то же время в органы советской власти пришли с повинной 76 742 бандеровца и их пособника. Всего за период 1944–1955 годов, как это следует из архивных материалов МГБ, МВД и СА, было убито 153 262 и арестовано 103 828 бандеровцев и их пособников. Потери бойцов истребительных батальонов с 1944 по 1953 год составили 1523 человека.

Одним из методов борьбы с бандеровским подпольем было выселение семей его участников за пределы Украины. За период с 1944 по 1953 год с территорий западных областей Украины было выселено в отдаленные районы СООР 65 906 семей (203 662 человека). Стоит особо подчеркнуть одно обстоятельство, о

котором редко вспоминают, — это переселение спасло жизни многим жителям Западной Украины, вынужденным сотрудничать СУПА.

Подведем итоги «национально-освободительной борьбы» УПА. По данным, которые приводит в «Зеркале недели» № 36 от 21.09.2002 апологет УПА профессор С. Кульчицкий:

«Безвозвратные потери советской стороны за десять лет, с 1944 года, составили 30 676 человек. Среди них 8340 военнослужащих, 3190 аппаратчиков, 15 669 колхозников, 676 рабочих, 1931 представитель интеллигенции».

Из этих данных следует, что бандеровцы убили 22 336 мирных жителей. К ним следует добавить как минимум 160 тысяч жертв одной только «волынской резни». В результате получаем соотношение убитых мирных жителей и военнослужащих 21,9 к 1. Это как минимум. В таком случае против кого воевала УПА? Ответ очевиден — против гражданского населения.

Да и с кем еще могли сражаться эти вояки, обученные гитлеровцами методам диверсионной деятельности. А по поводу ее борьбы с гитлеровцами даже и говорить не приходится. По данным самих же самостийников, за все время войны они убили… аж 700 фашистов. Не следует забывать, что в подавляющем большинстве случаев в разрозненных стычках с фашистами участвовали «бульбаши» — вояки Тараса Боровца, взявшего себе славный псевдоним «Тарас Бульба».

К середине 50-х годов с оуновским агрессивным движением на большей части территории Западной Украины было практически покончено. Большую роль в разгроме бандеровских банд сыграли подразделения военной контрразведки СМЕРШ.

На что надеялись главари ОУН — УПА? Неужели они думали, что Красная Армия выдохлась и они при помощи новых хозяев — «союзников по холодной войне» — одолеют СССР, разгромивший такую силищу, как вермахт Третьего рейха с работающей на него экономикой и рабочим потенциалом всей Европы?

Когда они поняли, что продолжают делать глупости с большой кровью без надежды на «перемогу» среди соотечественников, — бросились наутек в сторону Запада, оставив огрызаться тех, кто был там не нужен. Оунов-ские генералы — Бандера, Мельник, Лебедь, Стецко, Боровец и другие оказались за границей. Они спасали свои шкуры, бросив «бандеровское войско» на произвол судьбы. Те, кто не нужен был Западу, у кого были руки по локоть в крови, не хотели сдаваться, боясь ответственности, продолжали хорохориться среди загоняемых в колхозы односельчан. Но скоро эти отряды стали выдыхаться — шел массовый отток рядового состава из банд.

Силой загнанные и одураченные «повстанцы» не хотели воевать со своими земляками и шли в органы советской власти с повинной.

Бандеровцы перешли к широкомасштабным терактам, преследуя и ликвидируя прежде всего советско-партийный и комсомольский актив, сотрудников и агентуру органов госбезопасности, организаторов колхозного строительства, родственников призванных в армию и всех тех, кто поддерживал в любой форме советскую власть. В одном из последних приказов командующего УПА, палача украинского народа Романа Шухевича, ставшего Героем Украины по иронии судьбы и по прихоти обанкротившегося русофоба президента Ющенко, говорилось: «Мы должны добиться, чтобы ни одно село не признавало советскую власть. УПА должна действовать так, чтобы всех, кто ее поддерживает, уничтожать…

Я повторяю: не запугивать, а физически уничтожать. Не надо бояться, что люди осудят нашу жестокость. Мы должны уничтожать всех, кого заподозрим в связях с советской властью, а их семьи будем вырезать до третьего колена. Пускай из сорока миллионов украинцев останется половина — ничего страшного в этом нет».

Те же, кто отметился кровью на жизненной тропе, эти палачи воевали до последнего — им терять было нечего: Шухевич, Луцкий, Грицай, Гасин, Волошин, Скобельский, Кольман, Ступницкий, Хомин, Кулик, Негрич, Гайовская, Левкович, Сорока, Никифорук, Кучерин, Кук, Щигельский, Клячковский и другие. Одних настигали пули возмездия чекистов и односельчан из истребительных батальонов, других перевоспитывали лагеря НКВД.

Как заявил в одной из бесед с автором книги старый партизан, активно воевавший против банд ОУН на Ровенщине, Бычик Николай:

«Свою судьбу бандиты нарисовали сами. Полсотни руководителей ОУН — УПА сбежало на Запад. Личный состав 14-й дивизии ваффен СС «Галичина» англичане не отдали в руки советского правосудия, тогда как власовцев и казаков буквально вышвырнули из своих лагерей чуть ли не с оказанием помощи при их погрузке в арестантские вагоны товарных составов.

Не одна сотня руководителей среднего звена была выбита партизанами, «истребками», чекистами и военными в лесах, схронах…

Тысячи виновных в злодеяниях были отправлены в лагеря — на лесоповал и в шахты. Десяткам тысяч бандеровцев — рядовым, не запятнавшим себя кровью, советская власть поверила и

простила их. Это последнее действо власти сыграло большую роль в спаде активности бандитизма…»

Как был прав «дядя Коля» — так его величали соседи и жители домов нашей Железнодорожной улицы в городе Сарны. Для автора он остался именно таким — справедливым и мужественным человеком с несколькими орденами Красной Звезды и золотом медалей, с которыми всегда выходил на праздник Победы.

★★★

О ходе разыскной работы органов госбезопасности против бандподполья на Западной Украине после войны в советской литературе говорилось настолько скупо, что создавалось впечатление — никаких масштабных операций против ОУН — УПА не проводилось ввиду стабилизации обстановки, о чем постоянно твердил Хрущев.

Но есть правда, которая не дает покоя ни коллаборационистам, ни участникам боевых действий против них. Бесславная полоса ющенковщины на Украине показала, что у «оранжевых» была своя правда, против которой восставали не только ветераны войны, но и все трезвомыслящие люди. Эксгуматоры Бандеры и Шухевича делали свое черное дело извращения истории. Воевать за «вильну Украину» в момент, когда наступили мир, Победа и суд в Нюрнберге, а Украина стала единой, соединившись с западными земляками, было абсурдно. Красную Армию они понимали — одолеть невозможно, а вот пакостить людям, куражиться над селянами, стрелять в спины учителям, врачам, медсестрам, библиотекаршам, инженерам и прочим специалистам, подвергать изуверским казням невиновных граждан они были «вельми крутыми» мастерами.

О трусливости бандеровцев, которые боялись выходить из схронов зимой, так как их легко можно было обнаружить по следам на снегу, недавно писала ежедневная украинская газета — «Рабочая газета».

Надо признать, что бандеровские банды действовали в западных областях Украины до конца 50-х годов.

Против них проводились не только чекистско-войсковые операции, но и комбинации с перевербовкой отдельных «свидомых» главарей бандеровского движения и разложения его изнутри.

В связи с этим небезынтересен один рассекреченный документ, который был направлен руководством Управления

Погранвойск НКВД Украинского округа начальнику главного управления НКВД СССР по ББ комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Леонтьеву.

г. Москва

на Ваш № 35/1/190 от 21.3.45 г.

«Сообщаю, что бывший куренной УПА — Левочко Василий Васильевич, по кличке «Юрченко», в настоящее время используется Управлением Погранвойск НКВД Украинского округа в качестве старшего группы агентов-боевиков под псевдонимом «Соколенко».

Последний показал себя на этой работе исключительно с положительной стороны, он привлекался погранвойсками к участию в ряде агентурно-оперативных комбинаций по разгрому оуновского подполья и банд УПА. Так, например, в конце января с.г., по данным агента «Соколенко» и других источников 2-го погранотряда, стало известно о месте пребывания командования штаба 2-го военного округа УПА-«Буг» в лице:

— заместителя командующего «Орест»;

— начальника разведки «Орас»;

— интенданта «Шершин»;

— политического руководителя «Ватюга»;

— коменданта военно-полевой жандармерии «Ворона»;

— начальника штаба округа «Янко»;

— окружного проводника «Жен» (он же «Кучер», он же «Полевой», он же «Старый»);

— референта политической пропаганды «Ярополк»;

— интенданта «Кумыш», оргмобреферента «Русич»;

— шефа связи провода ОУН, а также о дислокации главного пункта связи военного округа во главе с шефом связи «Лысым» и сотни УПА под командованием «Ягода» (он же «Черный»).

На основании этих данных по указанию Народного Комиссара Внутренних Дел УССР, комиссара государственной безопасности 3-го ранга товарища Рясного, в период с 7 по 21 февраля с.г. была проведена операция по ликвидации руководящего состава штаба 2-го военного округа УПА-«Буг», сотни УПА-«Ягода» и Холмского окружного провода ОУН.

Проведению мероприятий войскового порядка в этой операции предшествовала организация агентурно-опе-ративной комбинации, осуществленной при непосредственном участии агента «Соколенко».

Была создана группа боевиков в составе 19 человек под командованием «Соколенко», в которую входили:

— 10 агентов-боевиков 2-го погранотряда;

— группа агентов-боевиков НКВД;

— и радист НКВД с рацией.

В начале февраля с.г. группа после соответствующей подготовки была переброшена с легендой: «Именовать себя группой командиров УПА-«Восток», состоящей из 2 командиров, одного поручика, коменданта боевки, радиста, боевки группы, состоящей из 3 роев.

Агент «Соколенко» по легенде являлся сопровождающим группу «Восток», которая якобы передвигается в Карпаты.

Задание, полученное группой от погранвойск, в основном сводилось к следующему:

«Агент «Соколенко», как сопровождающий группу командиров УПА-«Восток» и как лицо, известное среди оуновского подполья и банд УПА (бывший куренной УПА), через известных ему связных ОУН связывается с отдельными руководящими работниками штаба 2-го военного округа УПА-«Буг», сотни УПА-«Ягода» и Холмского окружного провода ОУН, выясняет у них обстановку (местонахождение штаба, банд и т. д.) и в зависимости от последней проводит те или иные мероприятия, вплоть до ликвидации отдельных лиц».

Предлогом для этих встреч была изложена выше легенда, благодаря которой перед руководством штаба 2-го военного округа УПА-«Буг» и другими лицами агент «Соколенко» имел возможность поставить ряд вопросов такого характера, как необходимость выяснения новых установок оуновского подполья, получения продуктов для группы бандитов УПА-«Восток» и сопровождавшей их боевки.

Выполняя данное задание, агент «Соколенко» в первую очередь установил место пребывания сотни УПА под командованием «Ягода», но от встречи с ней уклонился, так как самого «Ягода» с сотней в то время не было. Тогда «Соколенко» организовал встречу с комендантом СБ окружного провода «Юрко», в беседе с которым выяснил ряд ценных данных об обстановке и условился на встречу на другой день, имея в виду во время нее приступить к ликвидации окружного провода ОУН.

Этот план осуществить не удалось, так как в группе «Соколенко» произошла измена. Два человека из числа агентов-боевиков перешли к окружной СБ, и это обстоятельство вынудило погранвойска приступить к проведению войсковой операции силами 2-го погранотряда.

Группа агентов-боевиков под командованием «Соколенко» принимала непосредственное участие в этой операции, и добытые самим «Соколенко» данные об обстановке в значительной степени способствовали успеху ее проведения.

В результате этой операции, проводимой с 7 по 21.2.1945

года с территории Польши:

— выведено и арестовано — 140 человек;

— захвачено — 182;

— добровольно явилось — 5;

— убито — 60».

★★★

Интересны материалы по операции «Мотря», о которых рассказывал когда-то Николай Струтинский в бытность службы автора во Львове в Особом отделе КГБ СССР по Прикарпатскому военному округу. Тогда же он подарил ему свою книгу «Шла война народная…» с надписью: «Дорогому Анатолию Степановичу Терещенко в день нашей встречи на память от автора. 11 октября 1968 года гор. Львов».

27 декабря 1944 года в селе Васловцы Садогурского района Черновицкой области при проведении чекист-ско-войсковой операции были захвачены лихие бандеровские вожаки:

— Галицкая Артемизия Григорьевна — («Мотря») — руководитель Буковинского провода ОУН,

— Гайдук Мирослав Иванович — («Бичук», «Довбуш», «Шапка», «Гавриил», «Федор») — член Буковинского провода ОУН.

При задержании Галицкая пыталась покончить жизнь самоубийством. Она выстрелила из пистолета себе в голову. Пуля прошла по касательной, разорвав лишь кожу и слегка нарушив надкостницу черепа. Раненую тут же под усиленной охраной отправили в госпиталь. Но и там она решила свести счеты с жизнью, пытаясь расцарапать рану и занести инфекцию. Только благодаря стараниям врачей она осталась жить.

От дачи показаний юна категорически отказалась. В то же время ее напарник — Гайдук показания давал весьма охотно, но при этом всячески уклонялся от выдачи данных о структуре самой Буковинской организации.

Посовещавшись, местные органы госбезопасности с сотрудниками СМЕРШа пришли к выводу о необходимости проведения оперативной комбинации под кодовым названием «Мотря». Смысл ее заключался в следующем: под видом бандеровских подпольщиков Центрального провода (ЦП) ОУН трем оперативникам ставилась задача «выкрасть» Галицкую из больницы и, «приголубив» ее, развязать ей язык.

В качестве представителей бандеровского Центра выступали:

— замначальника УНКВД по Черновицкой области полковник

госбезопасности Биленко с легендой работника Центрального провода «Тараса»;

— начальник оперативного отделения УНКВД старший лейтенант госбезопасности Гончаренко с легендой референта СБ «Ивана»;

— оперуполномоченный отдела борьбы с бандитизмом (ОББ) старший лейтенант госбезопасности с легендой члена ОУН «Стецко».

По замыслу оперативной комбинации «Тарас», «Иван» и «Стецко», прибыв на Буковину, должны были узнать об аресте «Мотри» и организовать ее «похищение» местными ОУНовцами с доставкой раненой на конспиративную квартиру ОУН в Черновцах, где «руководство» постарается быстро установить причину «провала» организации и захвата чекистами самой «Мотри».

В ночь «похищения» матерой бандеровки, а это было 7 января 1944 года, мела свирепая метель, морозец донимал больных в полуотапливаемой больнице. На дежурстве в это время находилась медсестра Зося, которой Галицкая доверяла. Именно это обстоятельство определило дату «похищения». Успеху операции способствовало то обстоятельство, что «Тарас» был похож на одного из вождей ОУН Рихарда Ярого, а «Мотря» о его «подвигах» много знала, хотя и поверхностно. Видела его только на фотографиях.

Под видом «следствия» чекисты быстро размотали «Мотрю» и не только выудили списки организации, но узнали о знакомстве ее с братьями Бандеры, братом Ко-новальца, референтом ЦП ОУН по закордонным делам «Яремой», одним из высших командиров УПА В. Сидором — «Шелестом» и другими высокопоставленными в оуновской иерархии лицами. В течение следующего дня фигуранты всего списка были арестованы.

Кроме данных о подполье, «Мотря» рассказала «своим», что во время оккупации Черновицкой области Румынией было достигнуто соглашение между ОУН и румынскими властями об освобождении части бандеровских функционеров, сидевших в тюрьмах Бухареста. За это румыны потребовали от оуновцев развернуть широкую антисоветскую работу. В ходе оперативной комбинации чекисты разыграли спектакль с ролями «злой и добрый следователь». Роль доброго, мягкого и внимательного человека отводилась «Стецко», которому «Мотря» стала больше доверять и даже симпатизировать. Таким образом, чекисты дополнительно получили установочные данные более чем на 600 оуновских руководителей разных областей Украины, а также сведения о конкретных устремлениях диверсионно-

террористических групп к воинским частям, гарнизонам и отдельным офицерам и генералам Красной Армии.

Операция по зачистке выданного «Мотрей» преступного контингента была успешно проведена сотрудниками СМЕРШа и территориальными органами госбезопасности с 1 января по 23 февраля 1945 года.

★★★

Совместная разыскная работа сотрудников СМЕРШа и территориальных органов Украины проводилась по установлению места нахождения так называемого первого главнокомандующего УПА Дмитрия Клячкивского — «Клима Савура», подчиненные которого орудовали преимущественно на территориях Западной Украины.

Не успев сформировать и организовать УПА, ее руководители высшего и среднего звена по распоряжению Центрального провода ОУН незамедлительно стали налаживать контакты с представителями германской и венгерской армий, фашистской разведки и предлагать им свои услуги. Руководство СМЕРШа ориентировало об этом свои фронтовые звенья и органы госбезопасности на местах. Кроме того, оно информировало, что так называемый штаб УПА был сформирован под диктовку немецкой разведки практически из числа официальных сотрудников — офицеров абвера, СД, гестапо, полиции и их агентуры. Туда вошли С. Арсенич-Березовский, Я. Бусел, Д. Грицай, И. Гриньох, Д. Клячкивский, П. Кравчук, С. Ленкавский, Ю. Лопатинский, А. Луцкий, Е. Логуш, Д. Маевский, В. Сидор, Я. Стецко, В. Чижевский, Р. Шу-хевич и другие.

В первых числах августа 1943 года в городе Сарны Ровенской области состоялось совещание представителей немецких властей и ОУН по вопросу совместных действий против советских партизан. В середине августа делегация ОУН для этих же целей выезжала в Берлин. В результате договоренностей в германской столице было подписано соглашение, согласно которому ОУН — УПА взяли на себя обязательство охранять железные дороги, мосты от налетов советских партизан, принимать участие в карательных операциях, выполнять и поддерживать проводимые немецкими оккупационными властями мероприятия.

В свою очередь, немцы обязались оказывать всемерную помощь украинским националистам в поставке оружия. Кроме того, в случае победы Германии над Советским Союзом разрешить создание самостоятельного украинского государства под

протекторатом Третьего рейха.

Для переговоров с представителями венгерской армии Д. Клячкивским был назначен член ЦП ОУН Емельян Логуш — «Иванив», выполнявший в то время функции руководителя краевого провода (КП) ОУН — «Пивдень» — «Юг». В связи с этим интересен один секретный документ уповцев, захваченный чекистами.

ПРИКАЗ № 21

«Командирам и казакам УПА, комендантам и работникам подполья ОУН.

В связи с политической ситуацией и определенными настроениями, требующими от нас чрезвычайного чутья и политической гибкости,

Приказываю:

1. Прекратить какие-либо агрессивные действия против мадьяр на территории всего военного округа.

2. Договориться на местах с командованием мадьярских подразделений с целью недопущения выступлений одной стороны против другой.

3. В отношении мадьяр необходимо быть приветливыми и предупредительными.

4. Ответственность за выполнение настоящего приказа возложить на командиров подразделений УПА и комендантов подполья ОУН.

Слава Украине.

Командир группы УПА Эней 9 сентября 1943 года.

Ставка».

Пока уповцы мирились с командованием немецких и мадьярских войск, по селам проходили зверские зачистки мирного населения карателями той и другой армий, на что бандеровцы смотрели примирительно — никаких эмоций по поводу геноцида соплеменников.

Начальник СМЕРШа В.С. Абакумов нацеливал военных контрразведчиков на оказание помощи территориалам в розыске и предании суду верхушки УПА.

А тем временем 1-м отделом УББ НКВД УССР было заведено агентурное дело «Берлога» с целью концентрации всех материалов на руководителей ОУН — УПА, находящихся на территории Западной Украины.

Каждому фигуранту был присвоен псевдоним. Первый главнокомандующий УПА Дмитрий Клячкивский — «Клим Савур» проходил под кличкой «Щур» (Крыса). Он попадал в поле зрения органов госбезопасности и раньше. До войны как руководитель молодежной организации ОУН в Станиславской (Ивано-

Франковской) области и участник ряда террористически-диверсионных актов он арестовывался и находился в заключении. Но с началом Великой Отечественной войны сбежал из тюрьмы и активно включился в оуновскую работу, на которой «дорос» до создателя и первого главнокомандующего УПА.

На его розыск были брошены лучшие силы СМЕРШа и территориальных органов ГБ Волынской, Ровенской и Станиславской областей. И вот по агентурным данным, полученным военными контрразведчиками СМЕРШа 169-го стрелкового полка, личный состав которого участвовал в чекистско-войсковой операции, было установлено, что в районе с. Яйно Камень-Каширского района Волынской области скрывается со своей охраной командующий объединенным военным округом УПА — «Заграва» и «Турин» Ю. Стельмащук — «Рудой». Чекисты совместно с разведывательно-поисковыми группами 9-й роты упоминаемого выше полка решили устроить засаду, на которую вскоре наткнулся небольшой отряд телохранителей «Рудого». В ходе боестолкновения 17 банде-ровцев было уничтожено. Стельмащук пытался отстреливаться, однако после ранения поднял руки вверх. Его доставили в инфекционную больницу, так как он болел тифом. После интенсивного лечения больной и раненый «Рудой» быстро пошел на поправку. Из-за важности плененного бандита им занялся лично заместитель наркома внутренних дел УССР генерал-лейтенант Т.А. Строкач.

Вскоре было установлено, что «Рудой» тоже стоял у истоков образования УПА, он также руководил диверси-онно-террористической группой, приданной к спецбатальону «Нахтигаль» («Соловей»). Заброшен был немецкой разведкой на территорию СССР за несколько дней до войны. На первых же допросах «Рудой» выдал большой объем информации, в том числе указал предполагаемое местонахождение «главкома» УПА «Клима Савура» — Оржовские хутора Клеванского района Ровенской области.

Получив эту информацию, руководители ГБ Украины совместно с армейскими подразделениями решили блокировать предполагаемую берлогу Клячкивского. В само кольцо окружения 10 февраля 1945 года были направлены истребительные группы, состоящие из опersостава внутренних дел и госбезопасности. В первый же день они разгромили отряд охранников «Савура». В ходе операции было убито 22 бандита. На второй день продолжилась операция, в ходе которой было захвачено 79 боевиков, 181 пособник и уничтожено 65 схронов.

12 февраля 1945 года отрядом 233-го отдельного стрелкового батальона под командованием начальника штаба батальона,

старшего лейтенанта Хабибуллина была обнаружена недавно покинутая стоянка в лесу и свежий след от полозьев саней на снегу. Двигаясь по следу, разведчики обнаружили какое-то движение в кустах и сразу же были обстреляны сильным автоматным огнем. Отстреливаясь, неизвестные попытались скрыться, но в ходе скоротечного боя были уничтожены ответным огнем. Последним улепетывал «Савур», однако окончательную точку в кровавой карьере «Щура» поставил метким выстрелом из карабина старший сержант Демиденко.

Итак, на месте боя были обнаружены три трупа. В ходе осмотра места происшествия и обыска убитых оперативники изъяли три автомата, три пистолета, орден Красной Звезды, два гвардейских значка, полевую сумку с документами ОУН — УПА и фотокарточку. Вскоре трупы были предъявлены «Рудому», который в одном из убитых опознал Д. Клячкивского — «Клима Савура».

Так бесславно закончилась жизнь одного из ставленников нацистов на роль Главкома УПА.

★ ★ ★

Что касается предателя Власова — «Мазепы XX века», как иногда именуют генерала-изменника, — и его приспешников, то их судьбы сложились по заслугам — трагично. Сам Власов был захвачен 12 мая 1945 года военнослужащими 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта неподалеку от города Пльзень в Чехословакии при попытке бежать в западную зону оккупации. Танкисты корпуса преследовали машину Власова — черную «Шкоду» — по указанию капитана-власовца, сообщившего им, что именно в этой машине находится его командующий.

Надо отметить, что личность генерала не оставили без внимания наши историки, литераторы и журналисты. Как писал историк Анатолий Пономарев, понять интерес к предателю можно, ведь из 183 общевойсковых командующих советскими армиями в годы Великой Отечественной войны лишь один Власов оказался изменником. В боях с вермахтом погибли 22 командарма, несколько попали в плен. 16 наших армий оказались в окружении, ряд их командующих пали на поле боя, трое застрелились, но ни один не оставил в беде своих подчиненных.

Немало усилий приложили апологеты Власова, кстати, с его подачи, чтобы обрядить генерала в ризы… спасителя Москвы в суровые 1941–1942 годы. Но архивные данные упрямы в своей

объективности. Есть одна правда — под горячую руку Сталина он не попадал. Со слов самого Власова, ни советская власть, ни сам Верховный Главнокомандующий ничего плохого ему не сделали. Наоборот, бывший батрак, как он подчеркивал в своих анкетах, в тридцатых годах становится командиром полка, дивизии, корпуса и получает звание генерал-майора. В 1941 году он назначается командующим 37-й армии, входившей в состав Юго-Западного фронта.

По оценке Хрущева, высказанной на октябрьском (1957) пленуме ЦК КПСС, Власов проявил себя на защите украинской столицы хорошо. По данным Ильи Эренбурга, Власов «…был под Киевом, попал в окружение; на беду простудился, не мог идти, солдаты вынесли его на руках».

А вот историк П. Пальчиков в статье «Два лика генерала Власова» утверждает на основании им найденных документов, что генерал вторично выходил из окружения под видом крестьянина, с козой на веревке.

Что же касается степени его участия в Московской битве, будучи назначеным в ноябре 1941 года командующим 20-й армией, то он ее тоже проспал на больничной койке. Со всей тяжестью первых боев под советской столицей встретился начальник штаба «двадцатой» генерал-майор Л.М. Сандалов. Фактически он руководил армией, а Власов появился в войсках только в двадцатых числах декабря. Но его руководством был недоволен Г.К. Жуков и «…буквально по пунктам диктовал ему, что следует осуществить для достижения успеха».

В феврале 1942 года командующий Западным фронтом Жуков направил командарму 20-й такой приказ:

«При докладе тов. Сталину Вы, тов. Власов, обещали прорвать оборону противника, если только получите людей. Людей Вам дали— 5500 человек, дали танки, а прорыва все нет и нет. Мало того, Вы понесли громаднейшие потери в людях и танках, погубили людей, погубили танки, не добившись никакого успеха. Разобрав Ваши действия по прорыву, считаю их абсолютно неверными и несерьезными. Не разрушив огневых точек противника, а ограничившись бутафорской шумихой, вы бросили на ПТО (противотанковую оборону. — Авт.) и сохранившуюся систему огня танки и пехоту…

Вы не жалеете людей, не жалеете танки, погубили много людей, погубили танки.

Приказываю:

1. Разрушить артиллерией укрепления противника;
2. Разбить систему огня противника;
3. Дать пехоте орудия сопровождения в роты;

4. Дать танкам орудия танковой поддержки.

Только когда будет подготовлена пехотная атака,

бросать (вперед. — Авт.) пехоту при поддержке танков;

5. Запретить легкомысленные броски танков и пехоты на укрепленные полосы противника.

Исполнение донести».

А теперь послушаем немецкого генерала Кестринга, одного из умнейших военных аналитиков, бывшего накануне войны военным атташе Германии в Советском Союзе. Со слов писателя В.О. Богомолова, Кестринг неоднократно предостерегал Гитлера от недооценки советского военного потенциала. По указанию фельдмаршала Кейтеля он в течение трех часов беседовал с Власовым и дал такую оценку собеседнику:

«Это весьма неприятный, лицемерно-лживый, неприемлемый для нас человек. Любое сотрудничество с ним представляется бессмысленным… И даже если нам когда-нибудь пришлось бы хвастаться за какую-то фигуру из русских в качестве лидера, мы нашли бы другого».

Генрих Гиммлер так отзывался о вербовке Власова, выступая осенью 1943 года перед эсэсовцами в Бад-Шахене: «Цена за измену? На третий день мы сказали этому генералу примерно следующее: то, что назад вам пути нет, это, вероятно, ясно. Но вы — человек значительный, и мы гарантируем, что, когда война закончится, вы получите пенсию генерал-лейтенанта, а на ближайшее время — вот вам шнапс, сигареты и бабы. Вот как дешево можно купить такого генерала! Очень дешево…

Но здесь господин Власов с заносчивостью, свойственной русскому, славянину, разговорился. Он начал рассказывать, будто Германии никогда не удавалось победить Россию, будто Россию могут победить только русские…

Должен вам сказать: одной этой фразой этот человек и доказывает, какая он свинья…»

★★★

Итак, Власов был доставлен подполковником Шелеписковым, майором Жердь и капитаном Белоусовым сначала в штаб командира танкового корпуса Фоминых и лишь к утру 13 мая в отдел контрразведки СМЕРШ 13-й армии, где и был впервые допрошен военными контрразведчиками.

Допрашивал Власова подполковник Шелеписков. Вел протокол капитан Белоусов.

— Фамилия, имя, отчество, — сурово спросил подполковник.

— Власов Андрей Андреевич, — последовал безразличный ответ уставшего человека.

— Мы должны вас обыскать, — в извинительном тоне обратился подполковник к задержанному советскому экс-генералу.

— Да-да, — заспешил Власов, — пожалуйста.

В ходе обыска, который проводил майор Жердь, на стол легли:

— партбилет номер 2123998,

— красное сафьяновое удостоверение личности номер 431 от 13 февраля 1941 года,

— расчетная книжка начсостава Красной Армии от 4 мая і 942 года,

— удостоверение командующего РОА,

— расчетная книжка военнослужащего СС,

— личные письма, фотографии, серебряный портсигар,

— деньги (30 ООО рейхсмарок и 10 ООО датских крон).

Потом был визит в штаб командующего фронтом маршала Конева, а оттуда на самолете Власов был доставлен в Москву на Лубянку.

13 мая 1945 года на письменный стол Сталина легло донесение с твердой и размашистой подписью наркома Абакумова.

«По сообщению Управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта, 12 мая с.г. в районе города Прага задержан предатель Власов, который на автомашине направлялся в сторону союзников.

По предложению командира 25-го танкового корпуса генерал-майора Фоминых, Власов отдал приказ своим солдатам о переходе на сторону Красной Армии. Вчера же нашим войскам сдалась дивизия в количестве десять тысяч человек.

Мною дано указание начальнику управления СМЕРШ 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанту Осетрову доставить Власова под усиленной охраной в Главное управление СМЕРШ».

★★★

Солдат генерала Власова, погибших в Праге в боях против немцев, похоронили на пражском Олшанском кладбище. Власовцы, которые покинули Прагу, далеко уйти не смогли — американцы их сдали советскому командованию. Командир 1 — й дивизии РОА генерал Буняченко отдал последний приказ командирам полков: всех распустить, солдатам и офицерам

поодиночке и мелкими группами добираться до союзников.

Это было жалкое зрелище. Многие падали на землю и рыдали в ожидании своей участи. Некоторые кончали жизнь самоубийством, другие отправлялись, как ни странно, на восток. Многих власовцев вылавливали чешские партизаны и передавали советским воинским властям. Захваченных офицеров в первые дни расстреливали на месте.

Власовцы залили кровью Варшаву и Бреслау. Они набирались «боевого опыта» в карательных экспедициях против мирных граждан в составе 29-й и 30-й «русских» дивизий, «латышской» дивизии СС и дивизии «Бранденбург» на территории России, Украины, Франции, Польши, Чехословакии. Популярным способом сбора «боевых трофеев» у этих героев было выдирание кусачками, носимыми в карманах мундиров, золотых коронок у трупов.

А теперь о суде.

Сначала руководители СССР планировали провести публичный процесс над Власовым и другими руководителями РОА в Октябрьском зале Дома Союзов. Однако в силу политической нецелесообразности — часть обвиняемых могла на процессе высказать взгляды, которые объективно могли совпадать с настроениями определенной части населения, недовольной советской властью, было решено процесс сделать закрытым.

Решение о смертном приговоре в отношении Власова и других было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 23 июля 1946 года. Само судебное разбирательство состоялось с 30 по 31 июля 1946 года.

Все они были признаны виновными в государственной измене. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР власовцы были лишены воинских званий и 1 августа 1946 года повешены, а их имущество — конфисковано.

Для наглядности и более четкого представления о содержании процесса и конкретики действий подсудимых есть смысл привести текст приговора, который, наверное, небезынтересен читателю.

★ ★ ★

Совершенно секретно

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе:

Председательствующего — генерал-полковника юстиции

УЛЬРИХА В.В.

Членов — генерал-майора юстиции КАРАВАЙКОВА Ф.Ф. и полковника юстиции ДАНИЛОВА Г.Н. в закрытом судебном заседании, в гор. Москве, 30, 31 июля и 1 августа 1946 года, рассмотрела дело по обвинению:

1. б. заместителя командующего войсками Волховского фронта и командующего 2-й Ударной армией — генерал-лейтенанта ВЛАСОВА Андрея Андреевича, 1901 г.р., уроженца деревни Ломакино Гагинского района Горь-ковской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

2. б. начальника штаба 19-й армии — генерал-майора МАЛЫШКИНА Василия Федоровича, 1896 г.р., уроженца Марковского рудника Сталинской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

3. б. члена Военного совета 32-й армии — бригадного комиссара ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича, 1910 г.р., уроженца г. Воронежа, русского, бывшего члена ВКП(б);

4. б. начальника штаба Северо-Западного фронта — генерал-майора ТРУХИНА Федора Ивановича, уроженца г. Костромы, русского, беспартийного;

5. б. начальника Военно-Морского училища ПВО в г. Либаве — генерал-майора береговой службы БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича, 1893 г.р., уроженца г. Юрьевец Ивановской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

6. б. командира 21-го стрелкового корпуса ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича, 1897 г.р., уроженца г. Зимовники Ростовской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

7. б. начальника санатория Аэрофлота в г. Ялте — полковника запаса МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича, 1895 г.р., уроженца г. Гусь-Хрустальный Ивановской области, русского;

8. б. командира 59-й стрелковой бригады — полковника БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича, 1902 г.р., уроженца села Коровякова Глушковското района Курской области, украинца, бывшего члена ВКП(б);

9. б. командира 350-й стрелковой дивизии — полковника ЗВЕРЕВА Григория Александровича, 1900 г.р., уроженца г. Ворошиловска, русского, бывшего члена ВКП(б);

10. б. заместителя начальника штаба 6-й армии — полковника МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича, уроженца г. Москвы, русского, беспартийного;

11.6. помощника начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта — подполковника КОРБУКОВА Владимира Денисовича, 1900 г.р., уроженца г. Двинска, русского, бывшего члена ВКП(б);

12. б. начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа — подполковника ША-ТОВА Николая Степановича, 1901 г.р., уроженца деревни Шатово Котельнического района Кировской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

— всех в преступлениях, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58–16, 58-8, 58-9, 58–10 ч. И УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военнослужащими Красной Армии и будучи антисоветски настроенными, в напряженный для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941–1943 гг. проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооруженную борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером так называемый «комитет освобождения народов России» и, по заданию германской разведки, создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооруженные отряды, наименовав их «русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной Армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства.

Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского Правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководил Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии конкретная предательская деятельность

каждого из подсудимых установлена следующая:

1) ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армией того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешел на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части так называемой «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и обсуждал с ответственными представителями германского Министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима. Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной Армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержались советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооруженной борьбе с советским правительством и Красной Армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками — изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ — возглавил созданный немцами «комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины «русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского Правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в так называемой «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего «РОА», направлял сформированные им

воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Геббельсом и Риббентропом, вел с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленен частями Красной Армии…

На основании вышеизложенного Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЬЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1 — й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58–16, 58-8, 58-9, 58–10, 58–11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319–320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА: лишить воинских званий

1. ВЛАСОВА — генерал-лейтенанта;
2. МАЛЫШКИНА — генерал-майора;
3. ЖИЛЕНКОВА — бригадного комиссара;
4. ТРУХИНА — генерал-майора;
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО — генерал-майора береговой службы;
6. ЗАКУПНОГО — полковника;
7. МАЛЬЦЕВА — полковника;
8. БУНЯЧЕНКО — полковника;
9. ЗВЕРЕВА — полковника;
10. МЕАНДРОВА — полковника;
11. КОРБУКОВА — подполковника;
12. ШАТОВА — подполковника

— и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

1. ВЛАСОВА Андрея Андреевича;
2. МАЛЫШКИНА Василия Федоровича;
3. ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича;
4. ТРУХИНА Федора Ивановича;
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича;
6. ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича;
7. МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича;

8. БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича;
9. ЗВЕРЕВА Григория Александровича;
10. МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича;
11. КОРБУКОВА Владимира Денисовича;
12. ШАТОВА Николая Степановича

— ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Секретарь Военной коллегии Верхсуда СССР майор юстиции (Мазур).

Так закончился процесс над руководителями РОА, а рядовой состав и нерасстрелянные офицеры-власовцы долгие годы обитали в тюрьмах и лагерях ГУЛАГ а. Немногим довелось гулять на воле без косых взглядов земляков.

★ ★ ★

Казаки и казачество с давних пор являли собой военно-служебное сословие России. Оно было представлено 12 казачьими войсками: Донским, Кубанским, Терским, Астраханским, Уральским, Оренбургским, Семиречен-ским, Сибирским, Забайкальским, Амурским, Уссурийским, Красноярско-Иркутским. Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах Русского государства и мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта. Одновременно она старалась принимать меры, чтобы «вольность» не развивалась чрезмерно в ущерб централизованному устройству российской государственности.

Так было при царях и при вождях. Боялись власти «взбрыков» казачества. Не хотели, чтобы повторились восстания Пугачева, Разина, Булавина. Процессы расказачивания при Петре Первом — Долгоруким, при Екатерине Второй — Потемкиным, при Ленине — Троцким остались тавром в генетической памяти казачества. В период существования советской власти казачье население насчитывало около 4,5 млн человек. Революция 1917 года открыла в его среде нездоровые процессы размежевания. В годы Гражданской войны в Красной Армии оказалось примерно 30 % казаков, а в рядах белых более 70 %. После разгрома Деникина в марте 1920 года положение казачества ухудшилось. Начались процессы выселения контрреволюционных казачьих семей с

родных хуторов и станиц. Обиженное казачество с неохотой покидало насиженные места, перемещаясь в другие районы СССР и выезжая за границу. В зарубежных странах из приезжих казаков были организованы союзы, группы, хутора, станицы.

Так, по данным Парижского Казачьего союза от 1926 года, во Франции существовало: 33 станицы, хутора и группы, в Болгарии — 15 станиц, хуторов и групп, в Сербии — 12 станиц и групп, в Чехословакии — 6 групп, в Румынии — 4 группы, в Венгрии — 1 казачья станица, в Польше — 3 группы, в Германии — Майнцкая группа, в Китае (Харбин) — Восточный казачий союз.

В них проживали в основном обиженные советской властью, вот почему большевизм для них был злейшим врагом. Служить Гитлеру они начали раньше, чем власовцы. С началом войны Донской атаман, царский генерал-лейтенант Краснов, проживавший в Германии, сразу же после объявления Гитлером войны 22 июня 1941 года сделал такое заявление:

«Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 году».

В октябре 1942 года в Новочеркасске прошел казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского. С этого периода началась организация казачьих формирований в составе вермахта, как на оккупированных территориях, так и в эмигрантской среде. Создание казачьих частей возглавил бывший полковник царской армии С.В. Павлов, инициативу которого поддержал Краснов.

О серьезности намерения служить Третьему рейху говорит текст присяги казаков на верность Адольфу Гитлеру: «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови. Все законы и приказания от поставленных Вождем Германского народа Адольфом Гитлером начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду. В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижению полной победы над большевизмом и его союзниками. Если узнаю о чем-нибудь, вредящем общему делу борьбы за свободу Европы и наших родных казачьих краев, не только заблаговременно о том

объявлю, но всеми способами постараюсь отвратить и уничтожить зло.

Всякую вверенную мне тайну крепко буду хранить. Поставленным надо мною начальникам, как немецким, так и своим казачьим, во всем буду послушен и все буду делать по совести.

От команды и полка, к которому принадлежу, ни в поле, ни в обозе, ни в гарнизоне, какая опасность мне ни угрожала бы, пока жив, отлучаться не буду и хотя и раненый следовать за ним буду и везде и во всем себя буду так вести и поступать, как то честному, верному, послушному, храброму и расторопному казаку надлежит.

В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя Моего. Аминь».

Когда же с января 1943 года немецкие войска начали отступать, вместе с ними на запад подалась и часть казаков с семьями. 31 марта 1944 года в Берлине было образовано Главное управление (ГУ) казачьих войск. Возглавил Главк и его войско атаман П.Н. Краснов. Походным атаманом «Казачьего стана» был назначен белогвардейский сотник Т.И. Доманов. Его войско в апреле 1945 года полностью перешло под управление командующего РОА Власова. В состав ГУ входила 1 — я казачья дивизия под командованием немецкого генерал-майора вермахта Гельмута фон Паннвица, общей численностью по состоянию на 1 ноября 1943 года около 19 ООО человек.

В 1945 году Гельмут был избран Верховным Походным Атаманом «Казачьего стана». В связи с переподчинением соединения Гиммлеру 11 февраля 1945 года дивизия была развернута в 15-й Казачий Кавалерийский корпус. Паннвицу присваивается звание генерал-лейтенанта войск СС, он становится группенфюрером СС и рыцарем Ордена иоаннитов. Активную помощь казакам оказывали Кавказские части генерала Султан Келеч-Герея, воевавшие в конце войны против итальянских и югославских партизан и, естественно, против частей Красной Армии.

2 мая 1945 года, когда фашистская Германия де-факто была повержена и «запахло» ответственностью за злодеяния профашистских казачьих отрядов, они попытались уйти в Австрию — город Линц и там сдаться американцам и англичанам.

Казаков Паннвица англичане разместили в лагерях в районе Фельдкирхен-Альтхофен. Сразу же последовала череда допросов генерала как британскими, так советскими и югославскими следователями. Выдача Паннвица Советскому Союзу, в общем-то, не грозила — он был немецким генералом, и ялтинские

соглашения на него ни в коем случае не распространялись. Однако Паннвиц заявил ненавистным ему британским офицерам:

«Я делил с казаками хорошее время. Теперь я хочу делить с ними плохое. Я заключил с ними дружбу на жизнь и на смерть. Может быть, я смогу облегчить их ужасную участь, взяв часть приписываемой им вины на себя».

В австрийском городе Линц оказался и атаман Краснов с женой и тремя племянниками. После капитуляции он пишет письмо английскому маршалу Александеру об условиях сдачи казаков британским войскам. 27 мая за Красновым прибыл автомобиль для личной встречи с маршалом. Он успокоил жену Лидию Федоровну, что к вечеру вернется. Неожиданно автомашина остановилась возле старой пилорамы. В ней английский бригадный генерал пригласил одного Краснова в полуразрушенное помещение. Там он пояснил ему, что по условиям Ялтинской конференции он подлежит выдаче СССР.

— Извините, но я не гражданин СССР и им никогда не был, — попытался логично возразить генерал Краснов.

— Это не имеет никакого значения, — заявил генерал и прекратил беседу.

31 мая 1945 года в городе Юдинбурге Краснов был передан советским властям.

★★★

Большая часть казачьих войск после сдачи оружия попала к британцам в лагеря за колючую проволоку. Им поначалу обещали всяческую защиту. Однако через несколько дней всех казаков с семьями, всех скопом, предательски сдали советским представителям. Надо отметить, что в этих лагерях англичане избивали казаков прикладами и кололи штыками, отмечались случаи убийства казаков. Охраняемое подразделение ирландцев даже взбунтовалось, видя нечеловеческое отношение британцев к пленным. Вскоре на охрану лагеря встала другая часть.

Самолюбивые и горячие на поступок казаки совершали безумные действия: стрелялись, вешались, убивали своих жен и детей. Видя эти трагические картины, даже многие сотрудники СМЕРШа сокрушались циничным обманом лондонских властей. Спустя несколько дней после ареста атаманы Краснов и Шкуро назовут англичан, участвовавших в торге, «сволочами» и «мерзавцами».

В период с 28 мая по 1 июня 1945 года вместе с многотысячным войском и двумя тысячами офицеров Москве

была выдана вся верхушка гитлеровского казачества. Всего за пять недель, начиная с конца мая 1945 года, было депортировано 35 ООО казаков. Так закончился для них второй «освободительный поход» в сторону Советской России во главе с генералом Красновым.

16 января 1947 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов состоялся закрытый судебный процесс по делу шести генералов-эмигрантов:

— начальника Главного управления казачьих войск генерала от кавалерии белой армии (в материалах процесса он назван генерал-лейтенантом) П.Н. Краснова;

— начальника Резерва казачьих войск генерал-лейтенанта белой армии А.Г. Шкуро;

— начальника штаба Главного управления казачьих войск генерал-майора германской армии С.Н. Краснова;

— командира Кавказской дивизии генерал-майора белой армии Султан Келеч-Герея;

— командира Казачьего стана генерал-майора германской армии, бывшего советского гражданина Т.И. До-манова;

— и германского подданного, командира 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса, генерал-лейтенанта войск СС Гельмута фон Паннвица.

Подсудимые обвинялись в том, что «по заданию германской разведки они в период Отечественной войны вели посредством сформированных ими белогвардейских отрядов вооруженную борьбу против Советского Союза и проводили активную шпионско-диверсионную деятельность против СССР».

Между председателем трибунала Ульрихом и Красновым в ходе допроса состоялся следующий диалог.

Ульрих: Ответьте, каким генералом вы себя считали — русским или немецким?

Краснов: Самого себя я считал русским генералом, но, к сожалению, приходилось одевать немецкую форму, поверх которой носил русские погоны и Георгиевский крест. Так было нужно, я поневоле оделся в немецкую форму с русским оттенком.

Ульрих: Кто же, по-вашему, настоящий виновник войны СССР с Германией?

Краснов: Конечно, СССР — страна жидов и тунеядцев!

Ульрих: Согласны ли вы, что ваше письмо Кайзеру Вильгельму от 1918 года имеет сходство с вашим воззванием от 1944 года?

Краснов: Да, именно так. Мы искали союзников в лице Германской Империи, а впоследствии и фашистской Германии.

Ульрих: Значит, у вас существовал союз с германским

империализмом?

Краснов: Да, безусловно, так, такой союз у нас существовал с 1917 года.

Ульрих: Что же у вас осталось русского?..

Краснов опустил голову.

Все обвиняемые приговаривались к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение сразу по окончании процесса — на срочно сооруженной во дворе Дома Союзов виселице.

«Вервольф» — последняя надежда

Заканчивалась война. Войска Красной Армии до предела сжали все еще сильную пружину вермахта. Именно в это время органы военной контрразведки СМЕРШ получили данные об организации в гитлеровской Германии отрядов ополчения для ведения партизанской войны в тылу наступающих советских войск.

Движение под названием «Вервольф» (нем. Werewolf — волк-оборотень) было поручено создать и возглавить обергруппенфюреру СС Гансу-Адольфу Прютцману, наделив его особыми полномочиями. Этот головорез отметился «активной работой» на оккупированных землях Украины. Кроме того, он хорошо знал территорию своей родины — районы Восточной Пруссии. Именно Прютцман организовал в предместьях Берлина свой штаб под названием «Бюро Прютцмана». Движение существовало с 14 сентября 1944-го по 5 марта 1946 года. Что касается личности Прютцмана, то он работал руководителем оберабшнита СС «Юго-Запад» в Штутгарте, с марта 1937 года по май 1941-го был руководителем оберабшнита «Северо-Восток» в Кенигсберге. В апреле 1941 года етап генерал-лейтенантом полиции. С июня по октябрь 1941 года — СС-полицейфюрер на севере России. Этот же пост он занимал на Украине и Юге России до лета 1944 года. С 9 ноября 1941 года обергруппенфюрер СС и генерал полиции. Летом 1944 года командовал группой «Прютцман» на Украине, был награжден Немецким крестом в золоте. С июня по ноябрь 1941 года — высший СС-полицейфюрер в оккупированной Латвии, ответственен за отправку десятков тысяч евреев в гетто в крупных городах Латвии и холокост на территории оккупированной республики.

В сентябре 1944 года был назначен Гиммлером генерал-инспекгором специальной обороны, руководил созданием организации «Вервольф». Имея опыт в борьбе с партизанским движением на Украине, планировал обучать членов организации тактике советских партизан.

В начале 1945 года по приказу Гиммлера организовал убийство бургомистра Аахена Франца Оппенхофа, назначенного на этот пост американцами. Незадолго до окончания войны Прютцман попал в плен к союзникам. Покончил жизнь самоубийством в тюрьме в Люнебурге 21 мая 1945 года. Клятвой-лозунгом для «вервольфовцев» были такие слова:

«Превратим день в ночь, а ночь в день! Бей врага, где бы его ни встретил! Будь хитрым! Воруй у врага оружие, боеприпасы и

продовольствие! Немецкие женщины, помогайте борьбе «Вервольфа», где это только возможно!»

Они, кроме боевых вылазок, распространяли листовки такого содержания:

«Мы покараем каждого изменника и его семью. Наша месть будет смертельной».

Но, несмотря на эти угрозы в отношении мирного населения, «Вервольф» Так и не стал действенной боевой силой, способной дезорганизовать, ослабить наступательный порыв наших войск.

И все же следы вооруженного сопротивления отмечались. Как вспоминали многие военные контрразведчики, участвующие в штурме Берлина, стандартной тактикой берлинских «вервольфовцев» были такие действия, как стрельба фаустпатронников с верхних этажей полуразрушенных зданий по втягивающимся колоннам танков, бронетранспортеров, автомобилей. Они пропускали колонну вперед, а потом подбивали головную и последнюю машины. После этого «вервольфовцы» начинали расстреливать спешившихся солдат.

Несмотря на то что преемник Гитлера адмирал Карл Дёниц приказал всем членам «Вервольфа» прекратить боевые действия, сложить оружие и самораспуститься, «партизаны рейха» продолжали свои кровавые вылазки и после взятия Берлина. «Вервольфовцы» убивали наших солдат и офицеров, обстреливали здания военных комендатур, подрывали эшелоны с вывозимым в СССР демонтированным оборудованием, расстреливали назначенных новой властью обер-бургомистров, угрожали соплеменникам за вывешенные из окон белые полотнища. До последних дней своего существования у «команды смерти» был свой мощный радиоцентр. Часто в эфире можно было услышать:

«Говорит радио «Вервольф»!

Каждый немецкий гражданин, который оказывает содействие врагу, будет занесен в черный список. «Вервольф» всегда найдет средства и возможности, чтобы покарать того, кто позорит нацию.

У нас длинные руки, и мы доберемся до каждого предателя».

Со слов упоминаемого уже полковника в отставке Николая Васильевича Левшина, 16 июня 1945 года «прютцмановцы» совершили террористический акт в отношении коменданта германской столицы генерала Берзарина. Чтобы не поднимать панику среди наших военнослужащих, было сообщено, что полководец погиб в дорожно-транспортном происшествии — его мотоцикл якобы случайно столкнулся с грузовым автомобилем.

В ночь на 29 апреля 1945 года перед захватом американцами верхнебаварского городка Пенцберга на стенах его домов и заборах появились листовки с угрозами «Вервольфа»: «Мы

мстители. Расплата — смерть!»

В тревожные ночные часы ожидания американцев бригаденфюрер СА Ханс Цэберляйн с сотней своих подельников из «Вервольфа» прочесал притихший городок в поисках «изменников». Они вытащили до десятка женщин и мужчин и повесили их на главной площади города.

Еще Николай Васильевич поведал о том, что он во время фильтрационной работы разбирался с материалами одного немецкого офицера, которому была известна информация об организации партизанского сопротивления оккупационным войскам. Набирали в нелегальные отряды в основном подростков, стариков и молодых женщин, не связанных с семьей. Отмечались случаи, когда в партизаны «Вервольфа» попадали и советские граждане, молодые парни и девушки, хорошо знавшие немецкий язык. Их учили обращаться не только с огнестрельным оружием, но и профессионально убивать ножом. В случае отказов в службе или невыполнения задания угрожали убийством родных и близких. Девушки выполняли функции установки, то есть мест проживания, будущих жертв и разведчиц наружного наблюдения. Членам «Вервольфа» рекомендовалось внедряться в государственные и частные структуры, налаживать деловые контакты, организовывать в горах склады оружия, боеприпасов, радиосредств, одежды и продуктов питания. Кроме того, ставили и более острые задачи — проводить диверсии в советской зоне.

Сотрудниками СМЕРШа в ходе проведения операций по «зачисткам» в советской зоне оккупированной Германии задерживались десятки «подпольщиков», вскрывались их склады с оружием и боеприпасами. Особенно много было отрядов «вервольфовцев» в окрестностях города Бреслау. В течение первых двух недель боев наши войска потеряли 162 танка, в основном уничтоженных на улицах города, и около 4000 личного состава.

Под влиянием относительных неудач в борьбе с немецкими «партизанами» командование Красной Армии изменило тактику и занялось постепенным подавлением опорных пунктов огнем артиллерии по квадратам и применением практики выдавливания противника в центр города с использованием штурмовых групп при поддержке саперных подразделений.

В качестве отборных штурмовых частей были введены в бой три батальона морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота. Огнем артиллерии была выведена из строя взлетно-посадочная полоса на Кайзерштрассе. Однако немцы решили построить новую в центре города, но и она была разгромлена действиями артиллерии и штурмовой авиации. Немецкие войска, оказывая яростное сопротивление, оставляли дом за домом. 4 мая

1945 года вдохновитель обороны Бреслау, гауляйтер города Ханке сбежал, эвакуировавшись на легкомоторном самолете — «стрекозе» — «Fiseler-156 Storch». Именно на таком самолете прилетали на встречу с Гитлером 25 апреля 1945 года летчица Ханна Рейч и генерал Ритгер фон Грейм — командующий 6-м воздушным флотом. Преемнику Геринга фюрер присвоил звание фельдмаршала. Это был его последний приказ, связанный с присвоением воинских званий.

Ханке занял пост рейхсфюрера СС, заняв место смещенного Гиммлера. Спустя неделю он пропал без вести в районе Праги. Потери гражданского населения Брес-лау составили около 80 ООО человек, включая «фольксштурм» и подразделения «гитлерюгенда».

6 мая комендант Бреслау генерал Нейхофф подписал акт о капитуляции, а уже 9 мая город перешел под управление Польши.

★★★

В начале 1946 года в одном из кабинетов на Лубянке оперативники читали необычный документ, добытый агентурным путем и датированный 1944 годом. В нем, в частности, говорилось, что десять тысяч преданных нацистов следовало внедрить в среду иностранных рабочих, находящихся в Германии на тот момент. Они должны были после падения фашистского режима вместе с рабочими выехать в разные страны и осуществлять там нелегальную работу.

Для этого, кроме денег в швейцарских банках, огромные суммы законсервировали в Аргентине и Португалии. Нацистам-нелегалам настоятельно рекомендовалось налаживать контакты с руководителями троцкистских групп, поскольку последние не приемлют политику Сталина, что давало реальные шансы с их помощью расколоть международную солидарность в Европе. Не остались безучастными организаторы нацистского подполья и к судьбе фюрера. В агентурном донесении сообщалось: «…когда для Германии не останется уже надежды на военное сопротивление, Гитлер и его ближайшие сотрудники вылетят в Японию на самолете «Фокке-Вульф-62», имеющем запас горючего в 200 тонн. Гитлер передаст японцам секрет нового германского оружия для того, чтобы Япония могла продолжать сопротивление».

Документ рисовал картину создания «Вервольфа» с выбором в руководители сорокадвухлетнего группенфюрера войск СС и полиции Ганса Адольфа Прютцмана.

Немцы верно просчитали, что союз между СССР и Англией, а также США долго не продержится. Причину холодка они заметили сразу же после 1944 года, когда красная лавина окрепшего в военном отношении Советского Союза может хлынуть за пределы Польши, а потом и Германии. Присутствие СССР в Западной Европе для Лондона было крайне нежелательным.

С другой стороны, советская разведка отслеживала активность челночных поездок высокопоставленного гитлеровского генерала по маршруту Берлин — Берн. В шифровке, полученной органами госбезопасности из Берна, помимо уже приведенных фактов была и такая информация:

«Если между Великобританией, США и СССР возникнет разлад, то будет оказываться открытая и нелегальная помощь британским и американским капиталистам, а также римским католикам в деле создания антисоветского фронта».

Речь шла в случае союзного раскола о помощи со стороны подпольной нацистской организации США и Великобритании. И этой организацией мог быть только «Вервольф».

В декабре 1945 года при переходе демаркационной линии английской и советской зон была задержана некто Крюгер Анна-Мария. На допросах она рассказала о своей работе в штабе немецкой группировки «Норд», находившемся в Гамбурге. Девушка сообщила, что эта группировка была создана в мае 1945 года. По ее словам, среди офицеров вермахта ходили упорные слухи, что в конце 1946 года сформированная армейская группировка будет участвовать в войне с СССР на стороне англичан. А организации «Вервольф» отводилась особая роль — она должна была провести серию массированных терактов в советской зоне Германии, после чего планировалось движение армейской группировки «Норд»…

★ ★ ★

Несмотря на то что преемник Гитлера гросс-адмирал Карл Дёниц не дал вразумительного ответа уполномоченному НКВД СССР 1-го Белорусского фронта генералу И. Серову по поводу создания «Службы Прютцмана», другие же военнопленные оказались более разговорчивыми.

Так, допрошенные сотрудниками ГУКР СМЕРШ начальник личной охраны Гитлера группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Иоганн Раттенхубер, вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс и генерал-фельдмаршал Фердинанд Шернер дали развернутые

показания о существовании организации.

Из показаний Раттенхубера:

«Организация «Вервольф» была создана после того, как союзники переправились через Рейн. Руководителем этой организации был назначен обергруппенфюрер Прютцман. Вопросы, касающиеся практической деятельности этой организации, не обсуждались. Но я не верю, что эта организация будет иметь успех, так как вся Германия оккупирована и обеспечение боеприпасами и оружием невозможно, и к тому же немецкий народ устал от войны, чтобы снова подняться на борьбу, а обергруп-пенфюрера Прютцмана я не считаю человеком, который способен организовать эту борьбу».

Из показаний Фосса:

«Относительно организации «Вервольф», о которой меня тоже спрашивали следственные органы, мне известно лишь то, что по приказу Гитлера на территории Германии действительно создавались нелегальные организации под названием «Вервольф», руководимые Борманом. Они должны были заниматься террором и диверсией в тылу советских войск и войск союзников».

Из показаний Шернера:

«Вервольф» в немецкой разговорной речи имеет два значения. Первое — мистическое существо — «оборотень». Второе — крестьянский союз, организованный тайно герцогом фон Люнебургом во времена Тридцатилетней войны 1648 года с заключением Вестфальского мира. Этот союз возглавил крестьянин Вульф (Вольф) из деревни Пергобстеля. Крестьяне защищали свои семьи и имущество от разбойничьих банд. Известный немецкий писатель Ленз написал об этом роман из старой хроники под названием «Вервольф». На основании этого исторического факта рейхсминистр Борман назвал свою импровизацию «Вервольфом». Насколько я помню, основание этой организации относится к концу 1944-го или началу 1945 года. Я совершенно точно знаю, что эта организация была чисто партийным делом. Высшее и низшее руководство в ней осуществлялось партийными людьми…

В моем окружении к «Вервольфу» относились отрицательно по целому ряду причин: несвоевременности этого движения, недостаточного сохранения тайны, неудовлетворительного распространения этого движения, недостаточного вооружения и т. п.».

Несмотря на критичность отзывов о подпольной военной и послевоенной борьбе вышеупомянутых военнопленных, на столе начальника ГУКР СМЕРШ генерал-полковника В.С. Абакумова часто читались им документы иного содержания. В них прямо

указывалось, что с приближением агонии Третьего рейха в больных головах нацистской верхушки стали мелькать «проекты партизанщины». Все партийные бонзы склонялись к мысли организации тайного отпора — подрывной работы в тылу Красной Армии. В этих целях, кроме своих подразделений, готовящих диверсантов и террористов использовались: 4-е Управление РСХА (внешняя разведка), абвер 2 (саботаж и диверсии), отряды «СС-Ягдфербанд» СД (истребительные части СС), Сухопутные войска с отделами 1 ц (формирование диверсионно-разведывательных групп «фернихтунгсгруппен»). Кроме того, в этих целях активно использовались польские и украинские подпольные организации, формирования Армии Крайовой (АК) и Украинской повстанческой армии (УПА).

23 июля 1944 года начальник 1-го Управления НКГБ СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга Павел Михайлович Фитин направил начальнику ГУКР СМЕРШ НКО СССР Виктору Семеновичу Абакумову докладную записку за № 1/и/14256, в которой детально проинформировал коллегу о принятом руководством рейха 10 января 1944 года решении — создать «нелегальную националистическую организацию на случай оккупации Германии союзниками». Цель организации — реставрация нацистского режима и подготовка новой мировой войны, из которой Германия должна выйти победительницей.

Поражение в этой войне они прогнозировали, объясняя фиаско двумя основными моментами — недостаточной технической оснащенностью новыми типами вооружения германской армии и слабостью разведывательной работы перед войной.

О накале не мнимой, а реальной борьбы СМЕРШа против нацистских «оборотней» говорят цифры в докладных записках военных контрразведчиков 1 — го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Только с марта по май 1945 года оперативными группами армейских чекистов этих фронтов было арестовано 675 участников германской подпольной диверсионно-террористической организации «Вервольф» и 6 человек уничтожены при задержании. Обнаружено более 50 складов с оружием и боеприпасами, из которых изъято:

— 6 минометов;
— 102 гранатомета (фаустпатрона);
— 20 станковых пулеметов;
— 258 ручных пулеметов;
— 6079 винтовок;
— 256 автоматов;

— 272 пистолета;
— 5414 гранат;
— 628 мин;
— 100 снарядов;
— 5484 взрывателя;
— 3230 детонаторов;
— более 7 173 000 патронов;
— 1024 заряда к гранатометам;
— 8217 тонн взрывчатых веществ и 310 ящиков;
— 17 800 толовых шашек;
— 3045 м бикфордова шнура;
— 30 бутылок с горючей смесью;
— 448 клинков и стилетов.

По архивным данным, на 1 декабря 1945 года в советской зоне оккупации сотрудниками СМЕРШа было ликвидировано 620 организаций и групп «Вервольфа», совершавших поджоги, убийства, распространение листовок и ложных слухов, провоцировавших гражданское население.

Этот перечень красноречиво свидетельствовал, к чему готовились битые нацисты, но благодаря высокому профессионализму и мужеству военных контрразведчиков их планы по организации «партизанской» войны потерпели крах. Таким образом, были сохранены жизни десятков тысяч советских воинов, ставших победителями в одной из самых кровавых в мире войн.

СМЕРШ на японском фронте

В сентябре 1931 года госсекретарь США Генри Стимсон отметил в своем дневнике довольно пророческое высказывание:

«В Маньчжурии начались тяжелые времена. Японцы, по-видимому, их наиболее воинствующие элементы, внезапно осуществили переворот».

И действительно, переворот, спровоцированный армейскими офицерами, положил начало почти 15-летнему милитаристическому угару в управлении внешней политикой государства. Дух военщины с ее восточной жестокостью вселился в Японскую империю подобно чуме. Носителями этой страшной болезни были генерал Тодзио, адмиралы Симаду, Ямамото, Ониси и Такаги.

В 1937 году Имперская армия Японии вторглась в Китай и устроила кровавую вакханалию практически открытого геноцида в городе Нанкин. В сентябре 1940 года Япония присоединилась к фашистской «оси» и к 1941 году заняла Французский Индокитай.

Все эти события, с учетом нападения Германии на СССР, беспокоили наше руководство. В конце марта 1941 года в Москву прибыл министр иностранных дел Японии Иосука Мацуока. Он на протяжении нескольких месяцев вел переговоры с Москвой. Первый переговорный раунд закончился безрезультатно. Чего же хотели японцы? Совсем «немного» — продать им Северный Сахалин. Сталин задал тогда Мацуоке вопрос: «А не шутит ли он?»

Ответ последовал — нет, и Мацуоки улетел для консультаций в Берлин. Но вскоре снова оказался в Москве. Каких-либо изменений в позициях сторон не произошло. Мацуоки засобирался домой, но в день отъезда, 13 апреля 1941 года, он получил новые указания от своего правительства — подписать с СССР «Пакт о нейтралитете», что и было сделано вечером того же дня. Этот договор был успехом для Советского Союза, ведь мы все ждали открытия второго фронта не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. Советское руководство было осведомлено о подписанном японцами с немцами договоре — как только гитлеровцы берут Москву, японцы открывают второй фронт. Так почему же японцы неожиданно изменили намерения и почему Сталин был так уверен, что японцы снизят накал своих настойчивых требований?

Дело в том, что еще до начала контрнаступления наших войск под Москвой, а вернее, перед самым началом Великой Отечественной войны, советской разведкой была проведена

секретнейшая операция «Снег», ставшая одним из ее шедевров. О ней знали только пять человек: Сталин, Берия, Фитин — руководитель внешней разведки и исполнители, его подчиненные Ахмеров и Павлов — сотрудники НКВД. Замысел операции был четким и далеко идущим — максимально воспользоваться сложными отношениями Японии с Соединенными Штатами и тем самым обезопасить Советский Союз от нападения с Востока.

Через свои связи наша разведка вышла на антифашистски настроенного заместителя министра финансов США Гарри Декстера Уайта (в переводе с анг. «белый», а отсюда и название операции — «Снег»), который имел влияние не только на своего непосредственного шефа Моргентау, но и на Президента Рузвельта.

И как результат — осенью 1941 года США начали переговоры с Японией. Американскую сторону представлял госсекретарь Хэлл, японскую — премьер-министр Коноэ. После консультаций с Рузвельтом Хэлл выдвинул требования, чтобы Япония вывела свои войска со всей материковой Азии — «ультиматум Хэлл а».

26 ноября того же года японскому послу в США адмиралу Номуре снова напомнили об ультиматуме. Японцы отвергли требования американцев, но, как известно, 7 декабря напали на Пёрл-Харбор и сразу же после этого вручили Хэллу заявление с объявлением войны США. Опасность нападения Японии на СССР теперь с достаточно большой степенью вероятности исключалась.

Вот откуда в голове у Сталина созрело смелое решение — отозвать с Дальнего Востока десятки дивизий, которые в народе названы «сибирскими», на помощь Москве.

Все это заслуги не вождя, а наших прекрасных разведчиков, о героических делах которых так мало мы знаем…

★ ★ ★

В декабре 1941 года в Стране восходящего солнца с ликованием встретили весть о выводе из строя в Пёрл-Харборе восьми американских линкоров — практически всего линейного флота США на Тихом океане. Но рано радовались японцы. Вскоре американские шифровальщики сумели декодировать японские шифрограммы, чем помогли военно-морским силам США нанести сокрушительное поражение Имперскому флоту под командованием адмирала Исороку Ямамото. И вот тут заговорил у японцев дух самурайства. Адмирал Ониси в разговоре с командующим 1-м воздушным флотом генералом Рикихеи Иногучи изложил свой «национальный» план борьбы с

американцами. В частности, он заметил:

«Как вы знаете, сложившаяся военная ситуация крайне серьезна. Было подтверждено появление американских военно-морских сил в заливе Лейте… Наши сухопутные силы уже передислоцируются… Мы должны нанести серьезный удар по авианосцам врага и нейтрализовать их как минимум на одну неделю. По моему мнению, имеется только один путь максимально эффективного использования воздушных сил, имеющихся в нашем распоряжении. Необходимо организовать группы самоубийц для управления истребителями с 250-килограммовыми бомбами на борту с целью пикирования на американские авианосцы…»

Это был отчаянный план, ведь шел уже 1944 год, год коренного перелома войны за тысячи километров отсюда — на Западе. Германия шла к своему поражению.

И вот 25 октября 1944 года в 7.25 девять японских самолетов поднялись с аэродрома Мабалакат и взяли курс на восток, в безграничные просторы Тихого океана. Люди в самолетах жаждали отдать свои жизни за адмирала Ониси и императора Хирохито. На их шеях были повязаны белые шарфы. Их шлемы, тщательно подогнанные по голове, практически скрывали белую ткань, обернутую вокруг лба каждого пилота. Это были хашимаки — куски ткани, которые носили сотни лет назад воины-самураи феодальной Японии для того, чтобы они впитывали пот, а волосы не попадали в глаза. Перед полетом все они написали прощальные письма своим семьям.

Именно в 1944 году белая ткань стала отличительной эмблемой Специального корпуса нападения — камикадзе. Но этот акт отчаяния не мог спасти японское воинство. Так, в борьбе за Окинаву мощный поршень янки стал выдавливать из траншей яростно обороняющихся японцев, загоняя их в пещеры. Но и там солдаты императора отвечали огнем на огонь противника.

Со слов адмирала-чекиста Ивана Пантелеевича Рыдченко, служившего на Тихоокеанском флоте, японцы не хотели сдаваться, дрались отчаянно. Так, одна из пещер была превращена в госпиталь для трех сотен раненых японских пехотинцев. С ними был адмирал Ота, который, боясь атаки американских войск, применявших огнеметы, приказал армейскому врачу умертвить всех раненых путем впрыскивания яда. Все до одного японцы охотно подставляли руки под иглы шприца, наполненного смертью.

В другой пещере во время боевых действий генералы Усидзима и Чо решили поужинать. После обильного чревоугодия они произнесли последний тост: «Да здравствует император!» —

и, когда взошла луна, вышли со своими адъютантами из пещеры. Около выхода на матрасах было расстелено одеяло. Усидзима сел и стал молиться, потом взял у адъютанта короткий меч и распорол себе живот. Адъютант тут же подхватил холодное оружие своего шефа и отсек ему голову. Генерал Чо через несколько секунд умер такой же смертью.

Вот так проходила битва за Окинаву, на земле которой погибло более 12 тысяч американцев и было убито около 100 тысяч японцев.

Потом проводилась операция под кодовым названием «Митингхаус» — «Место встречи» с разрушительными атаками американских бомбардировщиков B-29, которые японцы считали устрашающим оружием. Цель — уничтожить военную промышленность на Японских островах, а главное, в северо-восточном секторе Токио.

Так что это был за бомбардировщик?

Словно покрытый серебром самолет, построенный корпорацией «Боинг», с четырьмя двигателями составлял 30 метров в длину, 8 с половиной метров в высоту и имел размах крыльев чуть более 43 метров. Вооружение на борту состояло из двенадцати пулеметов калибра 12,7 миллиметра и 20-миллиметровой пушки в хвостовой части. B-29 мог набрать высоту 11,5 километра, скорость — 600 километров в час с дальностью полета 6500 километров и бомбовой нагрузкой в 9 тонн.

Вечером 25 марта 1945 года 1300 моторов вспороли тишину наступившей ночи — 325 огромных B-29, как кондоры-великаны, тяжело отрывались от взлетной полосы из-за максимального боекомплекта с места стоянки и лениво взмывали друг за другом в чернильное небо.

Практически только один этот рейд обеспечил экономический коллапс Японии. Большинство заводов, находящихся в японской столице, превратились в пепелище. Люди от ужаса сходили с ума. Но апокалипсис для японцев был впереди, после сброшенных в утренние часы с бомбардировщиков B-29 двух атомных бомб — «Малыша» на Хиросиму 5 августа с самолета «Энола Гей» и «Толстяка» на Нагасаки 9 августа с самолета «Машина Бока».

Вот как описывал картину атомного взрыва черного в прямом и переносном смысле «Толстяка» (с внешними параметрами: три метра двадцать пять сантиметров в длину и полтора метра в диаметре) в Нагасаки английский историк и публицист Уильям Крейг:

«Толстяк» взорвался над северо-западной, промышленной

частью города — местом расположения военных заводов и плотной жилой застройки на высоте 475 метров. В момент взрыва возникла интенсивная бело-голубая вспышка, как при взрыве большого количества магния… Одновременно распространялся ужасный грохот, сокрушительная ударная волна и обжигающее температурное поле… Грибообразное облако в Нагасаки разносилось ветром, и картина, открывавшаяся под ним, становилась все более ужасающей.

Большая часть города была охвачена огнем. Целые толпы беженцев пытались вырваться из этого ада. Деревья вырывало с корнем. Волосы опалены либо выжжены вовсе, люди жалобно стонали от черных раздувшихся ожогов. Одних непрерывно рвало, другие жестоко страдали от диареи. С наступлением темноты добровольцы в свете пожаров стали собирать трупы. Тела складывали штабелями».

Вскоре Токио был оккупирован. Всего лишь через тридцать дней после атомной бомбардировки Нагасаки военнослужащие 1-й кавалерийской дивизии США патрулировали улицы столицы.

★★★

Эхо Второй мировой войны, а для нас, граждан вчерашнего Советского Союза, — Великой Отечественной войны, — перекочевало с Запада на Восток и отозвалось в боевых действиях с сателлитом фашистской Германии — милитаристской Японией.

В начале августа 1945 года советские войска, сосредоточенные на Дальнем Востоке, завершали подготовку к выполнению договоренностей с союзниками. Союзные стороны в лице лидеров СССР, США и Великобритании на Ялтинской конференции решили окончательно добить последнего воюющего сателлита Германии.

Каждый из тройки — Сталин, Рузвельт и Черчилль — полагал, что «Карфаген должен был обязательно разрушен», так как миллионная группировка японских войск, оккупировавших Маньчжурию (с учетом частей в Корее, Китае, на Курилах и Южном Сахалине), стояла у наших дальневосточных границ. Несмотря на то что вышколенная Квантунская армия оставалась в местах постоянной дислокации и особо не проявляла активности, но исключать возможность неожиданного удара со стороны японцев было нельзя.

Кроме того, ее спецслужбы вели активную разведывательную, диверсионную и террористическую деятельность. Что же касалось союзников, то американцы не могли простить японцам их

коварства и своего позора — внезапного уничтожения Тихоокеанского флота в Пёрл-Харборе. А британцы и голландцы — потопленных надводных кораблей и нескольких субмарин.

Вместе с тем японская военщина готовилась к «континентальному прыжку» в рамках военно-стратегического плана под кодовым названием «Теория спелой хурмы». Жестокость японских правоохранителей общеизвестна. Считается, что самые страшные концлагеря — японские. Человеконенавистнические опыты над советскими военнопленными, широко применяемая практика жутких казней, когда за попытку бегства практиковалось отрубание головы самурайским мечом.

А чего стоил в своем изуверстве отряд № 731 под руководством «доктора» Сиро Исии?! Это в нем при режиме строжайшей секретности размножались штаммы разных инфекционных болезней и вынашивались конкретные планы бактериологической войны против СССР.

Отряд располагался с 1936 года на территории шести квадратных километров в почти 150 зданиях и строениях около деревни Пинфан к юго-востоку от Харбина. Его разместили в Китае, а не в Японии по нескольким причинам. Во-первых, из-за режимных соображений. Во-вторых, из-за опасности заражения своих сограждан в случае ЧП. В-третьих, в Китае всегда под рукой были «бревна» — материал для испытания (китайские пленные, корейцы, американцы, россияне — из числа белоэмигрантов, живших в Харбине, и советские военнопленные). Подопытный материал должен быть абсолютно здоровым. А потому жертв усиленно подкармливали, а потом испытывали на них различные штаммы инфекционных болезней. «Фавориткой» у Исии была чума, с выведенной им чумной бактерией, которая по вирулентности в 60 раз превосходила обычную болезнь этой формы. Зараженного человека заживо, без анестезии, препарировали, вытаскивая органы и наблюдая, как болезнь распространяется внутри — таким больным сохраняли жизнь и не зашивали их целыми днями.

Испытывали людей на выживаемость после отравления и заражения цианистым водородом, ипритом, чумными блохами и мухами. При борьбе с китайскими партизанами сотрудники отряда заражали колодцы с питьевой водой штаммами брюшного тифа. Убедившись в эффективности биооружия, Токио разрабатывал планы применения его против США и СССР. С боеприпасами проблем не было. После того как наши войска захватили лагерь, специалисты вздрогнули от ужаса: к концу войны в запасниках «отряда 731» накопилось столько бактерий,

что если бы они были рассеяны по земному шару, то этого было бы достаточно, чтобы уничтожить все человечество.

Разрабатываемым планом «Вишня расцветает ночью» японцы планировали атаковать американцев на их территории. Каким же путем? Путем доставки к побережью США двух-трех легкомоторных самолетов подводными лодками с целью распыления над Сан-Диего инфицированных чумой мух.

По показаниям пленных, сотрудники отряда для определения возможностей человека сопротивляться обморожению испытуемого заставляли опускать руки или ноги в бочку с холодной водой, а потом ставили под искусственный ветер до тех пор, пока конечности не получали обморожение. Определяли «кондицию» палочкой, стуча по обмороженному участку — он должен был издавать звук как при ударе о деревяшку.

Для нужд ВВС Японии проводились эксперименты в барокамерах. Вот признание одного из офицеров «отряда 731»: «В вакуумную барокамеру поместили подопытного и стали постепенно откачивать воздух. По мере того, как разница между наружным давлением и давлением во внутренних органах увеличивалась, у него сначала вылезли глаза, потом лицо распухло до размеров большого мяча, кровеносные сосуды вздулись, как змеи, а кишечник, как живой, стал выползать наружу. Наконец человек просто заживо взорвался».

Так японские врачи-палачи определяли допустимый высотный потолок для своих летчиков. Для выяснения наиболее эффективного лечения боевых ранений людей взрывали гранатами, расстреливали, поджигали из огнеметов.

Отмечались элементы и такого «любопытства»: у подопытных вырезали из живого тела отдельные органы, отрезали руки и ноги и пришивали назад, меняя местами правые и левые конечности, вливали в человеческое тело кровь лошадей или обезьян, ставили под мощный поток рентгеновского излучения, оставляли без еды или без воды, ошпаривали различные части тела кипятком, тестировали на чувствительность к электротоку, заполняли легкие человека большим количеством газа или дыма, вводили в желудок живого человека гниющие куски мяса.

После таких экспериментов покалеченные люди шли на дальнейшие опыты в газовые камеры, а внутренние органы после вскрытий поступали в распоряжение микробиологов. Всего за время существования «отряда 731», только по установленным данным, погибло более 3000 человек. Конец существования лагеря положили воины Красной Армии.

9 августа 1945 года советские войска начали победоносное наступление против японской армии, и «отряду» было приказано

«действовать по собственному усмотрению». 10–11 августа японцы стали жечь документы исследований и аппаратуру лабораторий. От оставшихся в живых «бревен» решили избавиться — их отравили газом, а потом сожгли. Многие важные документы и слайды злой гений отряда Сиро Исии передал американцам, которые свою программу развития биологического оружия начали лишь в 1943 году. Враги стали друзьями, так, дали возможность преступнику безбедно жить в Японии до 1959 года, когда он умер от рака. И это на фоне жестокой казни «отрядовцами» пленных военных летчиков США со сбитых бомбардировщиков В-29. Им мечами отрубали руки, вспарывали животы, а потом обезглавливали.

А как не вспомнить партизана Лазо в годы Гражданской войны, сожженного японцами в топке паровоза.

Таков был наш враг на Дальнем Востоке.

★★★

Огромный объем работы, как накануне Великой Отечественной войны, так и в последующем на советско-японском фронте, провели военные контрразведчики, в том числе ставшие сотрудниками СМЕРШа, Тихоокеанского флота (ТОФ). С началом войны обстановка была опасна не только на западе страны, но и на востоке. Расчеты, сделанные стратегами в Генштабе ВС СССР, показали, что японская армия и флот могут довольно быстро сломить сопротивление сухопутных частей Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, надводных, подводных сил и береговой обороны ТОФ и захватить значительную часть территории Приморского и Хабаровского краев.

Японская разведка работала тонко и дерзко. Контрразведке СМЕРШ длительное время не удавалось найти нить в разведцентры Страны восходящего солнца. Не случайно руководство СМЕРШа самокритично оценивало свою работу и доносило в Центр: «Как в первом полугодии 1943 года, так и во втором мы не добились серьезных оперативных успехов, не сумели вскрыть и разоблачить ни одного агента японской разведки…

Нами выявлено и учтено в частях и учреждениях Флота 258 человек, которые по своему социально-политическому прошлому и связям могут служить наиболее вероятными кадрами для японской разведки… Разрабатывалось в этом направлении 49 человек, из них 14 — по делам-формулярам, а 35 — по учетным

делам…»

С другой стороны, были и очевидные оперативные удачи. Органы военной контрразведки Тихоокеанского флота, зная о существовании на территории Маньчжурии специальных подразделений Квантунской армии, которые в обстановке глубокой секретности разрабатывали способы применения против СССР бактериологического оружия, делали все возможное для контроля за лицами, имевшими отношение к работе с бактериологическими культурами. Их выявляли, с ними работали…

Большую деятельность флотские чекисты проводили по осиному гнезду шпионажа — Генеральному консульству Японии во Владивостоке, а также дипкурьерам из Токио в Москву и обратно. Они вели фото-, радио- и визуальную разведку. Как правило, «дипломаты» являлись сотрудниками или работали на 2-е управление Генштаба Японии, 3-й отдел Главного морского штаба, разведотдел штаба Квантунской армии, русский отдел Исследовательского бюро Южно-Маньчжурской железной дороги.

Из воспоминаний кадрового японского разведчика Асаи Исаму:

«Мы, сменяя друг друга, считали стыки рельс, чтобы на отдельных участках установить точное расстояние. В других случаях, отвлекая внимание сотрудников НКВД, фотографировали различные военные объекты, мосты и тоннели…»

По рассказам контр-адмирала И.П. Рыдченко, с которым довелось автору этих строк служить в Прикарпатском военном округе, японцы были охочи до фотографирования с борта торговых, почтовых и пассажирских пароходов. Тогда по решению военной контрразведки флота вход в бухту Улисс, где базировались подводные лодки, при проходе таких судов перекрывали специальными баржами, на которых были установлены брезентовые щиты высотой до десяти метров. Японцы были мастерами выведывания «пьяной информации», спаивали наших военнослужащих, добавляя в спиртное специальные препараты, расслабляющие волю.

Докучали военной контрразведке агенты-двойники из числа аборигенов — китайцев, корейцев и японцев. Некоторые служители «плаща и кинжала», чтобы больше заработать, умудрялись подставлять себя для перевербовки то советской, то японской стороне до десяти раз. Японские руководители спецслужб считали за правило тезис: «Надо добиваться использования агентуры противника против самого противника», требуя у подчиненных выполнения этого требования.

★ ★ ★

Во время учебы автора в ВШ КГБ при СМ СССР, в середине шестидесятых, перед слушателями выступал участник Великой Отечественной войны Павел Крамар.

Пройдя все ступени оперативной работы, он стал руководителем Особого отдела КГБ по Белорусскому военному округу. В своих воспоминаниях чекист делился особенностями работы военных контрразведчиков на Дальневосточном театре военных действий (ТВД) против японских спецслужб, в частности разведывательных органов Квантунской армии. В деталях он останавливался на проведенных, и с его участием, операциях в ходе использования оперативных групп для розыска и ареста агентов-двойников и военных преступников.

Японская Квантунская армия помимо войсковой разведки и контрразведки располагала широко разветвленной территориальной сетью добывающих органов в лице так называемой Японской военной миссии (ЯВМ). Для проведения диверсионных и террористических актов она имела специальные отряды «Асано».

Однажды, это было в августе 1945 года, руководство Отдела контрразведки СМЕРШ 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии приняло решение вместе с наступающими войсками войти в город Лишучжень, захватить помещения дислоцированной там ЯВМ, организовать розыск вражеской агентуры и офицеров миссии.

Павел Крамер рассказывал:

— Начальник Отдела полковник Михаил Абрамов возглавить группу поручил мне, в ту пору капитану, заместителю начальника отделения. В состав группы были включены оперуполномоченный — специалист по розыску старший лейтенант Николай Тимофеев, два автоматчика и водитель.

— Как вы попали в город Лишучжень, где находилась штаб-квартира Японской военной миссии? — спросил один из слушателей.

— В этом городе мы оказались, как говорится, на броне — с войсками 257-й танковой бригады. Воины этой прославленной части 11 августа 1945 года быстро выбили неприятеля из города и продолжали дальше теснить японцев. А мы остались в городе для выполнения своей задачи.

— А как происходил сам процесс розыска? — последовал очередной вопрос.

— Дело в том, что у нас имелись списки вражеских разведчиков и их агентуры из числа китайцев, корейцев, японцев

и русских эмигрантов из числа белогвардейцев. Китайцы и русские эмигранты к нам относились с уважением и встречали советские войска с красными флажками и возгласами «шанго», что обозначало — «хорошо», «рады встрече», «прекрасно». Здание ЯВМ находилось, как сейчас помню, на окраине города. Когда мы вошли в один из кабинетов, то стало ясно — японцы покинули помещение недавно, явно спешили. На столах валялись бумаги, в шкафах висело обмундирование и цивильная одежда, в углу стоял несгораемый шкаф. Один из наших автоматчиков исполнил роль «медвежатника» — вскрыл сейф. Там оказались списки тридцати японских пособников. Читая один из документов, мы обратили внимание на начальника охранного отряда ЯВМ, колчаковского полковника Белянушкина. В ходе опросов и допросов соотечественников нами было установлено, что полковник остался в городе после ухода японцев в качестве резидента. Мы задержали белогвардейца. В кабинете он представился: полковник русской армии Белянушкин. Я его спросил, кто ему присвоил это высокое воинское звание? Ответ был неожиданным — Колчак! При допросе он стал просить о пощаде.

И вот тогда мне вспомнился давний рассказ отца о том, что через их деревню шли отступающие колчаковцы. Они по злобе срочно собрали сочувствующих советской власти крестьян, привязали их к хвостам лошадей и галопом проскакали несколько сот метров. Жертвы, естественно, были растерзаны.

Белянушкин в попытке смягчить свою участь за злодеяния колчаковцев принял вербовочное предложение советского капитана военной контрразведки. Перевербованный резидент японской разведки оказался ценным источником. С его помощью удалось выйти на агентурную сеть противника численностью в 20 человек, оставленных ЯВМ в городе Лишучжене для проведения враждебной деятельности.

— И все же главной задачей для вашей опергруппы, наверное, было найти руководство ЯВМ и ее начальника, знавшего практически весь агентурный аппарат, — поинтересовался один из преподавателей. — Вы его задержали? Если да, то как вышли на матерого разведчика?

— В этом деле помогли китайцы, которые опознали в числе задержанных японцев руководителя местной ЯВМ господина Ясудзава, переодетого в форму японского солдата. Правда, пришлось его еще поискать — «прошерстили» целых три фильтрационных пункта, пока нашли «героя японской драмы». Потом через связи Беля-нушкина вышли на один из охранных отрядов ЯВМ и группу «Асано» — диверсантов, которых склонили

к явке с повинной. Все сделали тихо, не зря существует оперативный афоризм: «Там, где начинается стрельба, заканчивается контрразведка!»

— А где допрашивали Ясудзаву и как он вел себя? — задал вопрос кто-то из слушателей.

— Основную работу проводили в его же лишучжен-ском кабинете. А что касается поведения, то что ему оставалась делать, как не признаваться. Правда, вначале пыжился, на вопросы не отвечал, повторяя весь час одну и ту же фразу: «Надо достойно умереть! Японцы это умеют!» А потом «поплыл» и стал сдавать свою агентуру. Через двое суток нами было арестовано по наводке Ясудзавы более полсотни человек, сотрудничавших с японской разведкой против РККА.

★★★

Согласно данным, опубликованным в разное время в открытых источниках — отечественной литературе и Интернете, в 1941–1945 годах наибольшую опасность для ТОФ представляли спецслужбы Японии. Характером их деятельности интересовался в первую очередь Разведывательный отдел (РО) штаба ТОФ. Но именно эта линия работы военных разведчиков вызывала большое беспокойство у командования и военных контрразведчиков флота. В обобщенных аналитических справках указывались следующие недостатки: низкий уровень кадрового состава, поверхностная, а потому неудовлетворительная подготовка агентуры, проблемы не только с качеством негласных источников, но и их количеством, отчего страдала работоспособность агентурной сети, высокая степень засоренности агентуры, большое количество двойных агентов.

Военные разведчики воспринимали критику в свой адрес без обид. Так, заместитель начальника РО по информации штаба ТОФ К.В. Денисов, служивший на этой должности с 1938 по 1943 год, вспоминал: «Анализ результатов боевых действий ТОФ в период хасанских событий показал, что нашего столь агрессивного соседа — Японию мы знали еще очень слабо. Информации о военном, морском, воздушном и других видах ее вооруженных сил и об их потенциалах у нас была еще в зачаточном состоянии. А возможности оформления технической информации о состоянии и направлении развития вооруженных сил, и в частности ВМС Японии, находились на уровне XIX века: еженедельные разведсводки для командования соединений и частей флота докладывались устно начальником отделения

информации (а спустя некоторое время — дежурными офицерами разведотдела) и затем размножались ротапринтом».

Засоренность агентурной сети Разведывательного отдела штаба ТОФ, особенно агентами-двойниками, была такова, что военная контрразведка была вынуждена предпринять соответствующие меры. В рамках борьбы с этой напастью в 1943 году армейскими чекистами было заведено агентурное дело под кодовым названием «Черная переправа». Так, анализ работы агентурной группы РО ТОФ в г. Посьете, состоящей из четырех негласных сотрудников, которую возглавлял кореец «Агай», кстати, награжденный за «хорошую работу» в 1939 году орденом Красная Звезда, показал, что приобретенные им три агента являются агентами-двойниками.

Через год, в 1944 году, РО ТОФ вербует еще трех агентов и направляет их в Северную Корею. После возвращения их из-за кордона выяснилось, что все они были перевербованы японской разведкой. Отмечались признаки работы агентов-двойников в городах Пусане, Дайрене, Гензане, Дзенсене, Тойко и др. Характерными особенностями их «работы» были: трудно поддающиеся расшифровке радиограммы с объяснениями неисправности радиоаппаратуры, тяжело проверяемая информация, незначительная ее глубина и просьбы прислать деньги и новые указания или задания на разведку.

Так, арестованный Отделом контрразведки СМЕРШ Гензанской ВМБ агент РО ТОФ Л ян Е Хан, перевербованный японцами, вплоть до 5 августа 1945 года передал 26 радиотелеграмм дезинформации. «Работая» агентом-двойником, он получал от японцев «жалованье» в размере 200 иен в месяц, военные разведчики ТОФ тоже платили ему за «услуги». Таких примеров было множество. Поэтому с начала боевых действий, как уже упоминалось, были сформированы и направлены на территорию Кореи, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильских островов оперативные группы (ОГ) для разоблачения японской агентуры и поимки сотрудников спецслужб противника.

31 августа 1945 года Отдел контрразведки СМЕРШ ТОФ адресовал начальникам отделов и ОГ директиву, в которой говорилось: «Анализ первых дней работы оперативных групп и отделов, находящихся на территории противника, занятой нашими войсками, показывает, что некоторые органы, видимо, не знают структуру японских разведывательных органов и их линий подрывной деятельности против СССР, поэтому проводят работу только по линии задержания сотрудников полиции, работая над которыми ничего ценного для нас не достигают.

В связи с этим для ориентировки и руководства в работе

кратко разъясняю структуру японских разведывательных органов…»

Дальше в директиве описывались структурные звенья японских спецслужб и перечислялись конкретные примеры почерка в деятельности их агентуры.

Оперативный состав флота продолжал фиксировать активизацию японской разведки и спецслужб других стран и их ухищрения. Поэтому 6 декабря 1945 года начальник Отдела военной контрразведки СМЕРШ ТОФ генерал-майор Мезленко Д.П. подписывает новую директиву с обобщением полученных материалов. В ней говорилось, что, согласно ориентировке Управления контрразведки НКВМФ СМЕРШ, разведывательные органы иностранных государств для переброски своей агентуры в целях шпионажа как на территории Советского Союза, так и на территории других государств, где дислоцируются части Красной Армии и Военно-Морского флота, используют благоприятные для этой цели возможности передвижения по дорогам на автомобильном и гужевом транспорте.

По полученным данным, водители автомашин, принадлежащих флотам, флотилиям и управлению тыла Военно-Морского флота, а также работники связи, особенно частей, находящихся на территории Германии, Польши, Румынии, Болгарии, Австрии, Венгрии, Маньчжурии и других, совершенно свободно за соответствующее вознаграждение провозят на своих машинах через границы любого гражданина или гражданку, в том числе различного рода спекулянтов, явно сомнительных лиц, а среди них могут быть и, несомненно, есть шпионы.

Далее директива применительно к условиям Тихоокеанского флота конкретно указывала пути проникновения вражеской агентуры:

— по грунтовым дорогам со стороны Кореи и Маньчжурии;

— на транспортах и кораблях флота из портов Кореи, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильских островов;

— агентура американской и других разведок через демаркационную линию в Корее в пункты дислокации частей ТОФ;

— используя физическую маскировку, агентура японской разведки из числа японцев, корейцев и китайцев может проникать в северные районы Дальнего Востока под видом других национальностей;

— переход через границу скрытно, а затем продвижение в глубь нашей территории автотранспортом и другими средствами.

Далее директива предлагала в целях предотвращения проникновения агентуры иностранных разведок на территорию

СССР ряд действенных мер. Они были использованы сотрудниками СМЕРШа и приносили реальную отдачу.

С августа 1945-го по январь 1946 года оперативными сотрудниками ОКР СМЕРШ ТОФ только в Корее было задержано и проверено 1695 человек, из них 62 арестовано, 62 передано органам СМЕРШ НКО и 33 — органам НКГБ СССР.

Так, осенью 1946 года флотскими чекистами МГБ Гензанской военно-морской базы была арестована группа в количестве десяти человек военных разведчиков корейской армии, которая называлась «Кван Пок Кун», созданная в Китае корейским реакционным правительством Ким Ку. Все члены этой группы прошли основательную разведывательную подготовку и направлялись в Северную Корею для ведения шпионской деятельности против частей Советской армии и Флота и для сбора сведений о военно-политическом и социально-экономическом положении в Северной Корее. В ходе следствия все задержанные признали себя виновными.

Военными контрразведчиками в течение 1946 года были задержаны и арестованы десятки агентов временного корейского правительства в Сеуле, которые вели разведывательную деятельность на территории Северной Кореи против советских воинских частей в пользу американского разведоргана при Военно-политическом управлении США в Сеуле. Американцы активно использовали различные земляческие и особенно молодежные организации Кореи — «Союз молодежи Северной Кореи и Маньчжурии», «Союз молодежи по ускорению установления независимости Кореи» и другие. Под видом активистов этих организаций они проникали на нашу территорию и вели разведывательную деятельность против Советской армии и Флота, а также армии Народно-демократической Кореи. Они собирали данные о политико-экономическом положении страны и пытались создавать подпольные формирования для борьбы с противником, каким для них являлся Советский Союз и его армия.

В начале 1947 года военными контрразведчиками завершилась одна из оперативных разработок — в городе Сейсине была вскрыта подпольная группа во главе с корейцем Ли Гван Уком. На следствии было установлено, что арестованные члены этой глубоко законспирированной группы занимались сбором шпионской информации по штабам, подразделениям и частям советских войск в Корее.

Весной того же года была арестована группа агентов разведки правительства Ким Ку. При аресте у членов группы были обнаружены улики — разведывательные донесения на имя

начальника «Северо-восточного представительства» в Мукдене Ким Ин Сека и руководителя его отделения в городе Инькоу Ким Гук Пона.

В течение 1946–1947 годов военными контрразведчиками велась оперативная разработка под кодовым названием «Сеульцы». Фигурантами ее были корейские граждане Юн Тхя Гвон, Ли Мен Хва, Ким Сен Ук, Цой Дон Ин, Ли До Бяк и другие, которые занимались сбором разведданных по советским вооруженным силам в Корее и корейской мотострелковой дивизии, дислоцированной в городе Ранане. Собранную информацию они передавали руководителю уже упоминаемого «Союза молодежи по ускорению установления независимости Кореи» Хан Чель Мину.

В это же время чекисты ТОФ вышли на сотрудника одной из миссий США. В его поведении отмечались подозрительные признаки, указывающие на сбор разведывательной информации. После собранных улик он был арестован в городе Гензане — пойман, как говорится, с поличным. Американский шпион долго не запирался и сразу же дал следствию признательные показания. Оперативные работники нашли достаточно веских материалов, уличающих его в преступной деятельности.

Как уже отмечалось, наши войска стояли в Порт-Артуре, поэтому повышенный интерес к ним проявляли, кроме японских разведывательных органов, спецслужбы Китая. Второй отдел МГБ Гоминьдана (Гофанбу) буквально навалился на советские гарнизоны с целью отслеживания оперативной обстановки. Отделом контрразведки СМЕРШ Порт-Артурской ВМБ были получены объективные данные о том, что, кроме спецслужб, разведкой против частей Красной Армии занималась группа связи во главе с генералом Ма Де Ляном, дислоцированная в Мукдене, а также отделы партийных организаций Гоминьдана, агенты которых перебрасывались через границу под видом бизнесменов, коммерсантов, купцов и прочего торгового люда.

В августе 1947 года органами военной контрразведки были задержаны и арестованы агенты китайской разведки Гян Дзи Вен, Ван Го Чин, Дзян Шу Тин. Флотскими чекистами было установлено, что Гян Дзи Вен являлся официальным сотрудником информационного отдела 2-го управления северо-восточного административно-политического органа в Мукдене.

Следствием было установлено, что в конце 1946 года Гян Дзи Вен по приказу начальника информационного отдела МГБ Гоминьдана в Нанкине дважды нелегально выезжал в город Дальний с разведывательными заданиями. В марте 1947 года он встречался с начальником 2-го управления 2-го департамента

МГБ Гоминьдана генералом Ляном, который назначил своего агента резидентом в Дальнем. И уже в апреле того же года Гян Дзи Вен был заброшен вместе с радистом в Дальний, где осуществил вербовку для своей резидентуры четырех агентов из числа китайцев.

А вот второй пример — отделом контрразведки СМЕРШ Порт-Артурской ВМБ изучался китаец Сунн Хин Хо, который путем подкупа: через подарки, услуги, подачки, спаивания, организаций «медовых ловушек» — подстав женщин легкого поведения заводил связи с военнослужащими, в основном с офицерами, и поддерживал контакты с японцами. В ходе агентурно-оперативных мероприятий было выяснено, что он собирает режимную информацию об укрепрайонах, оборонительных сооружениях, командном составе наших воинских частей, дислоцированных в Порт-Артуре, Дальнем и других гарнизонах…

«Надо отметить, что военная контрразведка флота много сделала в войне с Японией в 1945 году, — писал Валентин Кодачигов, — и полностью выполнила поставленные перед ней задачи по разгрому агентурной сети японских спецслужб на территории Кореи и Маньчжурии».

Было разыскано и задержано свыше 500 сотрудников и агентов японской разведки, контрразведки и жандармерии. Были проведены операции по захвату архивов различных спецслужб Японии. Благодаря успешной деятельности контрразведки СМЕРШ удалось решить главную задачу — разгромить органы японских специальных; служб, которые в течение многих лет занимались организацией и осуществлением подрывной деятельности против нашей страны.

* * *

Что касается боевых действий, то к началу наступления советских войск общая численность стратегической группировки Сухопутных войск Японии, располагавшихся на территории Маньчжурии, Кореи, на Южном Сахалине и Курильских островах, составляла 1,2 миллиона человек со 1200 танками, 5400 орудиями и 1800 самолетами.

Заинтересованность союзников в участии СССР в окончательном разгроме милитаристской Японии сохранялась до конца войны. Об этом просили Сталина Рузвельт, Трумэн и Черчилль. Сталин выполнил обещание, данное на Ялтинской конференции президенту США Франклину Рузвельту о том, что через три месяца он начнет боевые действия. И он сдержал свое

слово.

Главнокомандующий американскими войсками в южной части Тихого океана генерал Макартур, оценивая трудности завершающей фазы борьбы против Японии, заявлял, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военных действий в Маньчжурии».

Новый президент США Трумэн вторил ему:

«Я очень озабочен тем, чтобы Советский Союз как можно скорее вступил в войну против Японии, с тем чтобы ускорить ее окончание и тем самым спасти бесчисленное количество жизней американцев и китайцев».

Только о наших людях он не сказал даже полслова.

По данным нашей разведки, подтвержденным архивными материалами после разгрома Страны восходящего солнца, японское руководство готовило реальное нападение на СССР 29 августа 1941 года, когда вермахт победоносно осуществлял свою агрессивную программу «блицкрига». Однако Сталин, несмотря на неудачи первых месяцев войны, продолжал держать на Дальнем Востоке в полной боевой готовности несколько десятков дивизий, что отрезвляюще подействовало на политический истеблишмент. Властная верхушка общества, да и военные круги понимали, что вторым врагом для них будут США, которые располагали большими силами.

Конечно, военно-политические круги Японии ожидали еще и результатов войны на Восточном фронте, но когда вермахт потерпел фиаско под Москвой, пришли к опрометчивому решению — надо сначала расправиться с Тихоокеанским флотом США, а потом взяться за СССР.

Для разгрома Квантунской армии в мае — июне 1945 года советское командование к 40 дивизиям, имевшимся на Дальнем Востоке, дополнительно перебросило 27 стрелковых дивизий, 7 стрелковых и танковых бригад, один танковый и два механизированных корпуса.

С разгромом Германии ситуация в мире развивалась почти по поговорке: конец одного дела — это начало другого.

8 августа японскому послу в Москве Н. Сато было сделано мотивированное заявление Советского правительства о том, что с 9-го числа СССР считает себя в состоянии войны с Японией.

«ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЯПОНИИ

8 августа 1945 г.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все

еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем самым сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

На бледном, почти что мраморном лице посла заходили желваки. Потом оно начало краснеть. Глаза тоже налились кровью. Он тяжело вздохнул, так как прекрасно понимал момент истины с неизбежностью этого шага Советской стороны.

— Хорошо, я передам текст этого заявления в Токио, — заскрипел Сато и передернулся. Он тут же покинул помещение Министерства иностранных дел СССР.

В этот же день на Дальнем Востоке объявили военное положение.

Вот как оценивал ситуацию на Дальнем Востоке хорошо знавший эту военную и решаемую с позиций Генерального Штаба ВС СССР проблему генерал армии С.М. Штеменко:

«Генеральный штаб пристально следил за недобрым поведением соседа. Восточный партнер Гитлера по оси Берлин — Рим — Токио интересовал нас не только как источник непосредственной военной опасности для СССР. «Японская проблема» имела и другое значение: она прямо связывалась с задачей сокращения продолжительности Второй мировой войны. Этого требовало истекающее кровью человечество. Без разгрома

империалистической Японии мир на земле немыслим. Наконец, необходимо помочь народам Азии, и в первую очередь Китая, сбросить ярмо иностранного ига».

Решением Государственного Комитета обороны (ГКО) главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, включавшими в себя три фронтовых объединения — Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточный фронты, был назначен маршал А.М. Василевский. Он выступал в роли генерал-полковника Васильева.

Военные действия начались 9 августа 1945 года. В 00 часов 10 минут по местному времени на Забайкальском фронте на территорию противника начали вклиниваться наши передовые отряды. А через четыре с половиной часа выступили и главные силы, сначала не встречая на своем пути почти никакого сопротивления.

Войска 1 — го и 2-го Дальневосточного фронтов пересекли государственную границу в час ночи.

Корабли Краснознаменной Амурской флотилии вошли в устье Сунгари и завязали бой в укрепленном районе японцев. Торпедные катера на Тихом океане произвели первые атаки кораблей противника.

Авиация, в свою очередь, наносила удары по японским войскам и другим военным объектам.

Начало войны было успешным.

★★★

Три фронта возглавляли: Забайкальский — маршал Р.Я. Малиновский, выступавший в роли генерал-полковника Морозова, 1-й и 2-й Дальневосточный фронты соответственно — маршал К.А. Мерецков — в роли генерал-полковника Максимова и генерал армии М.А. Пуркаев.

Силами Тихоокеанского флота командовал адмирал И.С. Юмашев, Северной Тихоокеанской флотилией — контр-адмирал В.А. Андреев, а Краснознаменной Амурской флотилией — вице-адмирал Н.В. Антонов.

Руководство военно-воздушными силами осуществлял главный маршал авиации А.А. Новиков.

Надо отметить, что в подразделениях и частях фронтов на Дальнем Востоке против Квантунской армии воевали уже закаленные в жестоких боях с хваленными вояками «непобедимого вермахта» наши солдаты и офицеры, генералы и адмиралы, что называется, люди, аттестованные войной.

«Начиная боевые действия на Дальнем Востоке, — писал командующий 1-м Дальневосточным фронтом, Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, — мы твердо верили в справедливость нашего дела.

В интересах быстрейшего окончания Второй мировой войны, обеспечения безопасности дальневосточных границ и ликвидации очага агрессии в Азии СССР, верный своему союзническому долгу, после отказа Японии капитулировать перед антифашистской коалицией приготовился объявить Японии войну…»

Немного истории той земли, на которой стояла Квантунская армия. В 1898 году Россия арендовала у Китая часть Квантунского полуострова с городами Порт-Артур и Дальний. В 1905 году Япония после поражения России в войне по Портсмутскому миру переняла право аренды. Срок ее истек в 1923 году, но Япония отказалась вернуть Квантунскую область Китаю, а в 1931 году захватила весь Дунбэй (так называют китайцы Маньчжурию). Название «Квантунская армия» распространилось теперь практически на все японские войска в Маньчжурии.

Квантунская армия была атакована на суше, с воздуха и моря. Характеризовать боевые действия не входит в план этого повествования, но сопротивление противника было ожесточенным. Несмотря на 17 мощных, сильно укрепленных районов, в которых насчитывалось более 4500 долговременных многоярусных железобетонных сооружений, с развитой сетью подземного хозяйства, оно было сломлено.

В первый же день нашего наступления ставка японского военного командования отдала Квантунской армии приказ — во что бы то ни стало отбить все атаки противника. Однако расчеты и надежды японцев на то, что главные силы наших войск застрянут в пограничной полосе и будут здесь частично обескровлены, а потом обессиленные втянуты в изнурительные бои для последовательного «прогрызания» укрепрайонов, потерпели провал.

Советские войска за первые шесть дней операции, сломив яростное сопротивление японцев на всех направлениях, быстро преодолели Большой Хинган и другие горные массивы, пересекли степи Внутренней Монголии, форсировали Амур и Уссури и вышли в глубокий тыл Квантунской армии.

Когда утром 9 августа советские войска пересекли границу с Маньчжурией, премьер-министр Японии Суд-зуки воскликнул: «Игра окончена».

А 15 августа к нации обратился император Хирохито — невысокий человек, родившийся в 1901 году. Это было

нарушением традиций, ибо потомок богини солнца Аматерасу с мифом, внушенным ему его советниками, о божественном происхождении его предков еще никогда лично не обращался к японскому народу. Люди никогда не слышали его голос.

И вот без одной минуты в полдень отзвучали последние аккорды японского национального гимна «Кима-гайо», после чего диктор объявил выступление императора. Над страной повисла гробовая тишина. Движение на автодорогах остановилось. Граждане Японии запрокинули головы к громкоговорителям на улицах и площадях, а в домах прильнули к радиорепродукторам и приемникам. Вскоре уставший голос почти детским дискантом произнес:

«Я обращаюсь к моим законопослушным подданным. После долгого размышления над событиями последних дней, складывающимися условиями в нашей стране мы решили стабилизировать ситуацию при помощи экстраординарной меры. Мы отдали приказ нашему правительству связаться с правительствами Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза, чтобы сообщить им о том, что империя принимает условия совместной Декларации.

Достижение всеобщего процветания и счастья всех наций, как и безопасность подданных, является единственным моим обязательством перед великими предками нашей империи. В самом деле, мы объявили войну Америке и Британии вне зависимости от нашего желания обеспечить защиту Японии и стабилизацию в Юго-Восточной Азии. Мы также были далеки от мысли о нарушении суверенитета других государств или о территориальных захватах. Но сейчас война длится уже четыре года. Несмотря на все усилия, приложенные каждым гражданином нашего отечества, и самоотверженность всего стомиллионного народа, никто не может гарантировать победы Японии в этой войне. Более того, общие тенденции современного мира обернулись не в нашу пользу.

Кроме того, противник начал использование нового оружия небывалой мощности. Эта смертоносная бомба причинила непоправимый ущерб нашей земле и унесла тысячи невинных жизней. Если мы продолжим борьбу, это приведет к полному уничтожению японской нации, но и даст старт искоренению всего человечества. В сложившейся ситуации мы обязаны спасти миллионы сограждан и оправдать себя перед святыми духами наших императорских предков…

Мы выражаем свое сожаление всем союзным государствам, которые сотрудничали с Японской империей во время захвата Восточной Азии. Мысль о солдатах и офицерах, павших на полях

сражений и на боевом посту, о безвременно ушедших от нас и их осиротевших семьях наполняет болью наши сердца день и ночь.

Наша первейшая обязанность — забота о пострадавших и раненых, тех, кто потерял свои дома и средства к существованию. Жизнь нашего государства будет полна тягот и лишений. Мы понимаем это, однако в сложившихся условиях нам выпала судьба пройти по тернистому пути к достижению великого мира для всех грядущих поколений. В этих условиях мы должны вынести невыносимое.

Я прошу вас воздержаться от вспышек эмоций, которые могут вызвать ненужные раздоры, ввести других в заблуждение и привести к сумятице в мире.

Объединим наши усилия во имя будущего.

Будьте честными, крепите бодрость духа, трудитесь, чтобы возвысить славу императорского государства и идти в ногу с мировым прогрессом!»

Император говорил архаичным языком, деликатно оправдываясь за поражение своей страны в войне и высказывая соболезнования подданным, многое потерявшим, в том числе и близких людей. Но Хирохито в своем выступлении ничего не сказал о тех злодеяниях, которые совершили солдаты и офицеры — его подданные на чужих территориях, в других странах. Разве о явных преступлениях — фактах элементарного геноцида против китайцев ему ничего не было известно? О таких «мелочах» небожителю военные, наверное, не докладывали. А если об этих фактах он был осведомлен, то почему молчал всю войну и не признался в своей речи? Стыдился или боялся мирового общественного мнения, да и своих трезвомыслящих граждан.

После этого выступления шок охватил Японию. Одни плакали, другие травились и стрелялись, третьи долго еще мстили американским оккупантам.

Уже 19 августа части Квантунской армии капитулировали. Символичный эпизод произошел в Яньцзы. Японский генерал положил свою саблю на гусеницы советского танка. Его примеру последовали и другие военнослужащие. Советскими войсками только в плен было взято более 640 ООО японцев. Военная кампания советских ВС на Дальнем Востоке была победоносно завершена 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», где состоялось подписание Акта о капитуляции Японии.

Нельзя забывать, что скоротечная победа наших войск над Квантунской армией сберегла сотни тысяч человеческих жизней в связи с сокращением сроков боевых действий. По рассказам очевидцев, музы тоже помогали победить. Самой модной, самой

популярной у солдат песней тех дней была песня 30-х годов, обретшая вторую жизнь на полях Маньчжурии со словами:

Стоим на страже всегда, всегда. А если скажет страна труда, — Прицелом точным врагам в упор, Дальневосточная, даешь отпор!

И вот настало время, когда для Страны восходящего солнца с поражением это самое «солнце» стало заходящим. Политика милитаризма потерпела позорное фиаско с захватом противником островов, которого, как считали амбициозные самураи, страна не знала 2600 лет. Надо отметить такую деталь — ни один советский воин в качестве оккупанта не ступал на территорию Японских островов, там находились только американцы.

Военным преступникам надо было отвечать за свои злодеяния. Международный военный трибунал для Дальнего Востока был образован 19 января 1946 года в Токио в результате переговоров между представителями союзных правительств. В Трибунале были представлены 11 государств: СССР, США, Китай, Великобритания, Австралия, Канада, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Индия и Филиппины.

Все участники суда над военными преступниками были преисполнены решимости покарать злодеев. Они понимали, что тот, кто не карает зла, тот способствует, чтобы оно совершалось или совершилось. Или, как говорил Гете, судья, который не способен карать, становится в конце концов сообщником преступника.

В ходе процесса было проведено 818 открытых судебных заседаний и 131 заседание в судейской комнате. Трибунал принял 4356 документальных доказательств и 1194 свидетельских показания, из которых 419 были заслушаны непосредственно Трибуналом.

В обвинительном акте было сформулировано 55 пунктов, содержащих общие обвинения всех подсудимых и виновность каждого в отдельности. Все пункты обвинения были объединены в три группы: преступления против мира, обычаев войны и человечности.

Всего было 28 обвиняемых. Семерых из них приговорили к смертной казни через повешение и казнили 23 декабря 1948 года во дворе тюрьмы Сугамо. Часть умерли естественной смертью во время следствия или отравились, остальных приговорили от 7 лет лишения свободы до пожизненного заключения.

Продолжением Токийского Трибунала явился Хабаровский судебный процесс над группой бывших военнослужащих японской армии, обвинявшихся в подготовке и применении

бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения СССР. Он проходил с 25 по 30 декабря 1949 года.

Военные контрразведчики СМЕРШа трех фронтов сделали все возможное, чтобы разыскать, арестовать, собрать оперативные материалы о злодеяниях «квантунцев» и, проведя предварительное следствие, подготовить подследственных к суду. Судили 12 бывших военнослужащих ВС Японии — от главнокомандующего Квантунской армии генерала О. Ямада до офицеров «отряда 731».

На основании документов, вещественных доказательств, свидетельских показаний, заключения экспертов и признаний подсудимых в ходе процесса вина военных преступников была доказана.

На Хабаровском процессе впервые прозвучало признание, что Токийское руководство планировало в случае высадки и захвата американскими войсками Японских островов перебраться в Маньчжурию и, опираясь на Квантунскую армию, продолжать сопротивление с целью добиться заключения более выгодного мира.

Комитет начальников штабов США пришел к выводу, что в этом случае пришлось бы воевать не менее одного года, и потери союзников, по их расчетам, могли бы составить более одного миллиона человек. Только вступление в войну Советского Союза против Японии и быстрый разгром Квантунской армии сорвали эти планы японских милитаристов и позволили предотвратить массовое применение биологического оружия против советских войск и, главным образом, населения.

Розыск длиною в 25 лет

— Разыскная работа, — говорил ветеран СМЕРШа полковник в отставке Николай Васильевич Левшин, — это что-то наподобие чтения мудрой, а потому довольно-таки сложной для быстрого понимания сюжета и действий персонажей детективной книги. Ее узелки можно распутывать долго.

В связи с этим он привел несколько примеров из его разыскной практики, когда после соответствующих ориентировок еще СМЕРШа государственных преступников — шпионов и пособников немецких оккупантов — вылавливали много лет спустя. В частности, он рассказал об удивительной чекистской удаче участника Великой Отечественной войны, бывшего сотрудника СМЕРШа подполковника Артемия Георгиевича Акинфеева — разыскиваемом с конца войны и выявленном через двадцать пять лет японском шпионе.

Какое же было удивление автора, когда он прочел очерк Тараса Рудыка об этом военном контрразведчике и его четких и выверенных действиях по разоблачению предателя. Это произошло с тем самым офицером-чекистом — Акинфеевым, о котором рассказывал Левшин. И надо же такому случиться, он на последнем году службы выявил агента японской разведки.

Но все по порядку. Ориентировка по этому шпиону была разослана 2-м отделом УВК НКО СМЕРШ еще в победном сорок пятом году.

Надо отметить, что 60—70-е годы — это были годы становления нашего ракетного щита, поэтому призывников, особенно в ракетные войска стратегического назначения, отбирали почти что «поштучно». Обязательной процедурой для таких кандидатов было собеседование с офицером военной контрразведки. В ходе такой беседы с молодыми солдатами офицер особого отдела ракетной дивизии старший лейтенант Александр Шлыков обратил внимание на одного новичка. Молодой военный контрразведчик удивился месту его рождения — город Харбин. Ведь расположен этот населенный пункт на территории другого государства. С руководителями Китая в то время рассорился Никита Хрущев.

Шлыков поделился сомнениями со старшим товарищем, ветераном ВКР Артемием Георгиевичем Акинфеевым. Надо отметить, что в тот период в Управлении КГБ по Хабаровскому краю существовала картотека под названием «БРЭМ» — «Бюро русских эмигрантов в Маньчжурии».

Артемий Георгиевич посоветовал коллеге побеседовать с

молодым солдатом и выяснить подробно о семье, где живут родители, кем работают, и доложить ему. Подчиненный выполнил указание старшего товарища и через некоторое время принес ему собранные установочные данные родителей и других родственников солдата. Подполковник Акинфеев решил всех их проверить через коллег в Хабаровске по картотеке «БРЭМ». С ответом ха-баровчане не задержались.

В ходе проверки выяснилось, что на дядю — брата отца этого воина имелось разыскное дело, хранившееся в 1-м Главном управлении (ПГУ) КГБ СССР. Акинфеев отправил в Москву шифровку и в ответ получил выписку из показаний двух арестованных агентов японской военной миссии на дядю этого солдата.

Как уже упоминалось выше в этой книге, военные японские миссии порой не только активно сотрудничали со своими разведорганами в работе против советских войск, расположенных на территории Маньчжурии, но сплошь были укомплектованы военными разведчиками. Эта миссия предметно работала по тылам наших войск. Ее сотрудники вербовали и засылали свою агентуру для ведения разведки, опрашивали местных жителей о местах дислокации арсеналов и ангаров с нашей боевой техникой, расположения домов офицерского состава (ДОСов), руководили осуществлением диверсионных и террористических актов.

Судя по показаниям арестованных японских разведчиков, дядя этого солдата «славно поработал» на Страну восходящего солнца, а теперь, легализовавшись в Советском Союзе, безбедно и спокойно проживал в Томске. Больше того, государство еще платило предателю — он получал солидную зарплату.

Артемий Георгиевич связался с начальником Управления КГБ СССР по Томской области, которого хорошо знал до этого, и попросил установить наличие этого человека.

Задание военного контрразведчика территориалами было аккуратно выполнено. После чего началась совместная разработка бывшего шпиона, который еще не ответил за свои грехи предательства…

Закончилась работа быстро — предателя изобличили и осудили ровно через 25 лет после того, как он был завербован японской разведкой и активно несколько лет работал на нее.

★ ★ ★

Как классический пример разыскной работы Левшин назвал

действия военных контрразведчиков по поиску начальника японской военно-морской миссии капитана 1-го ранга Минодзумы Дзюндзи.

Сначала оперативники не нашли никаких улик в ходе обыска в помещениях миссии. Однако при осмотре квартиры Дзюндзи среди мусора было обнаружено несколько частных писем, в том числе своей сотруднице, работавшей у Минодзумы официанткой. Установили даму, она показала, что в миссии работали радистами русские (из числа белоэмигрантов). Указала их данные и места проживания. Вскоре их задержали вместе с хранившимися в тайниках радиоприемными устройствами.

В ходе дальнейших агентурно-оперативных мероприятий удалось установить еще одну сотрудницу — секретаршу Дзюндзи, знавшую практически всех сотрудников миссии. На уровне руководства отдела КР СМЕРШ ТОФ было принято решение завербовать ее в качестве аген-та-опознавателя для розыска самого начальника миссии, его шифровальщицы и других сотрудников. Одновременно проводилась работа по квартире Дзюндзи и местам проживания его родственников с внедрением туда агентов-сторожевиков. Но шло время, а Минодзума не появлялся. Вместе с тем за это время армейским контрразведчикам удалось арестовать еще несколько сотрудников миссии, часть из которых использовалась затем в качестве агентов-опознавателей.

На розыск Дзюндзи и шифровальщицы посылались специальные опергруппы в населенные пункты Расин, Сейсин и Гензан, места вероятного появления разыскиваемых и лагеря военнопленных и другие фильтрацион-но-перевалочные пункты. Через несколько дней от агентуры была получена информация, что начальник миссии со своей шифровальщицей, возможно, находятся в Ген-зане. Туда бросили дополнительную спецгруппу сотрудников СМЕРШа, которые на самолете с агентом-опознавателем срочно прибыли в город. И вот в одном из лагерей беженцев агент опознал в человеке, переодетом в поношенное гражданское платье, своего руководителя. Он тут же был арестован. На следствии он, торгуясь, заявил:

— Господа, я хочу вам помочь в поисках моих сотрудников на условиях снисхождения ко мне и сохранения жизни.

«Не по-самурайски, однако, действуешь», — подумал один из оперработников.

И действительно, он выдал еще двух разведчиков, активно работавших против советских воинских частей. За жизнь боролся до последнего.

Началось следствие, которое первоначально вели сотрудники

Отдела КР СМЕРШ Гензанской военно-морской базы ТОФ, а в дальнейшем — УКР СМЕРШ НКВМФ СССР в Москве. В ходе допросов Дзюндзи удалось получить важную информацию о структуре, формах и методах деятельности японской разведки, личном составе и агентуре миссии. Как говорится, он «потек», а потому охотно делился с военными контрразведчиками этапами своей «работы». В совершенстве владея русским языком, он обрисовал в автобиографической «саге» свою многолетнюю деятельность против СССР начиная с двадцатых годов.

Он, в частности, показал: «…начиная с 1922-го я три года находился во Владивостоке для ведения разведывательной работы и практики русского языка. Для реализации этих задач мне удалось в качестве квартиранта войти в семью начальника штаба русского Тихоокеанского флота капитана 1-го ранга Насимова…

Для того чтобы войти в эту семью и вообще для того, чтобы иметь возможности для ведения разведывательной работы, мне пришлось перейти на положение гражданского лица, проживающего во Владивостоке в целях изучения русского языка.

У меня была специальная разведывательная миссия. И я перешел на нелегальное положение, хотя и оставался под фамилией Минодзума, выдавая себя за лицо гражданское, имея при этом на руках соответствующие, подтверждающие это документы.

По инструкции должен был собирать разведывательные данные о боевом составе Тихоокеанского флота и тактико-технических характеристиках кораблей, их дислокации, личном составе флота, учреждениях и учебных заведениях ВМФ, характере возводимых укреплений в порту и крепости Владивостока, дислокации частей Красной Армии в Приморье, политико-экономическом положении СССР.

Во Владивостоке мне удалось завербовать большое количество людей из числа служащих различных учреждений, с помощью которых я собирал ценные сведения военного, политического и экономического характера.

В 1925 году был арестован органами ОГПУ, но на следствии в принадлежности к японской военно-морской разведке не признался и просидел в тюрьме четыре месяца…

Сразу же после освобождения из тюрьмы я выехал в Токио. Через год был назначен уже начальником русского отделения 3-го отдела ГМШ (главного морского штаба) и прослужил в этой должности пять лет.

В 1935 году меня назначили на должность начальника сейсинской военно-морской миссии, где я служил до разгрома

Японии в 1945 году…»

Кроме того, он признался, что, кроме ведения разведки против частей Красной Армии и ТОФ, подопечные Минодзумы проводили диверсионные и террористические акции по его указаниям. Указал время и место осуществления этих акций с гибелью наших людей.

15 февраля 1947 года Военной коллегией Верховного Суда СССР Минодзума был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 7 марта 1947 года.

Надо отметить, что с розыском этого матерого японского разведчика сопряжена судьба и героическая гибель одного из сотрудников СМЕРШа Владивостокского морского оборонительного района ТОФ лейтенанта Михаила Петровича Крыгина. Ему и другим членам оперативной группы руководство поручило захватить японскую военно-морскую миссию в Сейсине, которую возглавлял Минодзума. 13 августа 1945 года в составе первого эшелона десанта морских пехотинцев на катере они ушли в море. В силу сложившихся обстоятельств катер, на котором находился Крыгин, подошел к берегу в стороне от основных сил десантников.

Михаилу пришлось прорываться к своим через хорошо оборудованный и пристрелянный укрепрайон японцев. Конечно, силы были неравные. Из-за сильного пулеметно-минометного огня сразу же погибло много бойцов. Оставшимся в живых десантникам Крыгин приказал отходить к гавани. Когда краснофлотцы заколебались, он властно скомандовал:

— Скорее уходите, вы там нужнее… я прикрою, — он назвал старшего, а потому и ответственного воина по отходу остальной группы.

Десантники спустились в низину и по оврагу ушли в сторону гавани. Они слышали некоторое время, как их оперативник — военный контрразведчик, сотрудник СМЕРШа отбивался от наседавших и озверевших самураев. Потом все чаще автоматные очереди делали паузы.

«Видно, патроны бережет», — как-то разом все вместе подумали отходящие воины.

Затем перестрелка стихла — Михаил в неравном бою пал смертью героя.

Контрразведчик с честью выполнил долг воина-чекиста и своими действиями обеспечил успех по захвату опергруппой военно-морской миссии в Сейсине. Теперь у него была одна дорога — дорога в бессмертие.

За проявленное мужество, бесстрашие и героизм в ходе

боевых действий против японских милитаристов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года лейтенанту Михаилу Петровичу Крыгину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1965 году одна из улиц Владивостока названа именем офицера — военного контрразведчика.

Прах воина-героя покоится в братской могиле на одной из центральных улиц Сейсина.

Предательская татуировка

Эту историю рассказал автору его земляк, коллега и друг полковник N.

Во время своей стажировки в середине 60-х в городе Рыбинске Ярославской области при Особом отделе КГБ, оперативно обслуживавшем подразделения и части войск ПВО страны, он стал носителем интересных разыскных действий. Дело в том, что куратором молодого будущего армейского контрразведчика был майор Курылев Василий Петрович, оперативник со стажем, участник Великой Отечественной войны, длительное время имевший отношение к разыскной работе.

Об одной из операций по многолетнему разыскному марафону, с последующим задержанием и судом над особо опасным преступником он и рассказал практиканту-слушателю 1 — го факультета Высшей Школы Комитета госбезопасности СССР.

— Шла война, — рассказывал Василий Петрович, — моя часть в составе соединения вошла в город С. на Украине. При штабе дивизии находился и наш Особый отдел контрразведки СМЕРШ. И вот буквально на следующий день после освобождения к армейским чекистам повалил народ — кто с чем: с разными просьбами, историями, заявлениями, жалобами.

Приходит однажды пожилая женщина, учительница, как сейчас помню, и говорит, что в городе было десятка два «своих» полицейских, которых все знали в лицо. Они особенно не шкодили, особенно в последний год оккупации — прогнозировали, очевидно, конец германцу, а вот их главный полицай по имени Иван Горобец пуще зверя был.

— А чем же он выделялся в своих проступках? — спросил ее оперативный сотрудник.

— Бил людей по любому поводу и без оного, расстреливал заподозренных в связях с партизанами, насиловал девушек и молодых женщин. Моего супруга — инвалида застрелил из-за неприязни к нему, а когда Красная Армия стала приближаться, дал деру. Сбежал гад. Говорили, ушел с немцами, но мне не верится, фашистам было не до полицаев. Они сами вынужденно торопились. Улепетывали из города так стремительно, что даже в блиндажах и в домах, где они столовались, пооставляли много своих трофеев и личных вещей, в том числе и документов — партизаны поживились. Я больше чем уверена — этот упырь где-то осел, притаился. Влез в доверие и тихо себе живет мерзавец.

Допрошенный близкий друг Ивана, бывший полицейский Петро Дорошенко, сообщил, что у него были родственники в

центральных областях России — то ли Ивановской, то ли Ярославской области.

Все эти данные были задокументированы, и материалы на предателя особисты передали территориальным органам.

Проходило время, но украинские коллеги так и не обнаружили Ивана Горобца — вспорхнул он и пропал.

★★★

Со слов Василия Петровича, военные контрразведчики стали разыскивать немецкого прихвостня после очередной ориентировки из Центра, в которой проходил и давний знакомый майора. Майор Курылев через свое руководство запросил материалы на Ивана Горобца. Скоро он их получил.

Итак, было собрано максимум установочных данных с фиксацией его конкретной преступной деятельности. Пришлось офицеру выехать на Украину. В ходе опроса оставшихся в живых свидетелей, очевидцев и знакомых он получил дополнительные сведения о фигуранте разыскного дела. Там же ему передали и несколько фотоснимков с изображением разыскиваемого предателя в период оккупации. Правда, они были некачественные. Но в продвижении поиска серьезно помогла неожиданно отыскавшаяся бывшая любовница Ивана по имени Надежда.

Несмотря на время, она, видно, не забыла примет на теле своего постельного кумира. На одном из допросов женщина показала, что у Ивана на правом плече имелась татуировка в виде могилы и креста со словами «Не забуду мать родную!», а чуть ниже на предплечье красовались очертания женского лица.

Разыскники предполагали, Иван мог сменить не только имя и фамилию, но и внешность. Высказывалось мнение, что он наверняка «свел» татуировки с целью обеспечения личной безопасности в будущем. Но, несмотря на пессимизм некоторых сослуживцев Василия Петровича, руководство отдела требовало довести начатое дело до конца. Да и сам майор горел желанием найти предателя, тем более в материалах был протокол допроса подельника Горобца, который утверждал о наличии у него родственников в России.

Проинструктированная агентура стала активно работать в направлении выявления мужчин с подобными татуировками. Негласный аппарат «обрабатывал» бани, поликлиники, больницы, пляжи. И вот от агента «Стремительного» было получено сообщение, что ему знаком один «фронтовик», у которого есть

такая татуировка. Зовут его Игорь Петрович Самохвалов. Проживает по соседству с негласным сотрудником в частном доме. Часто ходит в церковь. Говорил — замаливает грехи юности. Еще он заметил такую странность в поведении. Он Игоря Петровича редко видел обнаженным по пояс — всегда, даже в летний зной, носит рубашки с длинным рукавом. На приглашения в парилку или баню отказывался, ссылаясь на удобства в этом плане в своем доме.

— Все эти цацки — ванная и душ — у меня под боком. Сам смастерил и установил. Хочешь, мойся, хочешь — нет, — говаривал он не раз соседу в ответ на приглашение.

★★★

Сличение ранних фотографий ничего не дало. Тогда военные контрразведчики решили через военкомат вызвать Самохвалова на медкомиссию по поводу призыва на сборы. В те годы в Советском Союзе практиковались мероприятия приглашения с отрывом от производства на месячную военную переподготовку. Таких призывников в народе называли «партизанами».

Как говорится, никогда не бывает больших дел без больших трудностей. Василий Петрович это понимал, поэтому, когда выданную повестку с приглашением в военкомат Самохвалов проигнорировал, сославшись на болезнь, оперативному работнику стало ясно — он на правильном пути, а возникающие в связи с этим новые преграды требовали более активных мыслей и действий.

Решили по линии военкомата направить к Самохвалову женщину — врача. Если болеет — помочь, если симулирует — вывести на чистую воду. С доктором установили доверительные отношения.

Приходу врача объект оперативного внимания явно не обрадовался, но всячески скрывал свое истинное отношение к визиту эскулапа.

— Что с вами, Игорь Петрович? — спросила миловидная женщина в белом халате, поправляя висевший на шее стетоскоп. — На что жалуетесь?

— Давление, видать, голова, как чугунная, подташнивает, головокружение, — жаловался пациент. — Да и кашель в последнее время замучил. Видать, времечко приходит за грехи молодости расплачиваться.

И вот со словом «кашель» он сделал непростительную ошибку, которой воспользовалась врач.

— Ну-ка снимите рубаху, я вас послушаю, — властно скомандовала женщина.

— Да вы смеряйте давление, — он оголил левую руку по локоть.

Врач стала мерить давление и была удивлена нормальным показателям тонометра. Но виду не показала.

— Все же давайте я вас послушаю?!

Он поднял в знак согласия на требования доктора нижний край рубахи, оголив часть спины.

— Снимите ее совсем, мне же так неудобно слушать, — более настойчиво произнесла врач.

Он нехотя повелевался приказу, но повернулся к ней левым боком. Потом она развернула его… и вот тут на правом плече лекарь заметила татуировки, о которых ей поведал военный контрразведчик. Кровь прилила к лицу, сильней застучало сердце. Но она тут же погасила волнение.

★★★

Теперь майору стало ясно: Самохвалов — это наверняка Горобец. К этому времени с Украины подошла качественная фотография полицая, так нужная для идентификации личности. Осталось совсем немного, чтобы найти истину и поставить точку в затянувшемся розыске особо опасного преступника.

Составляя план дальнейших действий, Курылев подумал: «Да, каждый сам плетет те бичи, которыми его полосует судьба. А что судьба — это, прежде всего, суждение Всевышнего о нас. Бог бережет для детей нечестивых их несчастья. Грехи преступления сейчас бичуют его. А жизнь для таких — вечное склеивание осколков разбившихся надежд. Но он их не склеит, потому что за все в жизни надо отвечать».

Вскоре Самохвалов-Горобец был арестован. Вначале он отрицал присвоение другой фамилии, но под действием улик вынужден был признаться в своих прегрешениях.

Предатель получил по заслугам!

Эпилог

Разыскная и фильтрационная работа органов военной контрразведки СМЕРШ НКО СССР не завершилась с окончанием войны и расформированием этого грозного подразделения в системе государственной безопасности. Эстафету своих старших товарищей приняли сотрудники МГБ, КГБ СССР и ФСБ РФ.

Призыв, ставший нормативным актом, — нет срока давности за злодеяния преступников из числа оккупантов и доморощенных предателей — неукоснительно соблюдался и соблюдается до сих пор. Разве что время внесло свои коррективы. Многие разыскивающие ушли из жизни, а другие стали немощными, больными, дремучими старцами. Фемида, однако, не кровожадная, а справедливая дама, а поэтому судит тех, кто заслужил сесть на скамью подсудимых, невзирая на возраст — нет срока давности!

За измену Родине, предательство, учиненное зло пролитием крови и отнятием чужой жизни надо отвечать. В любом государстве за такие преступления сурово карают.

Как говорил кто-то из великих — нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем. Подлость универсальна. Нарушитель любви к ближнему первым предает самого себя.

Да, общество через условия бытия готовит преступление, а совершают его конкретные преступники. Такие режимы, как нацистская Германия и милитаристская Япония, тоже были осуждены международными трибуналами, ибо правителями этих стран создавались идеальные условия для совершения преступлений против мира и человечества.

Но для того, чтобы осудить преступников, прячущихся от правосудия, органам госбезопасности СССР надо было сначала их выявить.

Большую работу сделали сотрудники СМЕРШа, просеяв через свое сито определенную массу подозреваемых, чтобы отыскать в ней тех немногих, у которых руки испачканы в крови невинных жертв и совесть изгажена дерьмом подлых, человеконенавистнических преступлений.

Библиография

СМЕРШ. Исторические очерки и архивные документы. 60 лет Победы в Отечественной войне. Издательство Главархива Москвы. ОАО «Московские учебники и Картолитография». — М., 2005. С. 222–227, 228, 230–240.

Сыромятников Б.А. Сорок шесть часов с румынским диктатором // Военно-промышленный курьер — ВПК 17. 23 октября 2007 г.

Дегтярев К., КолпакидиА. СМЕРШ — «Смерть шпионам!». — М.: Эксмо, 2009.

Матвеев Олег. Независимое военное обозрение 15.06.2001 г. — «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает…»

Эггерт К. «Михай 1» // Русский Newsweek. 2007 год. 28 апреля — 13 мая. № 18(144).

Дегтярев К. и Колпакиди А. Энциклопедия спецслужб. СМЕРШ — Смерть шпионам. — М.: Эксмо, 2009. С. 527–532.

Вторая мировая война. Итоги и уроки. — М.: Военное издательство, 1985.

Терещенко А. СМЕРШ в бою. — М.: Яуза; Эксмо, 201Q.

Бондаренко А., Ефимов Н. На острие. Военная контрразведка. Рассекреченные страницы. —М., 2009.

Матвеев А.И. 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. — М.: Ягуар, 2002.

Остряков С. Военные чекисты. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979.

Чекисты Балтики. Составитель Островский А.Л. — Ленинград: Лен-издат, 1984.

Неотразимое возмездие / По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. — М.: Военное издательство, 1987.

Безбородова И.В. Генералы вермахта в советском плену. — М., 1998. И Интернет: «Вступительная статьи к справочнику» — А. Хубларов.

Митчем Сэмюел. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. — Смоленск: Русич, 1998.

СС в действии. Документы о преступлениях СС / Пер. с нем. — М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Родина // Российский исторический журнал. № 12. 2008.

Соловьев А.К. Шпионское досье «Бакалавра». — М.: Ягуар, 2000.

Абжаген Карл Хайнц. Адмирал Канарис. — Ростов-на Дону:

Феникс, 1998.

Газета «Правда» от 19 июля 1943 года. Статья — «Смерть гитлеровским палачам и их гнусным пособникам».

Телицын Вадим. «СМЕРШ»: операции и исполнители. — Смоленск: Русич, 2000.

Тепцов Н.В. «Зеленая папка» Геринга. Документальное свидетельство об экономической политике завоевателей России. — М.: Клуб ветеранов госбезопасности, 2005.

Приказы по НКВД СССР в части, касающиеся СМЕРШа. / Интернет-сайт «Хронос», 2009.

Интернет-сайт Демоскоп Weekly,

Семиряга ММ. Тюремная империя нацизма и ее крах. — М., 1991.

Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы.

Штейнберг М. Когда слово «военнопленный» звучит гордо // Независимое военное обозрение. № 1. 2005 г. С. 8.

Яковлев А.Н. Жириновскому и другим «патриотам» в жирных кавычках // Газета «Известия». 25 апреля 1995 г. № 76 (24435).

Шелленберг Вальтер. Мемуары (Лабиринт) / Пер. с нем. — М., 1991.

Бивор Энтони. Сталинград. Серия — МИР В ВОЙНАХ. — Смоленск: Русич, 1999.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социальный аспект) // Социологические исследования. № 7, 1999.

Шабаев А.А. Потери офицерского состава Красной Армии в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. № 3. 1998.

Иоахим К.Фест. Гитлер / Пер. с нем. — Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993.

Безверхний А.Г. Новости разведки и контрразведки. — М., 18 апреля 2003 г.

Соколов Б.В. Пиррова победа. Историки отвечают на вопросы. (Новое о войне с Финляндией) // Выпуск № 2. Москва, 1990.

Чуев Сергей. Украинский легион. — М.: Яуза, 2006.

Крикунов Петр. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. — М.: Яуза; Эксмо, 2006.

Чуев Сергей. Власовцы — пасынки Третьего рейха. — М.: Яуза; Эксмо, 2006.

Иоффе З.Я. Сайт в Интернете «Я помню», 2010.

Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 548.

Квицинский Ю. Серия «Досье». «Иуды». — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Анатолий Терещенко

Линдер ИАбин Н. Загадка для Гиммлера. Офицеры СМЕРШ в

Абвере и СД. — М.: РИПОЛ классик, 2008.

Мультатули П.В. Обзорная статья на сайте в Интернете «Атаман Краснов». 2010.

Журнал «На казачьем посту». 1943. № 12. С. 4.

Христофоров В., Макаров В. Найти и обезвредить // Военно-промышленный курьер. № 230 от 11.01.2009 г.

Соколова О. Кровавый латышский легион «Ваффен СС». Герои или просто фашисты // Таблоид «Vlasti. net». 17.03.2009 г.

Казначеев В. Последний генсек. — М.: Газета «Гудок», 1996.

Зенькович Н. Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. Досье. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Катуков М.Е. На острие главного удара. — М.: Воениздат,1974. С. 312.

ЦГАООУ, ф.1, оп.23, д.930, л. 133–137. Спецсообщение УКР СМЕРШ 1-го Украинского фронта, 20 мая 1944 г.

ЦА ФСБ. Ф.100. Оп. 11. Д.7.Л. 231–234.

Чистяков Алексей. Откуда есть пошла Ненька-Украина // Газета Ассоциации Ветеранов Подразделения Антитеррора «Альфа». № 7(46). Июль 2000 г.

Нюрнбергский процесс: Сборник документов в 8 т. — М.: Юриздат, 1989 г. Т. 3. С. 426.

Без права на реабилитацию. Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов. Книга в 2 томах. Т. 1. С. 98.

Архив КГБ УССР, ф. печатных изданий, д. № 372, т. 38.

Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. — М.: Европа, 2006. С. 235–250.

Дюков Александр. Эстония во Второй мировой войне // Сайт в Интернете от 12.12.2006 г.

Русский обозреватель — «Эстония — Мекка военных преступников, осужденных Нюрнбергским трибуналом». — 27 июля 2009 г.

Сапагубова Наталья. Заключенный под № 9 // «Наша газета», № 45 от 9 ноября 2006 г.

Пикер Генри. Застольные разговоры Гитлера. — Смоленск: Русич, 1998.

Яцовскис Е.Я. Забвению не подлежит. — М.: Военное издательство, 1985.

Санников Георгий. Операция «Рейд», или История одной любви. Спецслужбы в борьбе за Украину (1946–1956). — М.: Детектив ПРЕСС, 2007. С. 461.

Пальчиков П. Два лика генерала Власова // Журнал

«Москва». № 7. 2007.

Московская битва в хронике фактов и событий. — М., 2004. С. 356.

Богомолов В.О. Сердца моего боль… Т. 2. — М.: 2008. С. 243–244.

Квицинский Юрий. Иуды, или Колесо предательства. — М., 2009. С. 223–224.

Голденсон Л. Нюрнбергские интервью. Россия. — Екатеринбург, 2008. С. 473.

Христофоров В., Макаров В., Хавкин Б. Фельдмаршал фон Клейст на Лубянке // Журнал «Родина». № 5. 2010. С. 91.

Кодачигов Валентин. СМЕРШ на японском фронте // Статья в газете «Независимое военное обозрение» и на сайте в Интернете от 27.02.2004 г.

Толокин Виктор. Правда, которая не дает покоя // Рабочая газета. № 137 от 4 августа 2010 г.

Россов Олег. Разгром ОУН — УПА. 1944–1945 гг.: Ч. 6 // Сайт в Интернете.

Крейг Уильям. Падение Японии. — Смоленск: Русич, 1999.

Статья «Парадоксальная память о войне» — генерал армии Махмуд Гареев. Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор». Интернет, 2010 г.

Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Военная контрразведка. От «Смерша» до контртеррористической операции. — М.: Кучково поле, 2010.

Мерецков К.А. На службе народу. — М.: Высшая школа, 1984.

Штеменко С.М. Генеральный Штаб в годы войны. — М.: Военное издательство, 1985.

Павлов В.Г. Операция «Снег». — М.: ТОО «Гея», 1996.

Смыслов О.С. Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа. — М.: Вече, 2005.

ЛюлечникВ. Тайны войны // Международный Интернет-журнал «Русский глобус». № 6. Июль 2006 г.

Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1981.

Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. — М.: Наука, 1975.

Душенко К. Большая книга афоризмов. — М.: Эксмо, 2004.

Музы вели в бой. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1985.